ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1979

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Т 98

«Тюркологический сборник» посвящен проблемам истории и историографии Османской империи в средние века и новое время. В статьях освещаются ключевые проблемы истории Османской империи и турецкого источниковедения средних веков, а также проблемы преобразования феодальных институтов Османской империи в новое время.

Т $\frac{0506000000\text{-}017}{013(02)\text{-}85}$ 41-85

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Новый, десятый выпуск «Тюркологического сборника» целиком посвящен проблемам истории и историографии Османской империи в средние века и новое время.

Позднее средневековье — один из наименее изученных историками-марксистами, и в частности советской наукой, периодов истории Турции. Между тем именно в это время сформировались характерные для Турции (а в границах Османской империи — и для всего Ближнего Востока) экономические и социальные структуры, действие которых определяло ход внутреннего исторического развития региона до сравнительно недавнего времени и продолжает сказываться в новейшее время. В статьях К. А. Жукова, М. С. Мейера, А. М. Мусаева затронуты ключевые проблемы истории и источниковедения этой чрезвычайно интересной эпохи, кризис и преодоление наследия которой является темой другой группы статей (Н. А. Дулина, Ю. А. Петросян, И. Л. Фадеева, В. И. Шеремет).

Тематическое единство сборника позволило в полной мере охватить широкий круг взаимосвязанных сюжетов, в целом дающих всестороннее представление о судьбах Османской империи в переломные для нее периоды истории. Внутренние связи между публикуемыми статьями столь органичны, что приближают сборник к определенному типу коллективной монографии, подводящей итог целой серии предварительных разработок и публикаций.

Редколлегия надеется, что принятый здесь тип издания будет встречен со вниманием заинтересованнной аудиторией и предопределит характер последующего обсуждения затронутых проблем.

Н. А. Дулина

САДЫК РИФАТ-ПАША И ЕГО ПРОЕКТЫ РЕФОРМ В 30-е ГОДЫ XIX в.

Одной из малоизученных проблем периода реформ танзимата является идеология его деятелей.

Реформы танзимата, осуществлявшиеся сверху немногочисленными государственными деятелями Османской империи, несли в себе новые, непривычные для османского общества представления о ценности человеческой личности, неприкосновенности жизни и имущества, равенстве перед законом мусульман и немусульман, сановников и бедняков. Эти буржуазные идеи, заимствованные на Западе, были провозглашены Гюльханейским хаттом 3 ноября 1839 г. Дальнейшие реформы танзимата имели целью провести их в жизнь в различных областях: в праве, государственном управлении, просвещении. Но актуальность идей хатта, их необходимость для успешного развития государства и для создания условий функционирования буржуазных институтов понимали немногие представители правящего класса Османской империи. Сами они, очевидно, также не имели четкого представления о путях развития традиционного восточного общества (каким оно было в Османской империи до 1839 г.) при условии его успешного сосуществования с передовыми буржуазными государствами Европы. Деятели танзимата искали возможность безболезненной перестройки традиционных мусульманских институтов и учреждений. Однако реформы танзимата не были безболезненными. Они задевали классовые, национальные и религиозные интересы различных слоев общества и вызывали широкое противодействие, в том числе и среди сановников, имевших непосредственное отношение к руководству осуществлением реформ.

Выяснение отношения конкретных исторических лиц к этим проблемам чрезвычайно важно. Сегодня, однако, нельзя ответить даже на вопрос, кто из сановников, подписавших протокол о провозглашении Гюльханейского хатта 1839 г., сделал это по

причине согласия с его идеями, а кто считал Гюльханейский хатт мерой временной, демонстративной, вынужденной внешнеполитическими обстоятельствами. Особую важность имеет отношение деятелей танзимата к проблемам экономического развития Османской империи, которая с конца XVIII в. усиленно втягивалась в мировой капиталистический рынок.

Поэтому трудно переоценить свидетельства источников, проливающих свет на эту проблему.

Известно, что Мехмед Садык Рифат-паша (1807—1857) был одним из немногих единомышленников[1] инициатора танзиматских реформ и автора Гюльханейского хатта Мустафы Решид-паши (1800—1858).

Мехмед Садык Рифат родился в Стамбуле 28 октября 1807 г. в семье Хаджи Али-бея, дворцового чиновника из риджалей (вельможей). Государственную службу начал во дворце в финансовой канцелярии (хазине одасы). Затем служил в одной из канцелярий великого везира, исполнял должность сборщика налогов, служил в канцелярии амеди[2]. Был одним из первых (после учреждения в 1834 г. постоянных турецких посольств в европейских столицах) профессиональных турецких дипломатов и долгое время пробыл в Европе. В сентябре 1837 г. был назначен посланником (орта эльчи) в Вену, через два года получил статус полномочного посла (бююк эльчи). Во время подготовки и провозглашения Гюльханейского хатта (1839 г.) был советником министерства иностранных дел и членом Высшего совета юстиции, который имел непосредственное отношение к утверждению и претворению в жизнь идей Гюльханейского хатта[3]. 30 марта 1841 г. впервые занял пост министра иностранных дел, заменив смещенного Мустафу Решид-пашу. В это время Рифат получил титул паши.

Разрешить сложную проблему управления в Ливане, в которую вмешивались европейские державы, Садыку Рифату оказалось не под силу, и 22 декабря 1841 г. он был отстранен от должности. В октябре 1842 г. вновь отправился в Вену в качестве посла, где оставался до июня 1843 г., когда вторично занял пост министра иностранных дел. На этот раз Рифат-паша исполнял обязанности немногим более года — до октября 1844 г. В последующие десятилетия еще дважды занимал пост министра иностранных дел: с мая по июль в 1848 г. и с марта по май в 1853 г.

Садык Рифат-паша был также министром финансов, председателем Высшего совета юстиции, председателем Консультативного совета, исполнял другие многочисленные поручения. Умер 11 февраля 1857 г.[4].

Рифат-паша оставил после себя несколько сочинений, в которых писал о современной ему Европе и причинах ее процветания, о своем путешествии в Италию, о мусульманской мора-

ли и др. Его сочинения неоднократно издавались[5] как при жизни, так и после смерти[6].

Взгляды Садыка Рифата о причинах отставания Османской империи от передовых европейских держав и предложения о путях преодоления отсталости привлекали внимание исследователей наших дней[7].

Наиболее часто в литературе встречается упоминание об издании сочинений Садыка Рифата, носящих название «Избранные произведения» или «Избранные записки» («Мюнтехабаты асар»)[8]. Второе название больше соответствует содержанию первого тома полного варианта этого издания, так как в него включены произведения малых форм: посольские донесения Садыка Рифата, докладные записки, служебная переписка, небольшие статьи. Из двух вариантов издания сочинения краткий в одной книге вышел из печати в 1858 г. в Стамбуле в издательстве «Таквим ханеи амире». В двухтомнике не указаны ни место, ни дата издания. Однако очевидно, что он вышел позднее краткого издания. В первом томе на стр. 3 второй части встречается имя Аали-паши, исполнявшего в 1842 г. обязанности турецкого посла в Лондоне. Его имя упоминается и в других частях книги, причем везде, где издатель приводил поясняющее содержание соответствующего документа название, в котором упомянуто имя Аали-паши, оно везде дано с эпитетами «усопший» (мерхум). Аали-паша — лицо известное, он скончался в 1871 г. Следовательно, книга издана после этого года. На экземпляре книги, хранящейся в библиотеке ЛО ИВ АН СССР, имеются две надписи, сделанные от руки, одна на новогреческом, другая — на арабском языке. Они говорят о том, что книга была приобретена 5 марта 1878 г. Томастукули ибн Булюхрун Григориадисом. 18 февраля 1879 г. оба тома книги, о которой идет речь, купил Григориадис Константин за 180 грошей. Таким образом, книга издана между 1871 и 1878 гг.

Судя по описанию этого издания, сделанного историком турецкой литературы А. Х. Танпынаром[9], в его второй том вошли такие сочинения, как «Рисале о положении в Европе» (12 стр.), в котором нашли отражение взгляды Садыка Рифата о необходимости реформы государственного управления, «О реформах в Османской империи» и некоторые другие.

В библиотеке ЛО ИВ АН хранится лишь первый том полного варианта издания «Мюнтехабаты асар». Он состоит из пяти частей с раздельной пагинацией (98, 78, 77, 80, 72 стр.). Общие названия частей отсутствуют. В первой части содержатся главным образом посольские донесения из Вены за 1842—1843 гг. и некоторые записки. Письма и разного рода записки второй части датированы 1842—1853 гг., когда автор исполнял обязанности посла в Вене и министра иностранных дел.

Содержание первых двух частей касается внешнеполитических проблем, которыми была занята Османская империя в указанные годы. Среди них: административное управление в Ливане и Сербии и вмешательство европейских держав; разногласия с Австрией в связи с деятельностью австрийской пароходной компании в Трабзоне; события, предшествовавшие началу Крымской войны, и др. Документы третьей части относятся ко времени 1845—1850 гг., когда Садык Рифат неоднократно занимал пост председателя Высшего совета юстиции, члена Совета танзимата и министра финансов, а также к 1838—1839 гг.— времени его пребывания в Вене до провозглашения Гюльханейского хатта (3 ноября 1839 г.). Эти последние документы (1838—1839) легли в основу данной статьи. В четвертой части содержатся докладные записки и некоторые протоколы, принадлежащие перу Садыка Рифата, касающиеся реформ танзимата. Они датированы 1844—1849 гг., когда автор занимал различные должности. В пятой части — докладные записки того же содержания, относящиеся к 1852—1856 гг., и некоторые другие, в том числе небольшое сочинение о нравственности, предназначенное для чиновников.

Издание записок Садыка Рифата, таким образом, по хронологически-тематическому принципу тщательно подготовлено составителем, имя которого остается неизвестным. По нашим наблюдениям, в издании встречаются опечатки, чаще всего связанные с ошибочным расставлением диакритических точек над согласными буквами, либо неверной заменой одной буквы другой, либо перестановкой букв, добавлением лишних, опущением необходимых и т. д. Встречаются слитное написание двух слов и раздельное написание одного слова. Но в общем можно считать, что эти ошибки немногочисленные и текст достаточно выверен.

Предложения Садыка Рифата о необходимости обеспечить безопасность личности и имущества, о путях оздоровления системы управления Османской империи и ее экономики, о развитии дипломатической службы, просвещения, сделанные им еще до провозглашения Гюльханейского хатта и нашедшие место в издании, о котором идет речь, представляют большой интерес. Они во многом идентичны принципам названного хатта. Совпадение ряда важных идей свидетельствует о том, что Мустафа Решид-паша, инициатор реформ танзимата, был не одинок в своем начинании и что высказанные им принципы были в определенной мере уже знакомы представителям османского правящего класса. Очевидно, они зародились у тех османских чиновников, которые, живя в европейских столицах, имели возможность ознакомиться с их европейскими вариантами.

Господствовавший в дотанзиматской Османской империи государственный строй, поддерживаемый законами шариата, ме-

шал развитию капиталистического уклада в экономике и буржуазных институтов во всех других областях[10]. Частная собственность в Османской империи существовала в ограниченных размерах и признавалась мусульманским правом и канунами (султанскими законами) со многими оговорками. Ее безопасность не была обеспечена законом, и потому владельцы земель мюльк торопились отдать их в вакф, а себя и своих потомков назначить распорядителями имущества при условии получения за это определенной доли доходов. Люди, нажившие состояние торговлей, запрещенными законом спекуляцией и ростовщичеством, тщательно его скрывали, опасаясь конфискаций, и боялись вкладывать средства в предприятия капиталистического типа. Турецкие власти считали, что большое богатство наживается неправедным путем — путем нарушения мусульманских законов.

Деятели танзимата (среди них и Садык Рифат) понимали, что непременное условие развития Османской империи, выхода ее из состояния отсталости — создание условий для развития капиталистического уклада в экономике, накопление богатства не только государством, но и частными лицами. А для накопления богатства необходимы были гарантии безопасности личности и имущества, которые должны были обеспечить новые законы.

Османское общество в 1839 г. не было подготовлено к тому, чтобы признать право любого человека владеть богатством, в отличие об общества капиталистического, европейского, где частная собственность признавалась «священной и неприкосновенной». Ислам осуждал богатство, признавая лишь достаток. Мусульманин должен был придерживаться умеренного образа жизни, среднего между изобилием и скаредной экономией, как для себя, так и для своей семьи[11]. Поэтому Садык Рифат считал нужным разъяснить, что в случае привлечения человека к уголовной ответственности за какой-либо проступок или преступление богатство не должно приносить вред; не должно вызывать подозрения; за богатство нельзя осуждать, так как оно является лишь следствием и доказательством способностей человека. Государство, по мнению Садыка Рифата, не должно вмешиваться в процесс накопления и прибегать к конфискации имущества (стр. 58)[12]. Отметим здесь, что другой деятель танзимата, автор Гюльханейского хатта Мустафа Решид-паша, задумывался о необходимости ввести в Османской империи гарантии неприкосновенности личности и имущества еще в начале 30-х годов XIX в.[13].

Положение о необходимости гарантий безопасности вошло в Гюльханейский хатт[14]. Как этот, так и другие принципы Гюльханейского хатта (как, например, равенство перед законом мусульман и немусульман), которые противоречили шариату

и установившимся традициям, не означали, однако, что реформаторы собирались предать забвению принципы ислама. Напротив, они опирались на ислам и верили, что истинному исламу не противоречат идеи капиталистического Запада [15]. В сущности, 30-е годы XIX в. в Османской империи можно считать периодом подготовки к реформации ислама, когда широкие круги общества знакомились с новыми идеями, позволявшими принять буржуазный образ жизни, правда совмещенный с сохранением ряда традиционных институтов (например, с государственной собственностью на землю) [16].

Учреждение гарантий неприкосновенности жизни, чести и имущества подразумевало принятие нового уголовного кодекса. И хотя в записках Садыка Рифат-паши, о которых идет речь, прямо об этом не говорилось, но обеспечить названные права, хотя бы в теории, мог лишь новый закон. Права населения должны были прежде всего соблюдаться администрацией, т. е. чиновниками. Поэтому Садык Рифат считал необходимым не только установить запреты злоупотреблений (что делалось и ранее), но и добиться от чиновников неукоснительного следования духу предлагавшихся им реформ, заинтересованности в добросовестном исполнении обязанностей путем определения их прав и материального поощрения. Вопросу о положении чиновников в Османской империи уделено в записках большое внимание. Злоупотребление служебным положением, взятки и бакшиши были широко распространены среди чиновников Османской империи. Этому способствовало отсутствие твердого государственного жалованья. Государство предоставляло чиновникам право самим получать плату за услуги населению. Не менее важными причинами были бесконтрольность администрации и бесправие самих чиновников, полностью зависимых от воли вышестоящих. Поэтому Садык Рифат предлагал обеспечить безопасность их жизни, чести и имущества, назначить жалованье, воспитывать у чиновников чувство ответственности и установить контроль за их деятельностью со стороны высокопоставленных векилей (министров).

Обращает на себя внимание стремление Садыка Рифата оградить чиновников от самоуправства коллег, занимавших более высокое положение, запретить им не только смещать с должности или повышать своих подчиненных, но даже выносить необъективные выговоры.

Позднее, в 40-е годы XIX в., по инициативе деятелей танзимата для контроля за действиями чиновников были созданы местные меджлисы, часть членов которых была выборной. Однако в условиях Османской империи, где буржуазия только зарождалась и еще не могла взять контроль за соблюдением реформ буржуазного характера в свои руки, это нововведение, как и предложения Садыка Рифата унифицировать деятель-

ность администрации, не принесло ожидаемого результата. Большинство чиновников оказались незаинтересованными в установлении нового порядка, т. е. в исполнении реформ танзимата. Введенное жалованье было значительно ниже прежних поборов с населения. Предоставление же некоторых прав христианскому населению обострило религиозные, классовые и национальные противоречия. Злоупотребления даже усилились, а широкие слои населения причиной ухудшения своего положения считали реформы танзимата [17].

К вопросу о безопасности личности и имущества, о расширении прав чиновников и населения относится предложение Садыка Рифата ограничить власть султана рамками светской законности. Оно было выражено в ясных и определенных выражениях и звучало для тогдашней Османской империи столь смело, что Мустафа Решид не решился включить его в тех же выражениях в текст Гюльханейского хатта. Садык Рифат писал, что султан не изволит подписывать повелений, которые противоречат устанавливаемому порядку. Если такое ираде появится, писал он далее, то не должно исполняться чиновниками; а если обнаружатся чиновники, согласившиеся с подобным ираде, то они должны быть немедленно наказаны (стр. 60). Автор Гюльханейского хатта не включил в его текст и предложение Садыка Рифата о письменном обязательстве султана поддерживать нововведения. В тексте хатта речь шла лишь о клятве устной. (Хотя письменным обязательством можно считать сам текст Гюльханейского хатта.)

В период осуществления реформ, в 40—50-е годы XIX в., особой непоследовательностью отличались действия султанского правительства в области экономики. При первой же неудаче нововведений сановники возвращались к старым методам хозяйствования [18]. Источники, в которых последовательно излагались бы экономические взгляды османских государственных деятелей того времени, неизвестны. Потому представляет интерес та часть докладных записок Садыка Рифата, в которой он затрагивал вопрос о путях экономического развития Османской империи. Садык Рифат подчеркнул важную роль экономики, считая, что от уровня ее развития зависят богатство, власть, рост населения и его спокойствие. Традиционная торговая политика султанского правительства состояла в привлечении в страну иностранных товаров. Местная кустарная промышленность Османской империи не удовлетворяла спрос населения, и иностранные товары должны были восполнить этот пробел. Государство получало прибыль от взимания невысоких таможенных пошлин и довольствовалось ею. Причем вывоз собственных товаров не поощрялся, налоги на экспорт были всегда выше, чем на импорт. Таким образом, у османов не было идеи о балансе торговли, сформулированной в меркантилистской Анг-

лии в XVI в.[19]. Активному балансу торговли не способствовал и англо-турецкий торговый договор 1838 г., который разрешил свободу торговли в Османской империи и способствовал наводнению османского рынка дешевыми товарами европейских мануфактур[20]. За год до его заключения министр иностранных дел Мустафа Решид-паша в докладной записке султану Махмуду II высказался за изменение традиционной торговой политики, указав на выгодность политики меркантилистской, основной принцип которой состоит в активном торговом балансе[21]. После заключения англо-турецкого торгового договора 1838 г. Мустафа Решид-паша до конца своих дней оставался, по-видимому, сторонником свободы торговли[22]. А Садык Рифат через год после заключения названного договора высказался за преимущество активного торгового баланса (стр. 46). Однако можно допустить, что деятели танзимата считали возможным добиться превышения экспорта над импортом в условиях свободной торговли. Садык Рифат был сторонником развития местной промышленности и налоговых льгот для предпринимателей, взявшихся построить кирпичные здания для производства тканей, сахара и стекла, а также сторонником развития сельского хозяйства, торговли, улучшения шоссейных дорог и строительства постоялых дворов. Для заимствования опыта он предлагал приглашать европейских мастеров (стр. 45—46).

Рекомендации Садыка Рифата избегать бесполезных и ненужных трат, стремиться уменьшить государственные расходы, чеканить полноценную монету, не вводить экстраординарных налогов с целью увеличить доходы государства (стр. 41—42, 60) не выходят за рамки требований традиционной финансовой политики Османской империи. Однако некоторые его замечания, относящиеся к этой области, содержат в себе новые элементы. Именно в пятом параграфе первой докладной записки (о ней речь ниже), который касался финансов, Садык Рифат отмечал, что необходимые государству порядок в империи и в миллетах и благосостояние государства формируются путем изменения обычаев. Непосредственно за этим замечанием автор записки сослался на пример европейских государств, где в течение уже значительного времени крупные здания и фабрики строятся частными лицами на паях, а не государством. Он предложил и в Османской империи создать условия для состоятельных подданных, чтобы они могли следовать этому примеру (стр. 41—42). Ясно, что следствием исполнения этого совета явилось бы появление крупных кирпичных зданий и фабрик, находящихся в частной собственности. Обращает на себя внимание предложение Садыка Рифата не продавать для сбора налогов выморочные мукатаа (фискальные участки, сдававшиеся казной на откуп для сбора налогов), так как оставление их в непосредственном распоряжении государства приведет

к увеличению государственных доходов (стр. 41). Система мукатаа была связана с ильтизамом (системой сдачи государством сбора налогов на откуп), которая позволяла мюльтезимам (сборщикам налогов) совершать злоупотребления в ущерб государственной казне и налогоплательщикам. По-видимому, Садык Рифат, так же как и Мустафа Решид, был противником ильтизама, хотя прямых свидетельств этого в записках не содержится.

В соответствии с обещанием Гюльханейского хатта отменить ильтизам такая попытка была сделана в 1840 г., но оказалась неудачной, так как государственные чиновники, собиравшие налоги, прибегли к еще бóльшим злоупотреблениям, чем мюльтезимы. Будучи вынужденными согласиться с существованием ильтизама, деятели танзимата, таким образом, не смогли здесь поставить преграду хищениям и обеспечить неприкосновенность собственности при сборе налогов.

Одним из наиболее смелых явилось предложение Садыка Рифата ограничить расходы султана определенной суммой, назначенной из поступлений государственной казны. Бесконтрольные расходы на нужды султана и взятие денег непосредственно с монетного двора Садык Рифат назвал расточительством (стр. 60) [23].

Планы автора записок относительно внедрения просвещения оказались довольно скромными. Признавая пользу грамотности подданных и назвав невежество главной причиной различных смут, он считал нужным ограничить знания широкого населения лишь умением читать и писать. Более глубокая образованность, по его мнению, вызывает нежелательное свободолюбие и неповиновение. Большее внимание он уделил повышению знаний профессиональных, для чего предлагал строить промышленные объекты. Для обучения чиновников и, как выразился Садык Рифат, «пожалуй, и подданных» он предлагал строить школы (стр. 45, 60). Эти скромные планы деятелями танзимата были вскоре значительно превышены [24].

В 1834 г. султан Махмуд II, понуждаемый внешнеполитическими затруднениями Османской империи и отсталостью государства, решил повторить опыт Селима III и учредить постоянные турецкие посольства в столицах европейских государств. За этим внешне формальным актом стояло коренное изменение принципов внешней политики, которых придерживалась Османская империя: от односторонности и значительной изоляции в решении внешнеполитических проблем султанское правительство переходило к постоянному тесному взаимодействию с европейской дипломатией. Османская империя была уже не в состоянии решать свои внешнеполитические осложнения независимо от усилившегося вмешательства европейских держав в связи с обострением так называемого Восточного вопроса [25].

В 1839 г., через пять лет после этого решения, когда Садык Рифат писал свои докладные записки, у султанского правительства еще не было полной ясности в вопросе о значении, роли и возможностях посольств. Вместе с тем турецким послам, пробывшим уже некоторое время в Европе, эти проблемы представлялись более ясными.

Среди предложений Садыка Рифата в этой области заслуживает внимания его совет признать господствовавшее среди европейских держав международное право (стр. 36)[26]. Из разъяснений Садыка Рифата очевидно, что под международным правом он имел в виду международные договоры европейских держав, принятые в 1814—1815 гг. на Венском конгрессе после разгрома наполеоновской Франции. В этот период европейские державы придерживались консервативной политики, обязались вести борьбу с революционными движениями, поддерживать в Европе политическое равновесие и установленные после поражения Наполеона государственные порядки. Садык Рифат понимал, что Османская империя может использовать эти тенденции в борьбе за сохранение целостности государства и против национально-освободительных движений покоренных народов. Вместе с тем присоединение к системе международного права означало принятие целого ряда европейских юридических норм буржуазного характера, которые Садык Рифат назвал принципами цивилизации (стр. 42)[27]. Предлагавшиеся им реформы он рассматривал как продвижение к цивилизации. Садык Рифат, разъясняя роль турецких посольств, подчеркивал, что использование на месте всех доступных средств информации о политических событиях даст возможность влиять на них в желаемом направлении (стр. 46—47).

Предложения автора докладных записок, турецкого посла в Вене, касающиеся дипломатической службы, свидетельствуют о тесной связи между внутренними и внешнеполитическими преобразованиями, которую признавал Садык Рифат. Дружественные отношения с европейскими державами, внедрение в Османской империи принципов цивилизации, или ряда буржуазных институтов, признание международного права — принятие всех этих положений должно было поставить Османскую империю в число государств, вставших на путь капиталистического развития. Безусловно, признание османскими государственными деятелями неизбежности этого пути для сохранения Османской империи не означает, что деятели танзимата собирались бездумно копировать Европу, не учитывая местных условий, и не означает, что они решительно отказывались от всех традиционных институтов османского государства. Все дальнейшие преобразования танзимата свидетельствуют о непоследовательности и стремлении совместить старое с новым. Но рассмотрение этой проблемы выходит за рамки данной статьи.

Сравнение докладных записок Садыка Рифата с Гюльханейским хаттом выявляет совпадение многих идей и их единую направленность. В Гюльханейском хатте были провозглашены гарантии неприкосновенности жизни, чести и имущества; светский закон был признан выше воли султана; признавалось необходимым упорядочить государственные расходы, или, другими словами, ввести государственные бюджеты. Однако, помимо некоторых деталей, есть одно существенное отличие между названными документами. В Гюльханейском хатте провозглашалось равенство перед законом мусульман и подданных других вероисповеданий. Для утверждения равенства были предусмотрены введение нового уголовного кодекса и всеобщая воинская повинность — христианам наравне с мусульманами предоставлялось право служить в армии. Садык Рифат вопрос о равенстве мусульман с христианами обошел молчанием. Он проявил себя к тому же противником ликвидации налога джизье (стр. 46), который платили только немусульмане Османской империи.

Между тем без предоставления равных прав перед законом немусульмане были бы лишены возможности участвовать в капиталистическом предпринимательстве. Если бы Мустафа Решид — автор Гюльханейского хатта — последовал в этом вопросе за Садыком Рифатом, то хатт потерял бы свое значение.

Совпадение большинства идей, высказанных Садыком Рифатом, с текстом Гюльханейского хатта и некоторыми другими документами, принадлежавшими перу Мустафы Решид-паши, свидетельствует об их распространенности по крайней мере в среде турецких дипломатов, познакомившихся с государственным устройством европейских держав.

Описанные здесь две докладные записки и одна статья Садыка Рифат-паши, к сожалению, не имеют указания, кому они предназначались, хотя не вызывает сомнения, что эти записки были адресованы одному из высокопоставленных сановников, возможно султану; вторая записка могла быть (по времени составления) вручена министру иностранных дел Мустафе Решид-паше.

Первую из упомянутых докладных записок (стр. 35—49), составленную 30 января 1839 г., т. е. еще при жизни султана Махмуда II (умер 1 июля 1839 г.), Садык Рифат-паша начинал с возражения тем государственным деятелям Османской империи, которые считали, что возвращение силы и процветания Османской империи невозможно[28]. Он утверждал, что подобное мнение происходит из-за отсутствия знаний, как следует ликвидировать отсталость государства, начавшуюся в конце второго десятилетия XIX в. Говоря о причинах отсталости, он называет ряд внутренних и внешнеполитических событий, среди них «переворот в делах управления», вызванный греческим восстанием; уничтожение янычарского корпуса и необходимость

длительного времени для обновления административного и военного аппарата; война с Россией (1828—1829) и восстание в Египте; восстания арнаутов, босняков и курдов и пр. Все эти события нанесли ущерб внутреннему спокойствию, военной мощи и политике государства, отметил Садык Рифат-паша.

Далее автор записки изложил свои предложения, которые должны привести к обновлению государства. Они были направлены к достижению трех основных целей: 1) установлению внутреннего спокойствия; 2) поднятию экономики; 3) укреплению армии. В Османской империи, объяснял Садык Рифат, решению этих задач всегда мешали военные события, которые делали тщетными прилагаемые усилия. В настоящее же время Османская империя имеет возможность следовать примеру европейских государств, которые в высшей мере воздерживаются от всего, что может вызвать нарушение спокойствия [29]. Если где-то возникают споры, то ясно, что необходимо прибегнуть к аргументам и до возникновения вооруженных столкновений уладить спор путем переговоров. Если Османская империя будет проводить такую осторожную политику, то она сумеет осуществить преобразования и стать на один уровень с сильными государствами. Далее Садык Рифат упомянул о прекрасном разнообразном климате Османской империи, дающем ей преимущество в этом отношении перед другими державами, и о врожденных способностях населения к легкому усвоению основ воспитанности и знаний. Все это позволит Османской империи в короткий срок и с приложением небольших усилий достичь необходимой мощи, в том числе в финансовой области. Для этого, считал Садык Рифат, необходимо ликвидировать смуты среди населения, так как они мешают достичь хорошего управления и наносят вред общественным интересам (стр. 35—37).

В первом параграфе более ранней докладной записки он объяснил, что значительные общественные беспорядки вызываются несоблюдением законов управления. При возникновении смут советовал не прибегать тотчас к действенным и понудительным мерам и не способствовать оппозиционерам, а искать средства к исправлению положения путем переговоров, прибегая к примирению или устрашению (стр. 37—39).

Перечень задач, стоявших перед султанским правительством, изложен Рифатом в 11 параграфах первой докладной записки.

Вторая докладная записка (стр. 58—63) была написана Садыком Рифатом через девять месяцев после первой — 19 октября 1839 г. В это время на престоле был уже не султан Махмуд II (умер 1 июля 1839 г.), отказавшийся в свое время провозгласить хатт, подобный Гюльханейскому (по той причине, что он должен был ограничить его права [30]). Махмуда II заменил 16-летний Абдул Меджид I, малоопытный правитель. Внутреннее и внешнеполитическое положение Османской империи

было таковым, что реформы представлялись неизбежными. Создавшиеся условия позволяли автору во второй докладной записке быть более смелым в своих предложениях, чем во время написания первой, меньше опасаться недовольства верховного правителя в случае несогласия с содержанием ляихи. Спустя две недели, 3 ноября 1839 г., министр иностранных дел Османской империи Мустафа Решид-паша провозгласил Гюльханейский хатт, положивший начало эпохе танзимата[31]. Начались преобразования, носившие буржуазный характер.

Вторая ляиха написана сплошным текстом, без какого-либо деления на параграфы или разделы. Нечеткость ее внутренней композиции наводит на мысль, что она писалась наспех. Объем составил шесть страниц книги — почти втрое меньше объема первой ляихи, составившей 15 страниц. Однако во второй, краткой докладной записке имеются существенные дополнения, более, чем предложения первой ляихи, соответствовавшие духу и смыслу танзимата.

Начинается вторая докладная записка с рассуждения о правах человека. В ней отмечалось, что основа любого государственного порядка зависит от наличия полной безопасности жизни, имущества и чести, гарантированных государством всем группам населения. Нет нужды в свидетельстве шариата о том, говорилось далее, что ни один человек не может быть казнен за частичную или полную вину ни тайно, ни явно, ни убийством, ни отравлением. Наказание провинившихся чиновников или подданных должно ограничиваться в соответствии со степенью вины, наставлением, смещением с должности, ссылкой, понижением в чине, тюремным заключением или каторгой. Назначаются наказания не на основе неприязни или ненависти, а в итоге расследования и выяснения степени вины. Будь обвиняемый из высокопоставленных или низких людей, его богатство не должно приносить ему вред или вызывать подозрение. Степень состоятельности, которой он достиг, является следствием его способностей, и государству не нужно вмешиваться в его дела и осуждать за богатство. В равной мере со стороны государства не должно быть ни вмешательства, ни конфискаций имущества тех обвиняемых, которые являются наследниками такого рода богатых или приезжих лиц. Без согласия владельца никто не может насильно покушаться на его дом, дачу, имущество или землю (стр. 58). Налоги должны взиматься в соответствии с размерами собственности, при сборе нельзя допускать ни завышения налогов, ни покровительства и занижения их (стр. 59). Так как все подданные повинуются султану, то с его стороны изволят выказываться милосердие к подданным и внимание к продолжению упорядочения в государстве, а повелений (ираде), противоречащих упорядочению, не должно быть. Если же такое повеление появится, то оно

не должно исполняться. Чиновники, которые последуют такому ираде, должны быть без промедления наказаны (стр. 60).

Этот пункт свидетельствует о том, что автор записки высказался за ограничение самовластия султана, что Садык Рифат стремился повысить требовательность к чиновникам за осуществление предстоявших реформ.

В заключение второй докладной записки он написал, что соблюдение нового порядка, смысл которого известен и чиновникам, и сановникам, и падишаху, будет находиться в руках государственных чиновников. Поэтому они должны дать клятву, что в дальнейшем не станут порицать новый порядок. Так как со стороны султана порицания султанской особы и государства возникнуть не может, то он изволит подписать документ о том, что не допустит жестокости и притеснений по отношению ни к одному чиновнику или подданному и будет оказывать покровительство объявленному порядку и верным подданным с необходимой гарантией о недопустимости неискренности со своей стороны (стр. 63). Этим условием автор записки надеялся ограничить самовластие султана.

Перечисленные положения существенно дополняют 7-й параграф первой докладной записки, в котором также шла речь о необходимости гарантий безопасности жизни, чести и имущества. Там Садык Рифат отмечал, что хотя в каждом миллете покровительствуют соблюдению безопасности и спокойствия, но все подданные, в том числе чиновники, нуждаются в гарантиях безопасности. Он объяснял, что в соответствии с законами человеческой природы на человека нельзя воздействовать только насилием, что хорошее управление связано с «привлечением сердец», с достижением безопасности имущества, жизни, чести и жилища богатых и бедных в равной мере. Для достижения этой цели необходимо установить и поддерживать строгий порядок и дать твердые гарантии, что казни и конфискации не будут иметь места, что не будет незаслуженных выговоров и притеснений по отношению к подданным, не будет допускаться безосновательное жестокое обращение с кем бы то ни было без расследования дел невиновных и виновных. Необходимо также добиться, чтобы высокопоставленные государственные служащие не высказывали порицания от имени государства как уровню исполнения службы чиновниками, так и другим делам путем суждений, близких к незаинтересованности истинным положением. В случае необходимости сместить чиновников с важнейших государственных постов нельзя наносить вред их чину и авторитету. Чиновникам же нельзя прибегать ко лжи и обману, выдавая по своему произволу малое за великое. Им следует признавать обычаи и необходимые границы власти каждого, а также оказывать уважение тем, кто занимает более высокий пост. Последние, в свою очередь, не долж-

ны зазнаваться, но оказывать уважение сослуживцам в соответствии с их заслугами (стр. 44—45).

О требованиях, которые необходимо предъявлять к чиновникам, шла речь и в последнем, 11-м параграфе первой докладной записки. Там Садык Рифат отмечал, что, утверждая и сохраняя чиновников на занимаемых постах в расчете на будущие результаты, необходимо постоянно следить, чтобы они были предусмотрительными людьми и знающими целиком и в деталях дела Османской империи. Если соблюдать это правило относительно всех, даже тех реисов, которые возглавляют самые важные департаменты, т. е. эмиров и назыров (управляющих, заведующих, руководителей), ведающих делами внутренними, внешними, военными и финансовыми, то в любом случае без исключения их нужно избирать из лиц компетентных. Если они не совершили значительного проступка, то их не нужно увольнять или менять место их службы. Если при необходимости кого-то нужно заменить, то нельзя нарушать описанные принципы в угоду характеру вновь прибывшего. Важные вопросы должны рассматриваться с учетом общего мнения лиц, использующихся в этих четырех отраслях (т. е. департаментах внутренних, внешних, военных и финансовых дел). Любой вопрос не должен решаться путем формального соглашения: необходимо соблюдать принцип обсуждения и уважения к мнению большинства. Чиновники в любом случае должны поступать как люди честные и прямые, не проявлять вражды и зависти, не брать взяток, не позволять себе порицаемых поступков (стр. 48).

Большое внимание Садык Рифат уделил правам и обязанностям чиновников. Во второй записке он подчеркнул, что чиновники должны быть свободны в высказывании справедливых и откровенных мнений о делах государства, миллета или службы и не должны за это подвергаться осуждению. Вместе с тем он отметил, что если чиновник провинится, то должен нести заслуженное наказание без какого-либо снисхождения (стр. 58—59).

В первой ляихе о моральных и профессиональных качествах чиновников речь шла в 6-м параграфе. Садык Рифат подчеркивал, что дисциплина везиров, судей и других должностных лиц, которые будут использованы в провинции, является залогом благосостояния, счастья и спокойствия населения Османской империи. При назначении кого-либо на службу в эялет, ливу или город автор советовал не доискиваться сведений о том, каков чин назначаемого и его жизненный путь, не обращать внимания на высказываемые о нем мнения, потому что источником хороших качеств являются только прирожденная способность и нравственные достоинства человека, которые и нужно знать. А так как на основании человеческой природы

трудно найти подходящего кандидата с похвальной нравственностью, то нужно продвигать по крайней мере таких, у которых достоинства и недостатки уравновешены. Назначенные на службу чиновники должны приобретать знания, а при распоряжении делами — качества искусного руководителя. Они должны добиваться процветания края. За приобретение силы и влияния их не нужно увольнять, используя малейший повод, или менять их место службы; без большой вины нельзя делать им выговор и наказывать. Оставление чиновников на одном месте в течение долгого времени соответствует общественным нравам, шариату и канунам. Чтобы чиновники ревностно относились к своим обязанностям и хорошему управлению населением, к защите его прав и покоя, поднятию урожайности и развитию торговли, государству необходимо вручить им инструкцию и специальное наставление. Если же у кого-то из них обнаружатся поступки, противоречащие благонравию, то за поведением и деятельностью таких чиновников должны следить векили Османской империи. Вместе с тем, услышав об их плохом поведении, не нужно спешить с наказанием, а, осуществив непредвзятое расследование и в случае необходимости отдав под суд, наказать справедливо, не проявляя жестокости, защищая от вражды и злобы (стр. 43—44).

Содержание 7-го параграфа первой ляихи (стр. 44—45) наводит на мысль, что наиболее нуждающимися в защите жизни, чести и имущества Садык Рифат считал чиновников — «рабов султана», которых султан-халиф на протяжении веков казнил и миловал только по своей воле, без суда и следствия. Во второй же ляихе Садык Рифат наибольшее внимание уделил гарантиям безопасности имущества состоятельных лиц (стр. 59). Обращает на себя внимание неприятие смертной казни. В качестве самой тяжелой меры наказания Садык Рифат допускает каторжные работы (стр. 59).

Во второй записке необходимости гарантий безопасности жизни, чести и имущества подданных отведено главное место. Рассуждением на эту тему она начинается и кончается, тогда как в первой ляихе о гарантиях безопасности речь шла лишь в 7-м параграфе.

По мнению Садыка Рифата, одной из важнейших причин малой эффективности преобразований административного управления, предпринимавшихся при Махмуде II, было бесправие чиновников, а также бесконтрольность их действий. Этой проблеме он посвятил специальную статью (стр. 50—51) [32].

В начале статьи автор заметил, что в Османской империи уже довольно продолжительное время не удается наладить должное административное управление, хотя время от времени делаются попытки учредить соответствующий порядок, и что обо всем этом известно опытным и знающим чиновникам. Са-

дык Рифат написал, что причин неудач этих преобразований много и что все они нуждаются в рассмотрении, но к их анализу не приступают, опасаясь новых хлопот и новых неудач. Главной и основной причиной неудач Садык Рифат назвал отсутствие прочности в служебном положении чиновников. Поясняя это наблюдение, он написал, что в Османской империи во всех департаментах из векилей государства выделялся один, влиятельный и авторитетный, а другие векили, опасаясь его вражды и руководствуясь личной выгодой, постоянно соглашались с его мнением и льстили, не осмеливаясь противоречить. Они во всем послушно соглашались с мнением и следовали за поведением удачливого человека. В таких условиях право, справедливость, идеи и разум попирались, высказанное правдивое мнение не давало результатов.

Другие же, наблюдая за закатом и падением лица, пользовавшегося еще недавно полной мерой благополучия, относились к интересам государства равнодушно и считали за правило охранять лишь стабильность своего положения. По этой причине знающие и предусмотрительные векили не могли стать полезными государству, так как людям преуспевающим они льстили, а к неудачливым относились неприязненно. Одним словом, во все времена все дела государства и миллетов были связаны с суждениями и характером одной личности, и если этот человек принадлежал к людям недобропорядочным и совершал ненавистные всем поступки, то внушал окружающим страх. Если же он был справедлив и честен, то какое-то время соблюдал интересы государства. Но по причине человеческого стремления к благополучию со временем и он начинал преследовать личную выгоду и устранять своих противников. Кончалось это тем, что с течением времени его увольняли. Таким образом, и он сам, и интересы государства терпели урон. Пришедший на его место старался показать себя совершенно отличным от предшественника, но со временем также вставал на этот путь. Такое течение дел и утверждало принципы управления; никто не имел ни безопасности, ни спокойствия. Поэтому впредь, советовал Садык Рифат, нужно установить равные отношения между векилями, чтобы они не могли рассчитывать на благодеяния и могущество друг друга, не вмешивались в дела друг друга и по мере возможности были защищены от вражды и ненависти. Для этого необходимы прочные гарантии, что любой чиновник не будет испытывать никаких затруднений, если он незлонамеренно и своевременно выскажет свое мнение о делах. Пока чиновники не будут избавлены от необходимости быть осторожными и будут опасаться за свое положение, хороший порядок в государственных делах и в делах миллетов не будет установлен, а усилия лиц, стремящихся к благу государства, останутся напрасными.

Так заканчивалась эта статья.

О необходимости упрочить положение чиновников шла речь и во второй докладной записке Садыка Рифата. Помимо уже изложенного Садык Рифат писал о желательности поощрять премиями добросовестных чиновников, а также о том, что старым и немощным, преданным служилым людям при необходимости нужно назначать соответствующую дотацию, чтобы они не испытывали нужды. Автор записки считал, что каждый чиновник, независимо от чина и авторитета, не должен иметь права изменить в лучшую или худшую сторону положение другого человека, не должен иметь возможность повысить в должности, выказать осуждение или вынести выговор. Оценку службы и продвижение по службе должны осуществлять лишь векили и «некоторые другие лица», т. е. сановники, занимавшие высшие государственные посты. Он считал, что во всех департаментах должны существовать твердые, неукоснительно соблюдаемые традиции, которые никто не имел права изменить. Компетентность и способность чиновников необходимо оценивать по достоинству присуждением заслуженного ранга и жалованья, которое должно выдаваться и при смещении. Если жена и дети умершего будут в затруднительном положении, то государство должно оказывать покровительство (стр. 58—59).

Значительное внимание Садык Рифат уделил организации дипломатической службы и методам внешнеполитических отношений с иностранными государствами, указав, что сохранение мирных отношений является непременным условием осуществления преобразований.

В 1-м параграфе первой докладной записки он предлагал при возникновении внешнеполитических осложнений соблюдать осторожность даже в том случае, если представится возможность извлечь выгоду из ожидаемой войны. Во имя сохранения мира конфликты необходимо ликвидировать и улаживать, но при этом нужно соблюдать свои интересы, используя переговоры. В результате победы в войне государство пользуется славой, но зато его силы и общественные интересы терпят значительный урон. Здесь уместно заметить, писал далее Садык Рифат, что с некоторых пор войны Османской империи носят оборонительный, а не наступательный характер. Это произошло по велению времени и обстоятельств. Чтобы в подобных условиях добиться безопасности, необходимо признать международное право, господствующее среди европейских держав. После подписания договора о всеобщем мире, известного в Европе [33], все признающие это право государства являются как бы поручителями целостности других держав и потому не могут захватить их земли. В настоящее время правительства вправе принять на себя обязательства двух систем права: частного права независимого правительства и международного права.

Например, если между двумя государствами или даже в одном государстве между миллетами[34] возникнет спор, который будет касаться международного принципа равновесия сил и наносить вред договору о мире, то государства объединятся для урегулирования конфликта. Османской империи следует признать это право, чтобы пользоваться покоем и миром. Если религиозные различия помешают доверию к Османской империи со стороны европейских государств, то нужно иметь в виду, что в соответствии с принятыми в настоящее время принципами изменение веры не является обязательным: в каждой европейской стране отсутствует единство религиозной принадлежности, а ее разнообразие не связывается с политикой. Османская империя может присоединиться к международному праву, если в ней преуспеют принципы цивилизации (стр. 37—39).

Внешнеполитические отношения со всеми дружественными и особенно с великими державами и хорошее руководство политикой являются важным делом, отмечал Садык Рифат в 10-м параграфе первой записки. Во все времена, говорил он далее, преследуя цели мира и дружбы, внимательно следили за прочной сохранностью и длительностью связей и доброжелательных внешних отношений с дружественными державами. И хотя пользовались выгодами и безопасностью в соответствии с местом и политикой, осуществляемой каким-либо из государств, но считали необходимым еще более заботиться о сохранении дружбы с этими государствами. Такая политика должна была быть достойным помощником[35]. Зависть и отсутствие доверия, политика тайной враждебности и пренебрежительные действия чрезвычайно вредны, поэтому каждое разногласие нужно рассматривать критически в соответствии с требованиями времени и положения. Сведения о положении в Европе, о событиях, которые нашли отражение в европейских газетах, о политических отношениях между государствами необходимо получать в связи с каждым возникающим разногласием, чтобы попытаться овладеть обстоятельствами. Учреждение турецких посольств в столицах некоторых великих держав, как представляется, выполнено не только для руководства делами подданных и торговцев, но и для сбора сведений о политической обстановке и для государственной пользы, и это известно сведущим лицам. Европейские государства делятся на две группы: одна — великие державы, другая — малые. Объединение великих держав для решения политических вопросов и учреждение ими посольств на территории друг друга выполнено для наблюдения за государственными и политическими делами, для участия в решении возникающих политических проблем и для провозглашения славы и достоинства этих государств. Цели же малых держав в размещении своих послов состоят в том, чтобы не допустить какого-либо вмеша-

тельства в свои дела, а если такое вмешательство и произойдет, то чтобы оно было осуществлено с желанием помочь хорошим советом и чтобы оно не нарушало их прав. Столица Османской империи находится в Европе, и само государство относится к категории великих держав; поэтому нахождение его вне международного права из-за географического положения вредно для него. Учитывая все предстоящие выгоды признания международного права, в том числе получение Османской империей преимуществ и влияния на уровне великих держав, не нужно обращать внимания на имеющие быть в связи с этим расходы. Учреждение в настоящий момент посольств по крайней мере в столицах великих держав будет полезным в том отношении, что принесет почет и увеличит осведомленность, необходимую для реализации моральных интересов в политике. Эти посольства послужат примером для учреждения в будущем посольств во всех европейских государствах и для упорядочения принципов их деятельности по примеру европейских. Например, если при каких-либо событиях иностранные государства ликвидируют свои представительства в Стамбуле[36], то с ними можно будет незамедлительно объясниться в турецких посольствах и, пока в нужной степени не будет понята политика европейских держав, можно будет не принимать ошибочных решений. Османская империя будет расследовать обстоятельства в соответствии с временем, обстановкой и значительностью проблемы с помощью своих послов и принимать решения на основании проверенных сведений. При появлении важной проблемы о ней следует говорить на месте с помощью и при поддержке послов и стремиться добиться положительного решения (стр. 46—47).

Большой интерес для исследователей представляют предложения Садыка Рифата о финансовой и экономической политике Османской империи.

Совершенствованию методов, необходимых для наращивания финансовой мощи и для улучшения руководства финансами, посвящен 5-й параграф первой докладной записки. Особое внимание привлекает здесь предложение автора поддерживать частную инициативу в строительстве крупных зданий, в том числе фабрик. Из предложений Садыка Рифата как бы следует, что не частные предприниматели нуждаются в реформах, а государство нуждается в частных предпринимателях, чтобы переложить на них часть финансового бремени при строительстве зданий и фабрик. Очевидно, такой подход к проблеме был призван заинтересовать государственных деятелей материальными выгодами реформ.

Характерно, что смысл слова «цивилизация» Садык Рифат трактует как близость людей, их взаимопонимание, которое должно формироваться в условиях происходящих изменений,

в том числе в обычаях, в облике зданий или в любых других областях. Причем, с точки зрения деятеля танзимата, каким являлся Садык Рифат, внедрение изменений будет зависеть только от правящего сословия — «тех, кто совершает благо». От внесения необходимых изменений, подчеркнул Садык Рифат, зависят порядок и благосостояние в государстве и в миллетах.

Он высказал убеждение, что предусмотрительные чиновники в состоянии предвидеть развитие этих процессов и определить нужные для этого денежные суммы и источники их получения, в том числе с частных предпринимателей.

Садык Рифат обратил внимание на то, что хорошее состояние финансов не достигается только увеличением доходов, а связано с уменьшением расходов, поэтому советовал не допускать бесполезных трат. Чтобы после уплаты необходимых расходов из доходов государства получить остаток и в случае надобности не испытывать нужды, векили государства должны обращать внимание на содержание государственной казны, писал он. Для увеличения государственных доходов выморочные мукатаа, находившиеся в аренде у чиновников и подданных государства, не должны продаваться, они принадлежат казне. Ни при малой или большой необходимости, а если можно, то никогда не нужно выпускать процентные бумаги. Если бóльшая часть производящихся расходов соответствует возможностям и нуждам и если можно предвидеть случайности, то необходимо проявить заботу о том, чтобы овладеть возможным развитием событий. Эти события могут произойти в результате множества изменений в правилах, а также при строительстве казенных зданий. Между тем необходимые государству порядок в империи и в миллетах и благосостояние государства формируются путем изменения обычаев, облика зданий и украшений. На основе изменений формируются принцип близости людей, называемый цивилизацией, и система устройства страны. Внедрение изменений будет находиться только в руках тех, кто совершает благо, с их ведома без промедления и затруднений осуществляются изменения и упорядочение. В европейских государствах хотя и существуют большие здания и крупные фабрики, но в течение уже длительного времени большинство из них не строится на средства государственной казны; они создаются на паи состоятельных подданных и торговцев путем выпуска коллективных процентных бумаг, называемых акциями. По этому примеру до той поры, пока финансовая мощь Османской империи достигнет совершенства, не нужно без большой нужды напрасно тратить наличные деньги на обновление и ремонт казенных зданий. Но малозаметно, чтобы состоятельные подданные строили дома, дачи, фабрики и другие здания для благоустройства городов. Если же они за-

хотят строить каменные или деревянные здания большого размера или другого вида, то нужно давать разрешение на строительство и, может быть, делать необходимые поощрения к этому. Так как введение новых налогов и прибавок для увеличения доходов государства естественно приведет к затруднениям для подданных и населения, но такие нововведения недопустимы. Например, ликвидация, под предлогом утверждения своего рода справедливости, полезного налога джизьи (подушный налог с немусульман), имеющего силу давнего закона и привычного населению, нанесет ущерб государственным принципам и вызовет необходимость введения других налогов вместо упраздненного. Поэтому при взимании такого рода специальных доходов нужно не причинять населению дополнительных затруднений и для этого начинать и завершать сбор своевременно. Вместе с тем нужно проявить заботу и принять необходимые меры, обеспечивающие великодушие по отношению к налогоплательщикам, для того чтобы чиновники и другие лица не прибегали к жестокости и насилию, не подвергать население налогам более тяжелым, чем прежде (стр. 41—42).

В 9-м параграфе первой докладной записки речь шла о проблеме развития сельского хозяйства, торговле и промышленности Османской империи. Во всех государствах, говорил автор записки, богатство, власть, рост населения и его спокойствие зависят от экономики. А так как Османская империя по месту расположения имеет земли умеренные и плодородные, а ее население от природы подготовлено к достижению благополучия и стремится к нему, то сельское хозяйство нужно развивать в возможных пределах и непрерывно в соответствии с потребностями. Необходимо добиваться развития ремесла и промышленности, приглашая мастеров из Европы, производить товары и вещи, которые сейчас не выпускаются, и следить за производством вещей, которые сейчас есть и в которых нуждаются. Излишне говорить о том, что если вывоз из страны продуктов сельского хозяйства и промышленности превышает ввоз из других стран, то наличные деньги остаются в государстве. В этом случае подданные состоятельны, в противном же — подвергаются нужде. Поэтому нужно обращать внимание на то, чтобы вывоз продуктов и товаров всегда превышал ввоз. И хотя сейчас трудно этого достичь, но так как возможно получение значительного урожая, то нужно всеми силами стараться, чтобы добиться по крайней мере равновесия в торговом балансе (стр. 45—46).

Существенные дополнения сделаны во второй докладной записке к предложениям об организации финансов. Садык Рифат отметил, что для поддержания постоянного уровня доходов необходимо строго соблюдать установленный вес, пробу и цену монет. Бесконтрольное взятие денег с монетного двора

для покрытия расходов султана автор записки назвал расточительством. Садык Рифат предложил назначить для расходов султана определенную сумму из ежегодных поступлений казны (стр. 60). Все налоги разделил на две группы. Первая группа — налоги, которые взимаются в равном объеме как с богатых, так и с бедных, как, например, таможенные пошлины; другая — налоги с товаров. Садык Рифат написал, что налоги с товаров, в которых нуждаются все слои населения — от везира до райята, увеличиваться не должны, а налоги за хмельные напитки и другие заграничные вещи нужно увеличить и взимать с покупателей (стр. 62).

Предложив навести чистоту и порядок на городских улицах, ввести ночное освещение, используя светильники, расширить узкие улицы и мостовые, чтобы предохранить дома от пожаров, он коснулся вопроса о средствах, необходимых для производства этих работ. По мнению Садыка Рифата, перечисленные работы должны были обойтись в значительную сумму, которую государственная казна выделить не могла. Автор ляихи считал, что непосредственное и полное переложение расходов на плечи населения недопустимо, так как значительный объем издержек ухудшит его материальное положение. Поэтому он предложил обратиться к известным экстраординарным налогам — нузуль и авариз [37], к которым сделать небольшие добавления, не трудные для населения, и этим количеством денег покрыть часть требуемых сумм. Другую часть покрыть из поступлений налога джизье. Распределение собранных сумм во время производства работ должно быть возложено на вновь учрежденные кассы города. Если опыт окажется удачным, то повторить его в Стамбуле, а затем и в других крупных городах, впоследствии — в более мелких (стр. 62—63).

Этими же источниками доходов Садык Рифат предлагал обеспечить и расходы, необходимые для улучшения дорог в провинциях. Он отметил, что полное осуществление этого плана затруднительно и потому этот план должен проводиться постепенно, по мере возможности, так как облегчит перевозки и поможет функционированию почтовой службы. Садык Рифат предлагал начать работу в окрестностях каза в Румелии и Анатолии с самых испорченных участков наиболее эксплуатируемых дорог. Постоялые дворы на дорогах должны располагаться друг от друга на расстоянии четырех-пяти часов езды. Если на каких-то участках дороги расстояние между ними больше указанного и при этом не встречаются населенные пункты, то нужно построить дополнительные дома для путников — в деревнях и пригородах — и позаботиться о хороших условиях содержания животных. На каждом постоялом дворе должно быть по 10—15 пар вьючных животных, с арбами, с простыми, крытыми и рессорными повозками и возчиками.

Они предоставляются путникам. Это облегчит положение путешественников и позволит получать доходы. Так как улучшения потребуют больших расходов, то плату за пользование постоялыми дворами, которая в Османской империи гораздо ниже, чем в Европе, нужно повысить: за стоянку животных — до двух курушей, за стоянку животных с повозкой — до четырех курушей. Садык Рифат-паша заметил, что в Европе с владельцев кирпичных зданий (постоялых дворов, фабрик, магазинов) взимается арендная плата в пользу государства, а в Османской империи с целью повысить материальные условия населения с таких зданий взимается арендная плата в пользу вакфов (стр. 60—62).

Дополнением к 9-му параграфу первой ляихи, в котором шла речь о развитии сельского хозяйства, торговли и промышленности, является предложение предоставить льготы на 20 лет (не взимать налогов) лицам, которые возьмутся за строительство кирпичных зданий для производства сукна, бязи, ситца, сахара и стекла, в которых нуждается население (стр. 62).

И в первой, и во второй докладных записках Садык Рифат касался проблемы просвещения. В 8-м параграфе первой записки он говорил о необходимости стремиться к ликвидации в достаточной мере невежества подданных и приобретению ими полезных знаний. Основным источником любой смуты является невежество, заявил Садык Рифат. Между тем, продолжал он, восточные народы по природным способностям могут пристраститься к любой радости, которой является и учение. Нужно создать условия, которые позволят прививать народу знания и нравственность. Ввиду того что тонкости знаний, ненужные большинству людей, могут вызвать опасность свободолюбия и неповиновения, обучение им излишне, можно удовлетвориться умением читать и писать и принять необходимые меры, чтобы дети и взрослые получали и уважали знания и чтобы обучившихся использовать на государственной, военной и финансовой службе (стр. 45). Во второй ляихе, говоря о необходимости обращать внимание на внедрение необходимых знаний «среди чиновников и, возможно, других слоев населения», автор дополнил 8-й параграф предложением строить школы и промышленные объекты (стр. 60). К этому же вопросу, касающемуся поднятия образовательного и культурного уровня населения, можно отнести и предложение об учреждении карантинной службы на сухопутных и морских границах Османской империи, которая должна была привести, как считал автор записок, к прекращению известных сезонных заболеваний. Если после учреждения карантинов в какой-либо местности появятся больные, то она должна быть изолирована и дезинфицирована; перемещение людей и вещей из этой местности не может разрешаться без прохождения карантина (стр. 62).

Помимо тщательно и всесторонне рассмотренного положения о роли чиновников Османской империи, помимо предложений о развитии дипломатических контактов, финансов, торговли, сельского хозяйства, промышленности и просвещения Садык Рифат уделил внимание и укреплению армии и флота.

Во 2-м параграфе первой ляихи он затронул вопрос об укреплении армии. Автор записки заметил, что хотя после организации и упорядочения вооруженных сил сражений не начинают, но и не говорят о том, что армия не нужна. И в европейских государствах, как бы ни считали необходимым сохранять мир, заботятся о военной подготовке, как будто завтра станут воевать друг с другом. Далее он сказал, что подготавливать нужно такое количество солдат действительной службы, которое соответствует общественным нуждам и доходам казны Османской империи, например 150 тыс. регулярных войск. Нужно обращать внимание, чтобы все они шли в армию добровольно. Армии должны быть приданы знающие офицеры для преподавания, число их должно быть не больше и не меньше назначенного. Офицеры должны быть военными специалистами, знакомыми с требованиями времени и своим делом (стр. 39—40).

В 3-м параграфе говорилось об улучшении и употреблении тех видов боеприпасов и оружия, которые приняты в данном государстве, о недопущении их бесконтрольного расхода; автор советовал обращать внимание на снабжение ими объектов в нужном количестве (стр. 40).

В следующем, 4-м параграфе говорилось о военно-морских силах, которые по местоположению Османской империи необходимы ей и должны быть хорошо организованы. Основы организации флота, отметил автор, подобны основам организации сухопутных сил. Если матросов на флоте не хватает и подготовка их имеет изъяны, то эти недостатки должны быть незначительными. Необходимо, чтобы число малых и крупных судов соответствовало принятому и финансовым возможностям государства. Суда обязаны располагаться на положенных стоянках, снабжаться командным составом, артиллерией и боеприпасами. Нужно заботиться о том, чтобы морские офицеры воспитывались сведущими в науках, а матросы постоянно обучались (стр. 40—41).

Во второй записке почти нет дополнений к первым четырем параграфам, в которых речь шла о соблюдении законов управления внутренней и внешней политикой и об укреплении армии и флота. Появилась лишь одна, но существенная фраза о том, что военные дела нужно привести в соответствие с европейской системой вооруженных сил (стр. 60).

В заключение первой докладной записки Садык Рифат отметил, что его предложения кратки и не лишены недостатков и он не считает поэтому, что им нужно следовать без огово-

рок. Цель его состояла в том, чтобы при помощи соответствующих мер, на которые он хотел обратить внимание, и в соответствии с основными нуждами, положением государства и обычаями добиться установления необходимого порядка. До тех пор пока в результате преобразований порядок не будет установлен, любые усилия останутся тщетными и не дадут действенных плодов. После установления требуемого порядка Османская империя в течение 15—20 лет достигнет уровня, близкого к положению великих могущественных держав, а также благосостояния государства и подданных. И хотя установление такого порядка и претворение задуманных мер представляется делом трудным, но оно возможно; залогом его осуществления являются предусмотрительность и ум государственных служащих. Если прежде при осуществлении реформ имели место различные помехи, повторил Садык Рифат, то теперь их нет (стр. 48—49).

Итак, в 1839 г., до провозглашения Гюльханейского хатта, турецкий посол в Вене Садык Рифат-паша в двух докладных записках и статье изложил свои взгляды о причинах ослабления Османской империи в первой четверти XIX в. и о мерах, необходимых для укрепления государства, чтобы в течение ближайших 15—20 лет оно могло занять достойное место среди великих европейских держав.

Изложение причин отсталости Османской империи, сделанное в первой докладной записке, относящейся к царствованию Махмуда II, не представляет большого интереса. В сущности, это изложение следствий отсталости (восстание в Греции, уничтожение янычарского корпуса и необходимость времени для учреждения нового войска и административного аппарата, война с Россией в 1828—1829 гг., восстание в Египте и др.). Но на основании выдвинутых Садыком Рифатом предложений о необходимых, по его мнению, реформах можно предположить, что истинные причины отсталости были ему известны.

По мнению Садыка Рифата, они заключались в необеспеченности безопасности личности и имущества, в неразвитости частной собственности и отрицательном отношении со стороны государства к богатству частных лиц. Основными средствами ликвидации этого недостатка общественной системы Османской империи он считал изменения в законодательстве (которые должны были привести к гарантиям безопасности) и в границах правомочий чиновников всех рангов (которые предполагали воспитание самих чиновников в духе инициативности и ответственности за порученное дело). Садык Рифат предложил установить тесные дипломатические контакты с европейскими государствами, чтобы сохранить целостность Османской империи, иметь возможность жить в мире — обязательном условии осуществления реформ.

Помимо развития торговли, сельского хозяйства, промышленности и укрепления финансов он считал весьма полезным для государства допуск в определенных рамках частного капитала в развитие промышленности.

Все эти предложения были в духе Гюльханейского хатта 1839 г. и дальнейших реформ танзимата.

Самое большое внимание в своих предложениях Садык Рифат уделил роли чиновников в преобразованиях, их бесправному положению, причинам злоупотреблений и профессиональной (сословной) пассивности.

Такое большое внимание к этой проблеме объясняется тем, что реформы танзимата проводились «сверху» передовыми государственными деятелями, осознавшими их необходимость и неотложность.

Все надежды в деле осуществления реформ они возлагали на чиновников. (Местная буржуазия, еще только зарождавшаяся, была слишком немногочисленна и слаба и не проявила себя в общественных движениях.)

Преобразования, осуществлявшиеся в 40—50-е годы XIX в. «сверху» немногочисленными деятелями танзимата и не имевшие по разным причинам поддержки широких слоев населения, не могли привести к большому успеху, что вскоре и подтвердила сама жизнь.

Обнаружение и ввод в научный обиход программных документов других государственных деятелей Османской империи позволит составить более четкое представление, с одной стороны, о единстве взглядов по определенным вопросам ряда деятелей танзимата, с другой — об идеологических разногласиях среди сановников (обусловленных обострением в XIX в. классовых, национальных и религиозных противоречий), которые были одной из важнейших причин малой эффективности реформ названного периода.

[1] См.: Tarihi Lütfi. Cilt 6. Dersaadet, 1302 (1884), с. 64.

[2] Канцелярия амеди ведала среди прочих и иностранными делами.

[3] См.: Tunaya T. Türkiyenin siyasî hayatında batılılaşma hareketleri. İstanbul, 1960, с. 35.

[4] Биографические сведения о Садыке Рифат-паше см.: Розен Д. Г. История Турции. Ч. 2. СПб., 1872, с. 37, 53, 59—61, 80, 86, 88—89, 93, 128—129, 181, 183, 186, 188—189, 192, 198; Asari Rifat Pasa. [Б. м., б. г.], с. 2—8; Cevdet paşa. Tezakir. 1—12. Ankara, 1953, с. 11, 14, 16, 52, 61; Gövsa I. A. Türk meşhurları ansiklopedisi. [Б. м.], 1946, с. 326; Müntehabatı asar. Cilt 1. [Б. м., б. г.], с. 2, 7, 9, 13, 90 и др. Cilt 2 (биография); Mehmed Süreyya. Sicilli Osmani. Cilt 2. İstanbul, 1308, с. 406—407.

[5] Выходные данные сочинений Садыка Рифат-паши перечисляются в известных каталогах турецких библиотек. См., например: İstanbul Universitesi kütüphanesi. Türkçe basmalar alfabe kataloğu (1729—1928). Hazırlıyan Fehmi Edhem Karatay. T. 1—2. İstanbul, 1956; Koray E. Türkiye tarih yayınları bibliografyası. 1729—1950. Ankara, 1952; Millî kütüphanede mevcut arap harflı türkçe kitapların muvakkat kataloğu. Cilt 2, fasikül 2. Ankara, 1967.

[6] Многие издания не имеют даты, и остается неизвестным, были ли они прижизненными.

[7] См., например: Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Т. Тунайя).—Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1968, с. 131; Новичев А. Д. История Турции. Т. 2. Ч. 1. Л., 1968, с. 273—274; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967, с. 29—32, 188; Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964, с. 130—132; «Bulleten of the School of Oriental and African Studies», vol. 29, pt. 2, 1966, с. 386 (рецензия на книгу Н. Беркеса); Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. L., 1961, с. 101, 128—130, 140, 148, 451; Kuran E. Osmanlı imparatorluğunda insan hakları ve Sadık Rifat Paşa (1807—1857).—VIII. Türk Tarih Kurultay. Ankara, 1976; Tanpınar A. H. XIX. asır Türk Edebiyatı tarihi. 3 baskı. Ankara, 1967, с. 39, 88—93.

[8] Müntehabatı asar. В данной статье автор использует материалы третьей части первого тома полного издания. Весь том состоит из пяти частей с раздельной пагинацией.

[9] Общее описание изданий сочинения «Müntehabatı asar» дано в книге: Tanpınar A. H. XIX asır Türk Edebiyatı Tarihi. 2 baskı. İstanbul, 1956, с. 88—93. Третье издание этого исследования, полностью идентичное второму, вышло в Анкаре в 1967 г.

[10] См.: Дулина Н. А. Реформы танзимата и шариат.—Ислам в истории народов Востока (Сб. статей). М., 1981, с. 177—181; Иванов Н. [А.]. Социальные аспекты традиционного ислама.—«Азия и Африка сегодня». 1982, № 3, с. 6—10.

[11] См.: D'Ohsson M. Tableau général de l'Empire Othoman. T. 2. P., 1790, с. 161—162.

[12] Здесь и далее в скобках указаны страницы «Muntehabatı asar» [Т. 1, ч. 3].

[13] См.: Kaynar R. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954, с. 164; Lane-Poole S. The Life of the Right Honorable Stratford Canning. Vol. 2. L., 1888, с. 105.

[14] Текст Гюльханейского хатта см., например: Kaynar R. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, с. 172—173; Mecmuai kavanın ve nizamat. İstanbul, 1267, с. 2—5; Düstür. Cilt 1. İstanbul, 1872.

[15] См., например, о содержании беседы министра иностранных дел Османской империи Мустафы Решид-паши с министром иностранных дел Англии Г. Д. Пальмерстоном 12 августа 1839 г. (Bailey Fr. Ed. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942, с. 273—274).

[16] Широкая реформация ислама стала осуществляться в мусульманском мире в 60—80-е годы XIX в. О ней существует обширная литература, например: Долинина А. А. О некоторых характерных чертах просвещения на Арабском Востоке.— Труды межвузовской научной конференции по истории литератур зарубежного Востока. М., 1970, с. 21—27; Малюковский М. В. Журнал «Аль-Манар» как источник для изучения мусульманской реформации в Египте.—«Краткие сообщения Института востоковедения». Вып. 19. М., 1956, с. 94—98; Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX—XX вв.). М., 1974.

[17] О результатах деятельности местных меджлисов см., например: Kaynar R. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, с. 264—283.

[18] См., например: Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt 6. Ankara, 1956, с. 285—286. См. также: Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи.—«Народы Азии и Африки». 1976, № 3, с. 69—80.

[19] О средневековой османской торговой политике см.: Inalcik H. The Turkish Impact on the Development of Modern Europe.— The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974, с. 57—58.

[20] См.: Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. . . .

[21] Дулина Н. А. Докладная записка (ляиха) Мустафы Решида паши

султану Махмуду II.—Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1974. М., 1981, с. 43.

[22] Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. ..., с. 72—73.

[23] Как известно, впервые закон о «цивильном листе» султана был принят 1 сентября 1855 г. В действительности и в то время расходы султана превышали назначенную сумму (см., например: Убичини А., Куртейль П. де. Современное состояние Оттоманской империи. СПб., 1877, с. 66, 120—121).

[24] См.: Желтяков А .Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции. М., 1965, с. 14—33.

[25] См.: Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980, с. 25—60.

[26] В основе международного права лежит гармоническое сочетание двух принципов: международного общения, основанного на взаимном соглашении, и принципа суверенитета отдельных государств, гарантированного международным правом (см.: Левин Д. Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. М., 1982, с. 9—14). Одно из существующих определений международного права такое: совокупность юридических норм, определяющих условия достижения народами своих жизненных целей в сфере их взаимных отношений (там же, с. 12).

[27] Термин «цивилизация» упомянут и в посольском донесении турецкого посла в Париже Мустафы Решида в 1834 г. (см.: Kaynar R. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat, с. 69). В другом донесении из Парижа в июле 1839 г. Мустафа Решид писал, что французский король Луи Филипп с упреком заметил ему, что Османская империя находится вне международного права и не так давно не имела постоянных послов в Европе (там же, с. 157). Другие европейские государственные деятели упрекали османов в отсутствии безопасности жизни и имущества (там же, с. 193).

[28] Здесь и далее при упоминании содержания докладных записок и статьи Садыка Рифата приводится не перевод этих источников, а их более или менее подробное изложение.

[29] Имеется в виду консервативная политика, которой стали придерживаться европейские государства после разгрома Наполеона в 1815 г.

[30] Kaynar R. Mustafa Reşit Pasa ve Tanzimat, с. 111.

[31] Вопросы периодизации реформ танзимата, отличия преобразований царствования султана Махмуда II от реформ, осуществлявшихся после провозглашения Гюльханейского хатта, а также буржуазной направленности нововведений танзимата затронуты в моей статье (см.: Дулина Н. А. К вопросу о периодизации реформ танзимата.—Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч .1. М., 1979, с. 86—91).

[32] Была ли статья в свое время издана в каком-либо периодическом органе — неизвестно.

[33] Имеются в виду договоры Венского конгресса 1814—1815 гг., в котором Османская империя участия не принимала.

[34] Система миллетов (религиозно-этнических общин) способствовала в XIX в. формированию национального самосознания у покоренных турками народов.

[35] Речь идет вообще о пользе дипломатии. Здесь имеется в виду скорее европейская, а не османская средневековая дипломатия.

[36] Послы европейских государств постоянно жили в Стамбуле с XV в. Однако султанское правительство вплоть до конца XVIII в. относилось к ним пренебрежительно, как к представителям низших держав. Оно не считало для себя обязательным выслушивать послов. Необходимые просьбы европейские представители передавали главным образом через переводчиков-греков.

[37] Нузуль — налог с населения в виде пропитания для проезжающих чиновников; упразднен в период танзимата.

Авариз — чрезвычайный налог с населения, взимавшийся по случаю войны или какого-либо бедствия на основании распоряжения султана. С конца XVI в. превращен в регулярный налог; упразднен в период танзимата.

К. А. Жуков

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВЕНЕЦИИ И ГЕНУИ С ЭГЕЙСКИМИ ЭМИРАТАМИ АЙДЫН И МЕНТЕШЕ (XIV — начало XV в.)

Исследование коммерческой деятельности итальянцев в турецких эмиратах (бейликах) эгейского побережья Малой Азии имеет давние традиции и продолжается до настоящего времени[1]. Интерес к этой проблеме определяется появлением новых материалов, которые в ряде случаев позволяют пересмотреть установившиеся взгляды на масштабы и характер торговых взаимоотношений.

В рамках данной статьи делается попытка изложить в сжатом виде основные этапы развития торговых контактов между крупнейшими итальянскими республиками и эмиратами, созданными турецкими беями в конце XIII — начале XIV в. на месте бывших византийских провинций Лидия, Иония и Кария.

Анализ разнообразных источников (документы дипломатических сношений, торговые трактаты, нотариальные записи и пр.) предоставляет возможность с достаточной степенью уверенности ответить на вопрос, носила ли итало-турецкая торговля рассматриваемого периода регулярный характер, или речь идет в данном случае о периодических, незначительных по объему торговых операциях.

Позитивное решение этой проблемы позволило бы в дальнейшем при изучении исторического развития эгейских эмиратов и особенно при исследовании различных сторон их экономической жизни руководствоваться методологической формулой К. Маркса, приведенной в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.», которая раскрывает механизм цивилизирующего воздействия внешней торговли на производство в странах, где внутренний строй производства еще не был ориентирован на обращение, на создание меновых стоимостей[2].

Вкратце напомним политическую ситуацию, сложившуюся в византийских провинциях Малой Азии после изгнания в 1261 г. латинян из Константинополя. Восстановление империи

привело к нарушению равновесия, существовавшего между Никейской империей и Конийским султанатом. Византия оказалась вовлеченной в сложную политическую борьбу на Балканах, которая требовала значительных материальных и людских ресурсов. Перемещение воинских контингентов с азиатских границ на западные рубежи, ужесточение налоговой политики и другие мероприятия новой династии Палеологов привели к росту сепаратистских настроений среди греческого населения Малой Азии. Широкое распространение получают различные еретические учения, учащаются выступления против центральной власти крупных землевладельцев.

Отмена Михаилом VIII налоговых привилегий пограничных поселенцев — акритов и ликвидация из-за недостатка средств византийского флота при Андронике II (1284 г.) позволили туркам в короткие сроки захватить греческие земли в Малой Азии [3].

В 80-е годы XIII в. бей Ментеше завладел византийской провинцией Кария, а в начале следующего столетия в руках греков оставалось лишь несколько прибрежных крепостей и только один крупный город вдали от побережья — Филадельфия. Византийский историк XIV в. Никифор Григора писал: «Карман Алисурий (бей Гермияна Алишир) получил большую часть Фригии, также земли, простирающиеся от самой Антиохии, находящейся при реке Меандре, до Филадельфии и соседних с нею мест. Другой турок по имени Сархан (бей Сарухана) получил земли, простирающиеся оттуда до Смирны и приморских мест в Ионии. Магнезию, Приину и Эфес еще прежде успел подчинить себе другой сатрап, Сасан (Саса-бей)...» [4].

В руки турок попали приморские города, в которых издавна торговали итальянские купцы: Милет захватил бей Ментеше, а Эфес попал под власть айдынского эмира.

После Нимфейского договора 1261 г. ключевые позиции на эгейском побережье Малой Азии принадлежали Генуе, которой Византия уступила Смирну (Измир) и предоставила концессию на добычу квасцов в Фокее [5]. Сложившаяся ситуация предопределила военную конфронтацию генуэзцев и мусульманских беев, один из которых, знаменитый Умур-паша, в 1329 г. захватил измирскую цитадель [6]. Фокею генуэзцам удалось отстоять, однако они обязались выплачивать ежегодную дань в 15 тыс. серебряных монет, помимо этого каждый год правитель Новой Фокеи должен был приносить в дар бею Сарухана 10 тыс. серебряных монет. Генуэзцы получили право ведения свободной торговли в землях бея, аналогичными правами пользовались и турки [7].

Некоторое ослабление генуэзской конкуренции благоприятствовало венецианцам, которые начинают торговать с турками в Балате (Палатья, Милет) и Айасулуке (Теолого, Алтолого,

Эфес). Смирна, превращенная в гнездо корсаров Умур-паши, в это время утратила свое прежнее значение крупнейшей торговой гавани эгейского побережья, первенство перешло к Айасулуку. Представитель флорентийского торгового дома Барди Франческо Бальдуччи Пеголотти в своем известном сочинении «Искусство торговли», написанном в 30-е годы XIV в., посвятил отдельную главу описанию условий ведения торговли в этом городе.

Средневековые коммерческие трактаты дают представление о структуре торговли. Итальянцы вывозили из Турции квасцы, зерно, рис, воск и мед, солодковый корень, изюм, необработанные кожи и сафьян, кунжут, шафран, чернильные орешки, войлок и ковры. В обмен в больших количествах ввозились шерстяные ткани, слитки и изделия из серебра, олово и свинец, вино и мыло. Ткани привозили из Нарбонны, Перпиньяна и Тулузы [8].

Залежи квасцов, этого ценного минерала, без которого «нельзя как следует окрасить какую бы то ни было ткань», как писал путешествующий по Турции в 20-е годы XIV в. монах-доминиканец Журден де Северак [9], встречались в Малой Азии в окрестностях Фокеи и Карахисара, около Улубада и вблизи столицы Гермиянского бейлика Кютахьи [10]; отсюда квасцы перевозили по суше или по реке Большой Мендерес к побережью и грузили на суда в гаванях Айасулука и Балата. В 20-е годы XIV столетия добыча этого сырья в копях Кютахьи составляла 12 тыс. кантаров в год. Квасцы «allume del Coltai e d'Altoluogo», вывозимые итальянцами из эгейских эмиратов, по качеству были хуже, чем сырье, добываемое генуэзцами вблизи Новой Фокеи. Тем не менее между генуэзцами и венецианцами постоянно шла борьба за право монопольного вывоза этого сырья из эмиратов. Издатель трактата Ф. Б. Пеголотти А. Эванс на основании некоторых замечаний флорентийского торговца пришел к выводу, что квасцы добывались и вблизи Айасулука [11]. В генуэзских документах середины XIV в. упоминаются также и квасцы «allume di Cristo» из города Христополя, находившегося в подчинении епископа Смирны, который в 1354 г. уступил право сбора пошлины в нем двум генуэзцам. Христополь был расположен на побережье к северу от Айасулука, и, как показывают недавние исследования, под «allume d'Altoluogo» и «allume di Cristo» следует понимать квасцы, которые добывались около Кютахьи и вывозились через Айасулук и Христополь [12].

В начале XIV в. начинают торговать с турками венецианцы о-ва Крит, которые закупают в эмирате Ментеше лошадей [13]. В 20-х годах между эмиратом и Критом, видимо, уже существовали устойчивые торговые отношения, так как в ответ на враждебные действия эмира Орхана Ментешеоглу в 1322 г. на

Крите был провозглашен интердикт на торговлю с турками [14]. В 1333 г., когда венецианцы вели переговоры с Орханом о поставках на остров лошадей и зерна, сенат увеличил сумму, выделявшуюся венецианской коммуне на Крите для закупок лошадей в Турции, с 2 тыс. до 4 тыс. иперперов. В последующие годы на эти цели Криту отпускалось ежегодно 1 тыс. иперперов [15].

В записях нотариусов Кандии, центра венецианского Крита, в начале XIV в .отмечено множество случаев продажи рабов-греков из Эфеса, Магнезии и других городов Малой Азии, попавших под власть турок [16].

После захвата в 1304 г. турками Эфеса рынок Кандии был переполнен греческими рабами и цены на них значительно понизились: цена рабыни, например, составляла 9—15 иперперов [17]. В течение XIV столетия цены на рабов постоянно росли, и в 1381 г. средняя цена рабыни на рынке Кандии составляла 96 иперперов [18].

Развитие работорговли в начале XIV в. свидетельствует о том, что в это время туркам было выгоднее продавать рабов венецианцам, нежели использовать их на своей территории как рабочую силу [19].

Для обеспечения нормального течения процесса производства поставки людских ресурсов, сырья и лошадей должны были носить регулярный характер и производиться в определенном объеме. Это привело к упорядочению и юридическому оформлению торговых связей венецианцев с эмиратами Ментеше и Айдын. Самые ранние из известных соглашений датируются 1331 г. (между дукой Кандии Марино Морозини и Орханом Ментешеоглу) и 1337 г. (между дукой Джиованни Санудо и Хызыром и Умуром Айдыноглу). В этих соглашениях беи гарантировали венецианцам защиту от нападений пиратов, в них определялись места размещения торговцев, роль консулов и размер пошлин [20]. Пошлины на вывозимые товары составляли 2—4%, а привезенные товары (за исключением вина и мыла) полностью освобождались от сборов [21]. По соглашению 1331 г. в Балате венецианцам были предоставлены церковь св. Николая и территория для постройки домов и складов. Консул в Балате был еще до 1331 г., так как его присутствие упоминается в тексте этого договора [22].

Действия пиратского флота Умур-паши, который в 1334 г. стал беем Айдынского эмирата, наносили серьезный ущерб итальянской торговле в Восточом Средиземноморье. После нескольких поражений от христианского флота Умур-паша в 1337 г. был вынужден пойти на уступки: турки обязались прекратить пиратскую деятельность на один год и предоставили венецианцам право свободной торговли в пределах эмирата. В Айасулуке учреждалось консульское представительство, ве-

нецианцы получали в пользование необходимые территории и церковь[23].

Путешествовавший по Малой Азии в конце 30-х годов XIV в. пилигрим из Вестфалии Людольф сообщает, что в Айасулуке он встретил гречанку, по особому разрешению эмира Хызыра содержавшую в окрестностях города трактир, где приезжим торговцам продавалось вино, которое, несмотря на исламские запреты, пользовалось спросом и среди турок[24]. Интересно, что в соглашении 1331 г. эмир Ментеше Орхан оговорил для себя право на монопольную продажу привозимого вина[25]. Заметим, что вино было единственным товаром, который постоянно облагался пошлиной. В Айасулуке, по сообщению Пеголотти, сборы составляли один золотой флорин за одну ввезенную неаполитанскую бутту[26]. Высокие пошлины на вино сохранялись на протяжении долгого времени: в 1403 г. в Балате они составляли 50 аспров за бутту[27]. Во времена Пеголотти пошлиной облагалось также мыло, высоко ценившееся на Востоке. В Айасулуке в пользу бея собиралось два золотых флорина с каждых 23,5 батмана[28], но впоследствии итальянцам удалось добиться отмены пошлины на мыло. В то же время по договору 1403 г. между дукой Крита Марко Фаледро и беем Ментеше Ильясом устанавливались пошлины на вывозимое зерно (два аспра за один модий)[29].

Вывоз зерна из Малой Азии приобрел особое значение после 1343 г., когда хан Золотой Орды Джанибек на пять лет изгнал всех итальянцев из Таны[30]. В 40-х годах эгейские эмираты становятся крупными поставщиками зерна для Константинополя. Зависимость византийской столицы от поставок хлеба из турецких эмиратов была использована Иоанном Кантакузином, который в борьбе за императорский престол использовал войска своего союзника Умур-бея[31].

События в Тане, гражданская война в Трапезунде и прекращение торговых отношений с Киликийской Арменией повысили в 40-х годах XIV в. значимость турецких рынков для венецианцев[32]. Стремясь максимально обеспечить безопасность при ведении торговли, Венеция в 1343 г. вошла в Христианскую лигу, созданную под эгидой папы Климента VI для борьбы с турецкой угрозой.

В 1344 г. соединенный флот Христианской лиги захватил Смирну. После гибели Умур-бея в 1348 г. венецианцы постарались обеспечить свои интересы при заключении мира с Хызыром. В проекте договора айдынский эмир уступал членам лиги половину таможенных сборов, предоставлял им право свободно вывозить из эмирата продовольствие, а также некоторые другие привилегии. Венеция, Кипрское королевство и рыцари-иоанниты о-ва Родос получали право иметь своих консулов в Эфесе. За архиепископом Смирны признавалось право управ-

ления всеми церквами города. В свою очередь, члены лиги обязались не вступать в союзы, направленные против Хызыра Челеби, а за укрывательство беглых рабов обе стороны обязались выплачивать 15 флоринов штрафа за каждого человека [33]. 18 августа 1348 г. Хызыр подписал договор в присутствии великого магистра госпитальеров, представителя папского легата и греческого нотариуса и поклялся на Коране соблюдать условия соглашения. Для ратификации договора в Авиньон было послано турецкое посольство, возглавляемое Изеддином Балабаном. Расходы на содержание этой миссии (1466 флоринов) легли на казну папы.

Война между Англией и Францией, последствия чумы, напряженность в отношениях между Венецией и Генуей и вторжение войск венгерского короля в Неаполитанское королевство вынудили папу отсрочить ратификацию договора. В июле 1349 г. посольство с письмом папы эмиру Хызыру отправилось обратно в Айасулук [34].

Эмир Айдына воспользовался создавшейся ситуацией, и в 1351 г. в Айасулук прибыли генуэзские синдики Оберто Гаттилузи и Раффо Эрминио. В инструкциях от 23 мая 1351 г., полученных нобилями в Генуе, отмечалось, что для Лигурийской республики чрезвычайно важно установить дружеские отношения с Хызыром и заключить с ним соглашение о поставках продовольствия флоту генуэзского адмирала Паганино Дориа. В инструкциях упоминается присутствие в Айасулуке большого числа генуэзских торговцев и консула. Переговоры прошли успешно, и в следующем году айдынский эмир начал поставки продовольствия [35].

Вероятно, айдынский эмир понимал опасность подобной политики, так как война между Генуей и Венецией (1350—1355) шла с переменным успехом. Поэтому в августе 1352 г. он не замедлил отправить на Крит письма с предложениями о заключении мира. Весной 1353 г. в Айасулук прибыл венецианский посол Франческо да Фирмо с предписанием всеми силами препятствовать сближению эмира с Генуей. Послу удалось добиться заключения мира с Хызыром, и в 1354—1355 гг. им было закуплено в Турции 53 тыс. мезур зерна. Тем не менее айдынский эмир продолжал поддерживать Геную: он задерживал поставки на Крит зерна и проса и ущемлял интересы венецианцев при торговле квасцами [36].

После окончания войны с Генуей в 1356 г. в Айасулук и Балат с Крита был направлен посол Джулиано Дзено в сопровождении секретаря с поручением урегулировать спорные вопросы с турецкими эмирами. Половину расходов на содержание посольства оплатили венецианские купцы, торговавшие с турками «mercatores Turchie» [37]. После окончания переговоров в 1358 г. в Айасулук был назначен венецианский консул, кото-

рым стал Джованни Моро. Консул получал ежегодно 100 дукатов, кроме того, в его распоряжении находились двое слуг и пара лошадей. Осенью того же года «Совет мудрых» Кандии ратифицировал договор с Хызыром, проект которого был представлен послом эмира Халилем[38].

Нормализовав отношения с беем Айдына, Венеция перестала поддерживать антитурецкие проекты римского папы, и в 1359 г. сенат отказался выделить 3 тыс. дукатов, затребованные Святейшим престолом на нужды обороны Смирны[39]. Гавань и часть города находились в руках госпитальеров до захвата Смирны Тимуром в 1402 г. Еще в 1346 г. родосские рыцари заключили с Хызыром Айдыноглу торговое соглашение, и постепенно Смирна восстановила свое прежнее положение в левантийской торговле[40]. Правда, турки нередко нарушали условия соглашений, а иногда чинили явный произвол, как это было в 1359 г., когда субаши Смирны Элли-бей продал в рабство двух венецианских купцов[41].

Середина 50-х годов XIV в. отмечена ухудшением отношений Венеции с эмиратом Ментеше. В 1356 г. турецкие пираты из Балата разграбили торговое судно с Крита, и эмир перестал соблюдать условия соглашения 1337 г., которое было заключено дукой Кандии Джиованни Санудо с беем Ментеше Ибрагимом[42]. В 1358 г. на Крите стало известно, что эмир Ментеше с большим числом кораблей готовится напасть на остров. Власти Крита запретили ведение торговли с эмиратом. Нарушителям грозили штраф (100 иперперов с хозяина корабля и 50 иперперов с экипажа) и конфискация всего груза. Венецианским купцам запрещалось ввозить на остров товары, скот (особенно лошадей) и рабов из эмирата. Эмиру Ментеше было предъявлено требование освободить задержанных венецианских подданных, возвратить отобранные товары и выплатить 800 флоринов за грабеж судна[43]. В 1359 г. между Мусой Ментешеоглу и дукой Пьетро Бадоером была заключена новая договоренность, и весной следующего года эмир начал выплату компенсации. Венецианский консул в Балате добился также освобождения захваченных венецианцев и ареста трех турецких реисов (капитанов судов), разграбивших на этот раз венецианский барк из Корона[44].

Укреплению и развитию венециано-турецких торговых связей способствовала политическая ситуация, сложившаяся в Восточном Средиземноморье: в 1363 г. на Крите началось восстание и республика Святого Марка была вынуждена прибегнуть к помощи турецких эмиров. В 1364—1365 гг. венецианцы интенсивно закупали в эмиратах зерно и лошадей и вербовали наемников[45]. В марте 1364 г. айдынскому эмиру Венеция направила письмо с просьбой о поставках припасов военным отрядам кондотьера Люкино даль Верме, посланным на Крит, а

проведиторы Крита получили право использовать при подавлении восстания до 5 тыс. турецких наемников. В том же году к эмиру Айасулука отправился посол Анджело Микьель с дарами ценностью в 120 дукатов и поручением произвести закупки зерна в эмирате. Интересно, что при выполнении этой миссии ему воспрещалось принимать какие-либо подношения и заниматься торговлей [46].

Нестабильность внутриполитического положения и постоянная зависимость венецианской коммуны на Крите от поставок продовольствия из Турции привели к тому, что Венеция не поддержала борьбу кипрского короля Пьера I с турецкими беями Малой Азии. По всей вероятности, этому способствовали и временные трудности в торговле с Египтом, возникшие после захвата в 1365 г. Александрии Пьером I [47]. В этом году венецианский сенат поручил дуке Крита в случае нападения кипрского короля на земли Турции уведомить эмиров и турок, состоявших на венецианской службе, о том, что эти действия проводятся без согласия Венеции [48]. Как бы то ни было, успешные военные походы кипрского короля благоприятно сказывались на условиях ведения торговли с турками. В частности, летом 1365 г. эмиры Ментеше и Айдына были вынуждены заключить мир с Пьером Лузиньяном и выплатить ему дань [49]. Правда, периодически в отношениях с турецкими эмирами возникали сложности. В 1368 г. в Айасулуке несколько венецианских подданных было брошено в тюрьму, а их имущество разграблено. Венецианский консул Никколо Морозини потерпел убытки в 2 тыс. дукатов. В таких случаях Венеция прибегала к силе: в инструкциях сената дуке Крита говорилось о возможной посылке галер в Айасулук в случае отказа эмира возместить нанесенный ущерб [50].

В 1370 г. венецианцы добиваются подтверждения своих привилегий от айдынского эмира Исы. Бей Айасулука обязался возместить ущерб, причиненный венецианским подданным, и предоставил Никколо Морозини половину коммеркия, который выплачивался венецианцами в его эмирате [51].

В 1375 г. было заключено новое соглашение, подтверждавшее условия договора 1337 г., между дукой Крита Джованни Градениго и Ахмедом Ментешеоглу [52].

В это время периодические нападения пиратов (в 1376 г. пираты из Балата захватили венецианский торговый корабль у берегов Негропонта) уже не могли нарушить установившиеся отношения [53].

С начала 50-х годов постоянно укрепляются торговые связи с эмиратами генуэзской компании «Маона», которая с 1347 г. управляла о-вом Хиос. Эммануэле Пилоти — автор коммерческого трактата, датируемого 1420 г.,— отмечал выгодное географическое положение острова и писал, что генуэзцы перево-

зили товары, закупленные в Балате, через Хиос в Александрию[54].

В Лигурийской республике торговое судоходство носило преимущественно частный характер, поэтому основными источниками для исследования коммерческой деятельности генуэзцев являются нотариальные записи. Запись 1377 г. сообщает о коке (двух-трехмачтовое судно с квадратными парусами) «Святой Иоанн», которая пришла из Неаполя с грузом вина, мыла и тканей для разгрузки на «Хиосе и в Теолого». В том же году другой генуэзский корабль направлялся в Айасулук с 550 кантарами мыла из Гаэты[55].

Более полное представление о генуэзско-турецкой торговле дают материалы генуэзских таможен. В 1376—1377 гг. в Айасулук проследовали две коки с грузом мыла и тканей, а в Геную из Айасулука — кока с квасцами. Из Балата прибыли три лигнии (грузовые суда с высокими бортами; промежуточный тип судна между галеей и нефом) с хлопком, мишурой и перцем[56]. Следует заметить, что эти записи относятся ко времени Кьоджийской войны между Генуей и Венецией (1378—1381), когда интенсивность торговых операций, вероятно, снизилась.

Продавая ткани, мыло и другие товары по высоким ценам (упоминавшаяся выше кока следовала из Неаполя в Айасулук с грузом мыла в 405 кантаров ценностью 1908 генуэзских лир, а флорентийские ткани в Айасулуке, по сообщению Пеголотти, продавались по цене 2—2,25 флорина за одну флорентийскую канну), итальянцы содействовали утечке золота и серебра из Турции[57].

Неэквивалентный обмен заметно усилил нехватку драгоценных металлов в Анатолии в XIV в. Арабский путешественник Ибн Баттута, побывавший в эгейских эмиратах в первой половине 30-х годов, сообщает о низких ценах на продукты питания: половина бараньей туши стоила 10 дирхемов, а на два дирхема можно было купить хлеба на целый день для 10 человек[58]. Османский хронист конца XV в. Мехмед Нешри, повествуя о правлении султана Мурада I (1360—1389), пишет, что в те времена в Анатолии было мало золота и серебра[59]. Турецкие беи были вынуждены чеканить имитации латинских монет с пониженным содержанием благородных металлов. В 1368 г. сенат безрезультатно требовал прекратить чеканку поддельных дукатов в Айасулуке[60]. Как показывает решение судебной тяжбы 1388 г. между двумя венецианцами, в турецком дукате золота содержалось на 2,35% меньше, чем в полновесной венецианской монете[61].

Беи старались компенсировать в какой-то мере потери от утечки валюты путем дальнейшего развития торговых отношений. В 80-е годы эмираты Айдын и Ментеше становятся крупными поставщиками хлеба: зерно покупают купцы из Дубров-

ника и даже родосские рыцари, которым папа Климент VII в 1379 г. предоставил разрешение закупить продовольствие у неверных[62]. Турецкое зерно из Фокеи и Айасулука зарегистрировано на генуэзских рынках в 1381 и 1382 гг., а в 1387 г. отсюда в Геную прибыло 3710 мин зерна (свыше 4% общего ввоза)[63].

Ко времени османского завоевания в эгейских бейликах уже сложились определенные традиции при ведении торговли, и в 1390 г. Баязид I подтвердил прежние привилегии венецианцев, которыми они пользовались в Балате и Айасулуке[64]. В том же году османский султан, планировавший захват Константинополя, наложил запрет на вывоз зерна из Турции, в результате которого цены на хлеб повсеместно поднялись[65]. Франческо Квирини, посол Венеции к Баязиду, добившийся подтверждения привилегий венецианских купцов, был уполномочен предложить османскому султану уплату 1 иперпера за каждый вывезенный константинопольский модий зерна. При этом республика Святого Марка давала гарантии османам, что хлеб будет вывозиться только в Венецию и ее владения[66]. Но усилия венецианцев добиться отмены запрета не увенчались успехом, так как в 1400 г. правитель Айдына, сын Баязида I Сулейман, через посла передал венецианцам с Крита, что они могут беспрепятственно вывозить из Айасулука любые товары, за исключением зерна, лошадей и строевого леса[67].

Генуэзская «Маона» для сохранения своих привилегий была вынуждена согласиться на уплату ежегодной дани османскому правителю Айасулука, и в 1398 г. была выплачена дань за 1396 г. в размере 562 дукатов[68].

В последнее десятилетие XIV в. генуэзские корабли часто посещали гавань Айасулука, появлялись здесь и торговцы из Анконы. В 1394 г. они привозили сюда масло, мыло, бумагу и ковры[69]. В 1398 г. проживающий в Айасулуке генуэзский коммерсант Рафаэле Леркарио представлял в этом городе интересы купцов из Генуи и Анконы[70], а в 1394 г. один из членов «Маоны» был послан в Смирну в качестве посредника при переговорах османского субаши Смирны с родосскими рыцарями. По окончании переговоров субаши обязался соблюдать условия соглашений с госпитальерами в течение пяти лет и внес залог в сумме 10 тыс. дукатов прецептору Неаполя и Авиньона брату Доминику[71].

Запрет на вывоз зерна коснулся не только венецианцев. В 1391 г. генуэзцы вывезли из Фокеи 163 мины зерна, что составило только 0,5% ввоза зерна в Геную за этот год. В 1392—1393 гг. из Фокеи в Геную было вывезено 5537 мин зерна, а в последующие годы на рынки Генуи турецкий хлеб не поступал[72]. В небольших количествах турецкое зерно покупали генуэзцы с о-ва Хиос: в 1398 г. губернатор острова Доменико

Джустиниани закупил 200 модиев зерна у генуэзских торговцев с о-ва Лесбос[73].

Несмотря на почти полное прекращение хлебной торговли, в последней декаде XIV столетия существовало регулярное судоходство между Хиосом и Фамагустой, захваченной генуэзцами в 1374 г. По пути торговые суда посещали Айасулук и Родос[74].

В одном из анонимных описаний путешествий в Святую Землю конца XIV в. Айасулук предстает городом, в котором проживало множество богатых купцов и куда прибывали торговцы из Татарии и других земель[75].

После вторжения в Малую Азию Тимура и восстановления власти беев в эгейских эмиратах венецианцы заключили в 1403 г. договор с эмиром Ментеше Ильясом, который подтверждался в 1407 и 1414 гг.[76]. В договоре устанавливалась общая двухпроцентная пошлина на вывозимые товары, некоторые категории которых подлежали дифференцированному обложению. Например, при вывозе модия ячменя или бобов купцы платили 1 аспр, при вывозе коня — 3 аспра, вола или осла — 2 аспра, раба или рабыни — 10 аспров[77]. В договоре довольно подробно оговаривались права венецианского консула в Балате, которым в 1410 г. был Пьетро Лонго. В год он получал от венецианской коммуны на Крите 300 иперперов и числился одновременно консулом в Айасулуке[78]. По всей вероятности, он не сидел без дела, так как эмиры Ментеше и Айдына нередко нарушали условия договоренностей, и в 1414 г. республика Святого Марка направила к берегам обоих эмиратов вооруженные галеры, чтобы в очередной раз получить свободу торговли, освободить своих подданных и заставить турецких беев прекратить пиратские действия на море[79].

В начале 1403 г. османский султан Сулейман, правивший в Румелии, подписал в Галлиполи соглашение с Византией, Венецией, Генуей, Родосом и другими латинскими государствами, по которому Хиос и герцогство Наксос освобождались от уплаты дани эмиру Айасулука. Европейским торговцам было предоставлено право беспрепятственно вывозить из Турции зерно при условии уплаты одного иперпера за каждый константинопольский модий. Этот договор подтверждался Сулейманом в 1406 г., а в 1411 г. новым османским султаном Мусой[80]. Полное превосходство венецианцев на море позволило им в договорах 1416 и 1419 гг. добиться значительных уступок и подтверждения своих торговых льгот от османского султана Мехмеда I, под власть которого в 1415 г. попали бейлики Айдын и Ментеше[81].

Положение генуэзцев было менее прочным, и, хотя «Маона» получила право свободной торговли в землях султана, с 1415 г. генуэзцы с Хиоса обязались выплачивать османам ежегодную дань в 4 тыс. скуди золотом[82].

В первой половине XV в. итальянцы продолжали торговать в Айасулуке и Балате (к этому времени относятся рисунки итальянских кораблей на стенах бань при мечетях Исы-бея в Айасулуке и Ильяс-бея в Балате[83]), но расцвет левантийской торговли был уже позади, и вскоре эти города приходят в упадок.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: итало-турецкие торговые связи с 30-х годов XIV в. носили регулярный характер. Основными торговыми партнерами турок были венецианцы — самая большая и сильная торговая нация средневековья[84]. Современные исследователи средневековой торговли считают, что сокращение численности населения в Европе после эпидемии «черной смерти» в 1347 г. и соответственное уменьшение емкости внутреннего рынка определили стремление торговцев к долгосрочным операциям, основанным на тщательном расчете[85]. Отражением этой тенденции являлись и соглашения, заключенные с беями эгейских эмиратов, которые гарантировали относительную безопасность торговли и предоставляли европейским коммерсантам существенные льготы. Следует отметить, что эти договоры носили характер взаимных обязательств[86]. Трудно сказать, в какой мере использовались турецкими купцами те льготы, которые предоставлялись им по соглашениям с итальянцами. Вероятно, турецкие купцы занимались преимущественно внутренней торговлей. В немалой степени определенная пассивность турок во внешней торговле определялась положением купца в мусульманском обществе, в котором идеология ислама рекомендовала вести торговлю в соответствии с нормами морали[87]. Путешествующий в конце XIV в. по Малой Азии Иоганн Шильтбергер отмечал, что у мусульман существовал обычай, достойный подражания: при сделках купцы довольствовались честной прибылью в 2,5%[88]. В XIV столетии не существовало крупных объединений турецких купцов, которые могли бы составить конкуренцию итальянцам. Гавани эгейского побережья Малой Азии играли значительно меньшую роль в посреднической торговле итальянцев, чем Александрия, Тана, Кафа или Трапезунд. В первую очередь их значение определялось тем, что отсюда итальянцы вывозили квасцы и хлеб. Постоянный спрос на сельскохозяйственную продукцию содействовал увеличению производства зерна в эмиратах. Уже в первой половине XIV в. в Айдынском бейлике начинают выращивать рис, который во второй половине XIV в. получает распространение и в других приморских бейликах[89].

В 20-е годы XIV в. Журден де Северак писал, что земля в Турции «очень плодородна, но не обработана, ибо турки о ней не заботятся»[90]. Несомненно, что внешний фактор сыграл немаловажную роль в развитии земледелия и оказал воздейст-

вие на организацию внутреннего производства в эгейских эмиратах. Установление конкретных форм проявлений этого воздействия — задача дальнейшего исследования.

[1] См.: Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen âge. T. 1. Lpz. 1885, с. 535—547; T. 2. Lpz., 1886, с. 353—355; Thiriet F. Les relations entre la Crète et les émirats turcs d'Asie Mineure au XIV-e siècle (vers 1348—1360).— Actes du XII-e Congrès International des Etudes Byzantines. T. 2. Beograd, 1964, с. 213—221; Zachariadou E. Sept traités inédits entre Venise et les émirats d'Aydin et de Mentese (1331—1407).— Studi Preottomani e Ottomani, Atti del Convegno di Napoli (24—26 settembre 1974). Napoli, 1976, с. 229—240).

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1, с. 204.

[3] См.: Arnakis G. Byzantium's Anatolian Provinces in the Reign of Michael Palaeologus.—Actes du XII-e Congrès international des études Byzantines. T. 2, с. 37—44; Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Los Angeles, 1971, с. 136—137.

[4] Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. СПб., 1862, с. 205.

После гибели Сасы в 1307 г. власть над завоеванными землями перешла к основателю айдынской династии Мехмед-бею (см.: Akın H. Aydınoğulları tarihi hakkında bir araştırma. 2-ci baski. Ankara, 1968, с. 24—25).

[5] Ahrweiler M. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317). Travaux et Mémoires. T. 1. P., 1965; с. 34—35; P. Lemerle. L'Emirat d'Aydin. Byzance et l'Occident. P., 1957, с. 50—55.

[6] Lemerle P. L'Emirat d'Aydin..., с. 57—58.

[7] Ducas M. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. Detroit, 1975, с. 149.

[8] Pegolotti F. B. La pratica della mercatura. Cambridge, Mass., 1936, с. 55—57; [E. Piloti]. Traité d'Emmanuel Piloti sur le Passage en Terre Sainte (1420). P., 1958, с. 140, 156.

[9] Северак Ж. де. Описание чудес. Пер. Я. М. Света.— После Марко Поло. М., 1968, с. 159.

[10] Heyd W. Histoire du commerce... T. 2, с. 565—567.

[11] F. Pegolotti F. B. La pratica della mercatura, с. 369, примеч. 3. 1 генуэзский кантаро гроссо=52,268 кг (Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970, с. 183—189).

[12] В Христополе существовала генуэзская колония, а в 1382 г. власти Генуи, вероятно из-за расхождений с эмиром, запретили своим подданным селиться в этом городе и заниматься там торговлей [см.: Balard M. La Romanie génoise: (XII-e—debut du XV-e s.). T. 2. Rome, 1978, с. 773, примеч. 21]. Помимо использования в текстильном производстве квасцы находили применение при выделке кож, в медицине и даже при изготовлении фальшивых денег [см. об этом: Faroqhi S. Alum Production and Alum Trade in the Ottoman Empire (about 1560—1830).— Wiener Zeitschrivt für die Kunde des Morgenlandes. Bd 71, 1979, с. 154—155].

[13] Thiriet F. Délibérations des Assembleés vénitiennes concernant la Romanie. T. 1. P., 1966, № 59.

[14] Zachariadou E. Sept traités inédits, с. 231.

[15] Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. T. 1. P., 1958; №38; он же. La relations entre la Crète et émirats turcs..., с. 220.

[16] Verlinden Ch. Venezia e il commercio degli schiavi, Venezia e il Levante fino al secoli XV. Vol. 1. Firenze, 1973, с. 914—915.

[17] Там же.

[18] Verlinden Ch. La Crète, débouché et plaque tournante de la traité des escalves aux XIV-e et XV-e siècles. T. 3. Milano, 1962, c. 654—660.
[19] Verlinden Ch. L'Esclavage dans l'Europe mediéval. T. 2. Gent, 1977, c. 825.
[20] Zachariadou E. Sept traités inédits..., c. 230.
[21] Pegolotti F. B. La pratica della mercatura, c. 55—56.
[22] Zachariadou E. Sept traités inédits..., c. 232.
[23] Там же, с. 236.
[24] Lemerle P. L'Émirat d'Aydin..., c. 31.
[25] Zachariadou E. Sept traités inédits..., c. 237.
[26] Pegolotti F. B. La pratica della mercatura, c. 56. 1 неаполитанская бутта=501,051 л (Schilbach E. Byzantinische Metrologie, c. 112).
[27] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 2. Venetiis, 1899, № 160, c. 295.
[28] Pegolotti F. B. La pratica della mercatura, c. 56. 1 батман в Айасулуке=9,993 кг (Schilbach E. Byzantinische Metrologie, c. 198).
[29] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 2. № 160, c. 295. 1 константинопольский модий=307,512 л (Schilbach E. Byzantinische Metrologie, c. 107—108).
[30] Heyd W. Histoire du commerce..., t. 2, c. 187—188; Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 34.
[31] Kyrris C. P. John Cantacuzenus and the Genoese 1321—1348.—Miscellanea Storica ligure. [T.] 3. Milano, 1963, c. 32.
[32] Об упадке венецианской торговли с Трапезундом и Киликийской Арменией в 40-х годах XIV в .см.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981, с. 54—57; Соколов Н. П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII—XVI вв.—Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Вып. 1. Горький, 1973, с. 22.
[33] Текст договора см.: Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 1. Venetiis, 1880, № 168, 169. О договоре см.: Флоринский Т. Д. Политическая и культурная борьба на Греческом Востоке в первой половине XIV в.—«Университетские известия 1883». Киев, 1883, с. 59—60 (отд. оттиск).
[34] Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204—1571). Vol. 1. Philadelphia, 1978, c. 217—218.
[35] Sanguinetti A. et Bertolotto G. Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll'impero bizantino.—«Atti della Società Ligure di Storia Patria». 28.1896—1902. [Б. м.], с. 550—551; Balard M. La Romanie génoise: (XII-e—debut du XV-e s). T. 1: Rome, 1978, c. 470.
[36] Thiriet F. Délibérations des Assemblees... T. 1, № 596, 602, 617, 646; он же. Régestes des délibérations du Sénat... T. 1, № 281; Zachariadou E. Sept traité inédits..., c. 237. Вероятно, в данном случае речь идет о мере сыпучих тел на Крите, так называемой мезуре, которая в первой половине XIV в. составляла 17,084 л, а в начале XVI века—19,494 л (Schilbach E. Byzantinische Metrologie, c. 139—141).
[37] Thiriet F. Délibérations des Assemblées... T. 1, № 623, 624.
[38] Там же, № 643, 644.
[39] Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat... T. 1, № 349.
[40] Zachariadou E. Sept traités inédits..., c. 236, примеч. 2.
[41] Thiriet F. Délibérations des Assemblées... T. 1, № 654.
[42] Thiriet F. Délibérations des Assemblées... T. 1, № 625; Zachariadou E. Sept traités inedits..., c. 230.
[43] Thiriet F. Délibérations des Assemblées... T. 1, № 639, 642.
[44] Там же, № 648, 665.
[45] Thiriet F. Délibérations des Assemblées vénitiennes concernant la Romanie. T. 2. P., 1971, № 744, 745, 760, 771, 775.
[46] Там же, № 746, 776, 729.
[47] Ashtor E. Observations on Venetian Trade in the Levant in the XIV-th Century.— «The Journal of European Economic History». 1976, vol. 5, № 3, c. 550.

[48] Mas-Latrie. Histoire de l'île de Chypre. T. 3, 1855, с. 752—753.

[49] Jorga N. Philippe de Mézières (1327—1405) et la Croisade au XIVe siècle. P., 1896, с. 281.

[50] Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat... T. 1, № 451.

[51] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 2, № 95; Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat... T. 1, № 501.

[52] Zachariadou E. Sept traités inédits..., с. 235.

[53] Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat... T. 1, № 577.

[54] Piloti E. Traité sur le passage en Terre Sainte (1420). P., 1958, с. 156.

[55] Musso G. Navigazione e commercio Genovese con il Levante nei documenti dell'archivio di Stato di Genova (secc. XIV—XV). Roma, 1975, с. 169—170, 232.

[56] Day J. Les douanes de Gênes, 1376—1377. T. 1—2. P., 1963, с. 271, 273, 693, 737, 874, 928.

[57] Там же, с. 271; Pegolotti F. B. La pratica della mercatura, с. 55. 1 флорентийская канна=233,6 см. (Schilbach E. Byzantinische Metrologie, с. 43). О неэквивалентной торговле между Востоком и Западом в средние века см.: Bautier R.-H. Problèmes politiques et économiques de la Mediterranée.— «Revue Historique». 1965, CCXXXIV, с. 18—19.

[58] Defrémery C. et Sanguinetti B. R. Voyages d'Ibn Batoutah. T. 2. P., 1877, с. 307.

[59] Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma, hazırlayanlar Unat F. K., Köymen M. A. C. 1. Ankara, 1949, с. 205. См. также: Akdağ M. Türkiye'nin iktisadî ve içtimaî tarihi. T. 1. Ankara, 1959, с. 381—382, 420—424.

[60] Thiriet F. Régestes de délibérations du Sénat..., № 451, 481.

[61] Balard M. La Romanie génoise. T. 2, с. 667, примеч. 73.

[62] Krekić B. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au Moyen Age. P., 1961, № 362, 371; Luttrell A. Intrigue, Schism and Violence Among the Hospitallers of Rhodes; 1377—1384.—«Speculum». 1966, vol. 41, № 1, с. 35.

[63] Balard M. La Romanie génoise. T. 2, с. 754, 760. 1 мина=105,7 кг или 82,434 кг (см. там же, с. 897—898).

[64] Diplomatarium Veneto—Levantinum. Vol. 2, № 134.

[65] Zachariadou E. Sept traités inédits..., с. 240.

[66] Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat... T. 1, № 768.

[67] Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades an XV-e siècle.— «Revue de l'Orient latin». 1896, t. 4, с. 234; Noiret H. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485 P., 1892, с. 110—111.

Лес из залива Макри (Фетхийе) вывозили в Александрию еще во второй половине XIII в. Об этом сообщает арабский географ Ибн Саид при описании туркменских племен, живших на побережье (см.: Cahen Cl. Ibn Sa'id sur l'Asie Mineure seldjuqide.— «Ankara Univ. D. T. C. Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi». VI, 10—11, 1968, с. 42).

Тахтаджи (туркмены-кочевники, занимающиеся рубкой леса) жили и в окрестностях Айасулука (см.: Akin H. Aydınoğulları tarihi hakkında bir araştırma, с. 133, № 25).

[68] Gioffrè D. Atti Rogati in Chio nella seconda metà del XIV secolo.— «Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome», fasc. XXXIV, 1962, с. 373.

[69] Ashtor E. Il commercio levantino di Ancona nel basso medioevo.— «Rivista storica italiana», LXXXVIII, fasc. II, 1976, с. 230.

[70] Gioffre D. Atti Rogati..., с. 362, 395.

[71] Balard M. La Romanie génoise. T. 1, с. 472.

[72] Balard M. La Romanie génoise. T. 2, с. 760, 762.

[73] Gioffré D. Atti Rogati..., с. 401.

[74] Argenti Ph. The Occupation of the Chios by the Genoese and their Administration of the Island 1346—1566. T. 3. 1956, с. 382. См. также: Musso G. Navigazione e commercio Genovese..., с. 103; 123; Lopez R., Raymond J. Medieval Trade in the Mediterranean World. N. Y., 1955, с. 259—260.

[75] Hopfgartner L. Altologo, Miscellanea storica ligure. [T.] 3. Milano, 1963, с. 105.

[76] Diplomatarium Veneto—Levantinum. Vol. 2, № 160; Mas-Latrie. Commerce d'Ephèse et de Milet au Moyen âge.—Bibliothèque de l'École des Chartes. T. 5. 1864, с. 219—231; Zachariadou E. Sept traités inédits..., с. 309—310; Mas-Latrie. Pacte pour la paix et le commerce entre la Republic de Venise et l'émir de Milet, 17 octobre 1414.— Bibliothèque de l'Ecole de Charte. T. 52, 1891, с. 422—425.

[77] Diplomatarium Veneto—Levantinum. Vol. 7, № 160, с. 295.

[78] Thiriet F. Délibérations des Assemblées... T. 2, № 1127.

[79] Thiriet F. Régestes de délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. T. 2. P., 1959, № 1540.

[80] Diplomatarium Veneto—Levantinum. Vol. 2, № 159, 162, 164; Dennis G. The Byzantine—Turkish Treaty of 1403.—«Orientalia Christiana Periodica», XXXIII, 1967, с. 72—88.

[81] Heyd W. Histoire du commerce... T. 2, с. 277—278; Diplomatarium Veneto—Levantinum. Vol. 2, № 172.

[82] Heyd W. Histoire du commerce... T. 2, с. 278; Argenti Ph. The Occupation of the Chios by the Genoese and their Administration of the Island 1346—1566. Vol. 1. Cambridge, 1956, с. 170. Автор «Истории Хиоса» Иеронимо Джустиниани датирует это соглашение 1414 г. (см.: Hieronimo Giustiniani's History of Chios 1586. Cambridge, 1943, с. 378). Подеста Фокеи Джиованни Адорно также получил право на разработку квасцовых копей сроком на 10 лет в обмен на уплату ежегодной дани в размере 20 тыс. дукатов (Ducas M. Decline and Fall..., с. 150).

[83] Meinardus O. Testimonies to the Economic Vitality of Balat, the Medieval Miletus.— «Belleten». 1973, 37 (147), с. 294—295.

[84] См.: Энгельс Ф. Дополнения к третьему тому «Капитала».— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2, с. 478.

[85] Kedar B. Merchants in Crisis. Genoese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth Century Depression. New Haven, 1976, с. 28.

[86] См., например, договор 1414 г. между Ильясом Ментешеоглу и капитаном Гольфа Пьетро Дживрано, подтверждающий условия договора 1403 г. (Diplomatarium Veneto—Levantinum. Vol. 2, с. 305—306).

[87] См.: Rodinson M. Le marchand musulman.—Islam and the trade of Asia. Pennsylvania, 1970, с. 29; Mantran R. L'Empire Ottoman et le commerce asiatique au 16-e et 17-e siècles.—Там же, с. 171.

[88] Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 по 1427 г. Перевел с нем. и снабдил примеч. Ф. Брун.—«Записки имп. Новороссийского университета». Т. 1, вып. 2, 1867, с. 100.

[89] Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Riziculture dans l'Empire Ottoman (XIV-e—XV-e siècle).— «Turcica». T. IX/2—X, с. 13. В Саруханском бейлике рис выращивали при Исхак-бее (1359—1390). Uluçay G. M. Saruhanoğulları ve eserlerine dair vesikalar. İstanbul, 1940, с. 34.

[90] Северак Ж. де. Описание чудес, с. 160.

4 Зак. 543

М. С. Мейер

АЯНЫ И ИХ МЕСТО В ОСМАНСКОЙ ИСТОРИИ

Вопрос об изменениях в структуре и составе господствующего класса Османской империи в XVII—XVIII вв. привлекает ныне пристальное внимание не только туркологов, но и специалистов по истории народов Арабского Востока, Балкан и Закавказья. Интерес исследователей вполне понятен: получение новых материалов о процессах социально-классовой трансформации в империи позволяет лучше понять эволюцию докапиталистических обществ на территории Юго-Восточной Европы и Передней Азии, правильнее оценить их состояние в период перехода от средневековья к новому времени.

В социально-политической жизни османского государства XVII—XVIII вв. историки прежде всего отмечают возникновение могущественных феодальных династий в различных провинциях. Это явление было тесно связано с формированием новой группы внутри правящего класса, состоявшей из наиболее влиятельных и богатых представителей местного мусульманского населения. В официальных документах того времени они обозначаются общим термином «аяны» («нотабли», «патриции» — в трактовке современных турецких и западных специалистов) [1]. Их роль в османской истории весьма сложна и до конца еще не выяснена. Поэтому в данной работе речь пойдет лишь о тех моментах происхождения и деятельности аянских династий, которые непосредственно связаны с более общими вопросами социально-экономической и политической жизни Османской империи на рубеже нового времени.

Исследования последних лет убедительно показали, что важнейшей предпосылкой к складыванию аянства как отдельной социальной общности стал кризис военно-феодальной структуры османского государства, явственно обозначившийся со второй половины XVI в. Наиболее важными проявлениями этого процесса можно считать разложение военно-ленной (тимарной) системы землевладения, ослабление власти центрального правительства, усиление сепаратизма и внутренних неурядиц в про-

винциях. Такие явления нередко принимались за свидетельства кризиса самих феодальных порядков. Однако эти негативные моменты скрывали оформление общественно-политического режима, соответствующего более зрелым феодальным отношениям [2]. Его характерной чертой являлось возрастание роли уклада, связанного с крупной частной собственностью на землю. Соответственно в сфере экономических отношений ускорились темпы превращения условных пожалований в безусловные, лишения крестьян их владельческих прав на землю, вытеснения военных ленников (сипахи) другими феодалами, более заинтересованными в хозяйственной эксплуатации своих владений. В политической жизни ясно обозначалось усиление центробежных тенденций, менявших соотношение сил между центром и периферией в пользу последней. Существенные сдвиги произошли и в социальной структуре общества. С ними связана и перегруппировка внутри господствующего класса, вытекавшая из усиления роли материального богатства и групповых связей. Результатом этого процесса было возвышение аянов.

Складывание интересующей нас социальной общности началось, видимо, во второй половине XVI в.[3]. Оно шло путем выделения из общей массы провинциальных феодалов, местного духовенства и зажиточных горожан их наиболее богатых и влиятельных представителей. Эти местные нотабли (аян-и вилайет) располагали землей и прочей недвижимостью, выступая как собственники или в качестве распорядителей вакфного имущества. Они активно участвовали в купле-продаже земельных участков (чифтликов), а свои денежные средства чаще всего вкладывали в торгово-ростовщические операции. Первоначально роль аянов в общественно-политической жизни была ограниченна, да и размеры их состояний не столь велики.

На протяжении XVII в. нотабли добились значительного усиления своих позиций. Воспользовавшись разложением тимарной системы и финансовыми трудностями, они сумели сосредоточить в своих руках наиболее прибыльные откупа и обширные земельные владения. Под их контролем оказалась и значительная часть городской недвижимости — жилые и хозяйственные постройки, сады, виноградники, общественные сооружения. Хотелось бы подчеркнуть, что аяны весьма сильно различались по своим возможностям: даже самый видный житель уездного городка не мог равняться с нотаблями крупных провинциальных центров. Тем не менее их объединяло то, что по своему отношению к средствам производства и распределения общественного продукта, равно как и по социальному происхождению и положению в обществе, они резко отличались от прежде господствовавшей в Османской империи военно-бюрократической знати [4].

Политическому возвышению богатых землевладельцев, уле-

мов, крупных торговых и цеховых старшин помогло само государство. Основной заботой султанского правительства, особенно в период правления великих везиров из рода Кёпрюлю, было обуздание сепаратизма провинциальных пашей. В противовес им Порта стала выдвигать «ехл-и шер» — «людей шариата», прежде всего судей-кадиев. Последние же в поисках союзников обратились к наиболее влиятельным лицам местных мусульманских общин.

Во многих судебных округах (каза, кадилык) стали создаваться диваны (советы) во главе с кадиями и с участием аянов для обсуждения важнейших вопросов финансово-административного управления данного города и окрестных деревень. Судя по сохранившимся реестрам шариатских судов (кадийским сиджиллам), принимасмые на этих собраниях решения касались не только порядка сбора налогов, установления твердых цен на основные товары рыночной торговли, рекрутирования солдат для военных экспедиций, но и смещения одних и назначения других чиновников. С течением времени, как считает Х. Иналджик, советы аянов фактически заменили губернаторские диваны [5]. Во второй половине XVII в. правительство, видимо, узаконило сложившуюся практику консультаций. Во всяком случае, многочисленные ферманы тех лет обязывали местных нотаблей участвовать в решении важнейших вопросов хозяйственного и административного характера [6].

Особо благоприятные условия для роста могущества аянов и окончательного оформления в особую социальную категорию сложились в XVIII в. Важное значение для усиления их позиций имела реформа откупной системы. Длительная и крайне неудачная для турок война с государствами Священной лиги (1684—1699) сопровождалась упадком хозяйственной жизни и обострением внутриполитической ситуации во многих районах Османской империи. Стремясь найти выход из экономических и политических затруднений, султанское правительство в январе 1695 г. решило заменить краткосрочные откупа (ильтизамы) пожизненными (маликяне). В отличие от прежних откупщиков владельцы маликяне были в большей степени освобождены от контроля со стороны властей, что открывало широкие возможности для усиления эксплуатации податного населения, особенно крестьян [7]. Пожизненные откупа представляли собой не только источник богатой наживы, но и важное средство укрепления общественного положения мультазимов.

Первоначально принятая для ряда восточных районов (Диярбакыр, Халеб, Дамаск, Мардин, Адана, Малатья, Токат, Айнтеп) система маликяне быстро распространилась по всей империи, причем в качестве объектов откупов выступали не только отдельные деревни, но и целые административные области — санджаки [8]. В начале XVIII в. дефтердар (казначей) Эльхадж

Мехмед-эфенди, отражая недовольство прежних откупщиков, так описывал последствия реформы 1695 г.: «Затем все вокруг было заражено этим [видом откупов] и все было обращено в маликяне, а некоторые лица, имевшие деньги, стали брать маликяне на все, что только можно, и начали распоряжаться откупами, как своим имуществом, и перепродавать их другим. Поскольку бывшие мукатаа, которые раньше ежегодно продавались с аукциона, попали в руки 5—10 богатеев, то положение людей, живших откупами, стало плохим, а владельцы маликяне продавали их с процентами другим лицам и мукатаа переходили из рук в руки. Те, кто получил их за значительный процент, старались извлечь выгоду для себя, усиливая гнет бедной реайи. Когда же [райяты] жаловались на гнет и притеснения, им отвечали: „Это маликяне, им пользуются как хотят“»[9]. Эльхадж Мехмед-эфенди убедил великого везира Дамад Али-пашу отменить маликяне в 1715 г., но через несколько лет, очевидно вскоре после назначения на пост великого везира Дамад Ибрагим-паши Невшехирли, система пожизненных откупов была восстановлена[10]. Как отмечает турецкий историк Ю. Озкая, изучавший возникновение аянских династий в Анатолии, уже в начале XVIII в. городские нотабли составляли основную массу владельцев маликяне. Именно это обстоятельство способствовало появлению крупнейших феодальных династий Чапаноглу (иначе — Чапароглу), Караосманоглу, Козаноглу, а также многих менее известных аянских родов в различных провинциальных центрах[11].

С помощью маликяне местные нотабли сумели значительно расширить свои земельные владения и упрочить собственнические претензии на них. Так, известный румелийский аян Али-паша Янинский, бывший в начале XIX в., вероятно, крупнейшим землевладельцем на Балканах, располагал примерно 1000 чифтликов. Годовой доход его семьи от сельского хозяйства и торгово-ростовщических операций достигал, по сообщениям европейцев, 18 млн. фр. (или 20 млн. курушей)[12]. Не менее восторженно отзывался французский консул в Измире Ш. Пейсонель о саруханском аяне Хаджи Мустафе Караосманоглу. Хотя он не сообщал точных размеров его денежных доходов или земельных угодий, но неоднократно подчеркивал, что «старый ага», «вероятно, самый богатый человек в Оттоманской империи»[13]. Маликяне стали основой могущества арабских нотаблей в Сирии, Палестине и Египте. Наиболее влиятельный из них — Дагер (Захир ал-Умар, ум. в 1775 г.) из семейства Зайданидов всю свою жизнь оставался просто откупщиком — мультазимом, хотя был фактическим правителем в эялете Сидон[14].

В XVIII в. существенно расширились и масштабы проникновения аянов на высшие посты провинциального административ-

ного управления. В Османской империи, как и в других средневековых восточных деспотиях, богатство само по себе еще не гарантировало его обладателям высокое положение в обществе. Подобный статус обеспечивался прежде всего причастностью к системе публичной власти. Правда, в XVII—XVIII вв. роль этого фактора социальной стратификации несколько уменьшилась по сравнению с «классическим» периодом османской истории [15], но все же он сохранил свое первостепенное значение. Представляется, что отличительной чертой аянов как представителей нового слоя, складывавшегося в рамках господствующего класса, было сочетание богатства (прежде всего земельных владений) с обширными публично-правовыми возможностями и местными связями.

Привлечение городских нотаблей к деятельности кадийских судов можно рассматривать как первый шаг на пути их приобщения к системе государственной власти. Следующим явилось назначение аянов на различные административные посты. Чаще всего это были должности, непосредственно связанные с контролем хозяйственной и общественной жизни городов и окрестных деревень — мухассылов, мютеселлимов, воевод, а также субаши, мухтасибов [16] и др.

Сама практика выделения заместителей бейлербеев и санджакбеев, отвечавших прежде всего за сбор налогов с местного населения, сложилась еще в XV—XVI вв., когда провинциальные паши часто отвлекались от своих обязанностей по управлению вверенных им территорий в связи с военными экспедициями или выполнением различных султанских поручений. Роль мухассылов, мютеселлимов и воевод существенно возросла в XVII в., когда Порта, в целях ограничения независимости губернаторов эялетов и санджаков, стала отбирать у них земельные владения, предоставляя взамен право сбора определенных налогов [17]. Одновременно она начала сокращать срок пребывания пашей на их должностях. В XVII в. он составлял в среднем два года, в XVIII в.— не более года [18]. В подобных условиях правители провинций теряли интерес к выполнению своих функций и стремились переложить на своих помощников решение всех вопросов управления. Фактически последние обладали на местах бо́льшим влиянием, чем их патроны.

Важным новшеством XVIII в. следует считать изменение социальной среды, из которой выдвигались кандидаты на подобные должности. Прежде хозяйственно-административные функции выполняли лица из свиты пашей, но затем Порта санкционировала привлечение к этой службе представителей местной элиты [19]. В отличие от часто сменявшихся бейлербеев и санджакбеев чиновники из числа аянов могли удерживаться на своих постах в течение довольно длительного времени, чему

в немалой степени содействовало и то обстоятельство, что в их руках находились ильтизамы и маликяне, доходы от которых позволяли покупать поддержку сановников Порты.

Частые и довольно успешные попытки представителей отдельных феодальных семейств превратить занимаемые ими должности в наследственные можно рассматривать как свидетельство упрочения позиций аянов в системе публичной власти. Упоминавшийся уже Хаджи Мустафа-ага Караосманоглу удерживал пост мютеселлима Сарухана более 10 лет (1743—1754). Через два года после смещения и казни Хаджи Мустафы Порта была вынуждена утвердить в этом звании его сына — Атаулла-агу. Еще четыре года спустя (в 1761 г.) он был также смещен за плохое управление и произвол. Однако в 1769 г другой сын «старого аги» стал воеводой Акхисара, затем воеводой Измира, а в 1773 г. он взял на откуп все доходы санджака Сарухан, которым в это время управлял в качестве мютеселлима третий сын Хаджи Мустафы — Мехмед-ага. К концу XVIII в. власть Караосманоглу распространилась далеко за пределы Сарухана. Различные члены семьи исполняли обязанности мютеселлима Айдына, воевод Тургутлу, Менемена, Бергамы, Измира, Испарты [20].

С историей возвышения династии Караосманоглу в основных чертах схожи и судьбы многих других аянских династий в Османской империи [21]. Отметим лишь, что далеко не всегда объектом политических амбиций местной знати являлись должности мютеселлимов и воевод. Некоторые ее представители вели борьбу за пост мутасаррыфа (Бушатлы в Северной Албании) [22], другие добивались чина кадия или наиба (члены семьи Гаффарзаде в Конье) [23], третьи — звания главы (башбуга) дербенджи (Али-паша из Янины) [24]. Во всех подобных случаях важны не конкретные объекты притязаний, но общая цель аянов — добиться должности, обеспечивающей причастность к системе государственного управления и придающей их деятельности законный характер. Реализация этих замыслов была связана с немалыми трудностями: приходилось преодолевать сопротивление не только центральной власти, опасавшейся усиления сепаратизма, но и других представителей местной знати. Судя по данным кадийских сиджиллов, ожесточенные распри между членами аянских родов Калайджиоглу, Зеннеджизаде и Эмир-агазаде происходили в Кайсери. Спор за верховенство в Анкаре вели семьи Мюдеррисзаде, Наккашзаде и Муслупашазаде. В Конье выходцы из рода Гаффарзаде соперничали с аянами из семьи Мюхюрдарзаде [25]. По-видимому, аналогичной была ситуация и в большинстве других провинций [26]. В борьбе за власть и источники доходов использовались все средства — взятки, интриги, петиции-доносы в Стамбул, покровительство видного сановника, сговоры и временные коалиции

одних нотаблей против других, но наиболее веским аргументом оставалась сила оружия.

Отряды солдат, содержавшихся за счет местной знати, появились на рубеже XVII—XVIII вв. Их возникновение непосредственно связано с провалом попыток центрального правительства пресечь сепаратизм провинциальных наместников и подавить растущую волну социального протеста низов, принявшего форму разбойничества. По принципам организации частные войска были идентичны войскам провинциальных пашей (так называемые «капы халкы») и, вероятно, рассматривались Портой как необходимый противовес последним. Новые формирования сыграли заметную роль в русско-турецкой войне 1769—1774 гг., что заставило правительство отказаться от попыток как-то ограничить деятельность местной знати. Изучая материалы турецких архивов, японский историк Ю. Нагата установил, что в течение 1771—1774 гг. примерно 300 нотаблей Румелии и Анатолии должны были послать на Дунайский фронт около 90 тыс. солдат[27]. Иными словами, каждый аян был в состоянии поставить в армию в среднем по 300 человек[28]. Эти подсчеты позволяют получить некоторое представление о военной силе крупных провинциальных феодалов.

Несомненно, что в мирное время численность вооруженных отрядов аянов была много меньше, чем во время войны. Следует учитывать также высокие расходы на их содержание. По данным Ю. Нагата, годовое жалованье солдата в период войны 1769—1774 гг. составляло 64 куруша. Следовательно, на отряд в 300 человек феодал должен был расходовать в год до 20 тыс. курушей. Для сравнения отметим, что состояние «типичного» анатолийского аяна Кёр Исмаил-оглу Хюсейна, умершего в 1808 г., было оценено в 56 177 курушей, а после уплаты долгов покойника его наследникам осталось всего 20 527 курушей[29]. Можно предположить, что крупные феодалы располагали вооруженной свитой в несколько десятков человек, но в нужную минуту могли выставить и более крупные силы, ибо не стеснялись вступать в сговор с предводителями местных разбойников, против которых их обязывали бороться султанские указы. Благодаря подобным контактам и широкому привлечению деклассированных элементов в свое окружение городские нотабли были в состоянии контролировать положение в своих округах и одновременно обеспечивали себе достаточную поддержку в случае конфликта с государством или соперничающей феодальной кликой.

Благоприятная для аянов ситуация, сложившаяся в XVIII в., и их собственные большие возможности способствовали быстрому превращению османских провинциальных «патрициев» в чрезвычайно влиятельную группу господствующего класса, которая успешно противостояла столичной элите в борьбе за

перераспределение феодальной ренты. По мере приобщения местных нотаблей к власти соперничество в их рядах обострялось. Неизбежным результатом этой борьбы было выделение («избрание») из среды аянов одного наиболее влиятельного лица, чье ведущее положение подтверждалось особым документом — «аянлык буйрулдусу»[30]. Именно этот феодал чаще всего назначался на пост мютеселлима или воеводы. Впрочем, нередко отмечалась и обратная ситуация: лицо, выполнявшее определенные административные функции, успешнее других претендовало на получение указанного диплома[31].

Сама процедура «избрания» первого, или главного, аяна («баш аян», «реис-и аян», «айн-уль аян» — так его именовали в официальных документах) свидетельствовала о признании государством традиции участия нотаблей в управлении и ее институциональном оформлении. Вместе с тем следует отметить, что центральное правительство отнюдь не считало подобную практику постоянной. Чтобы использовать аянов как противовес самовластным наместникам, Порта должна была признать за местной знатью право принятия мер по обеспечению безопасности и внутреннего порядка как в городе, так и во всей округе, а равно и противодействия тирании и вымогательству пашей. Правители Стамбула, видимо, не осознавали необратимого характера перемен и потому рассматривали упадок авторитета центральной власти и произвол бейлербеев и санджакбеев как случайное, преходящее явление, соответственно и обращение за помощью к местной знати было для них действием вынужденным и нерегулярным. Впрочем, и должности, на которые чаще всего назначались аяны (мухассылов, мютеселлимов, воевод), также формально носили временный характер. Нежелание Порты допустить даже самых видных нотаблей в ряды правящей верхушки определялось тем, что для султанского двора аяны оставались выразителями местных, а не общегосударственных интересов, представляли центробежные, а не центростремительные силы.

Показательно понимание правителями империи тех обязанностей, которые должны были выполнять нотабли, получившие «аянлык буйрулдусу». Во второй половине XVIII в. некоторые османские государственные деятели с беспокойством отмечали рост могущества аянских семей и пытались осуществить ряд мероприятий, направленных на обуздание местной знати. Одна из таких реформ, проведенная в 1786 г. при великом везире Коджа Юсуф-паше, предполагала отмену «аянлыка» и введение вместо него поста «городского интенданта» (шехир кетхудасы). Подобный институт под разными названиями (даруга, раис, шейх-уль-балад) широко известен на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья[32]. Традиционно главными обязанностями этого лица являлись забота об интересах городского

населения и решение спорных вопросов между различными группами горожан. На должность городского раиса назначались обычно местные нотабли. В Османской империи городской кетхуда, по мнению Х. Иналджика, появился во второй половине XVI в. как одна из разновидностей фигуры кетхуды (заместителя, управляющего), «выбранного или назначенного представителя общины, группы, отдельной личности» [33]. О функциях кетхуды [34] в османском городе известно, что он отвечал за определение и соблюдение рыночных цен, присутствовал при разборе судебных тяжб и выступал свидетелем в вопросах налогообложения и откупов, выполнял решение суда о конфискации имущества и т. д.[35]. Именно эту фигуру имели в виду и инициаторы реформы 1786 г., предполагавшие, что аяны должны вернуться к роли посредника между местным населением и государственной властью, которую традиционно играли городские нотабли на Ближнем и Среднем Востоке [36].

Собственные же устремления османских аянов явно не совпадали с замыслами Порты. Они рвались к власти, и их притязания выглядели в конце XVIII в. достаточно вескими: бо́льшая часть провинций Османской империи находилась в то время под контролем таких могущественных феодалов, как Али-паша Янинский, Осман-ага Пасваноглу, Мустафа-паша Байрактар, Али-паша Джаникли, Сулейман-бей Чапаноглу, шейх Дагер.

В 1808 г. султанское правительство вынуждено было признать свое бессилие, подписав совместное с представителями ведущих аянских родов особый договор. Он был составлен по инициативе рущукского аяна, ставшего великим везиром Мустафы Байрактара, и назван «сенед-и иттифак» («союзный пакт»). В нем аяны обещали поддержку центральному правительству в борьбе за утверждение внутреннего порядка и мира в провинциях, получив в обмен гарантии неприкосновенности своих интересов и владельческих прав на землю [37]. Американский историк Н. Ицкович рассматривает «сенед» как «политический документ, составленный с целью вырвать у султана признание нового статуса и прав аянов» [38].

«Союзный пакт» 1808 г. можно считать апогеем могущества местных нотаблей, но он же обозначил момент, с которого начался быстрый закат их славы. Ставшая реальностью феодальная анархия в не меньшей степени, чем внешние военные угрозы, вынудила столичную правящую элиту предпринять самые энергичные меры по восстановлению сильной государственной власти и упрочению влияния центра на периферии. Султан Махмуд II довольно быстро сокрушил господство наиболее видных феодальных династий. Этот неожиданный результат чаще всего объясняют враждой между аянскими родами, забывая о внутренней трансформации самой группы аянов.

В начальный период этой социальной категории была присуща недифференцированность функциональных ролей, ее представители сочетали в себе черты городского патрициата и землевладельческой знати. С этим обстоятельством связано их довольно неопределенное, но устойчивое «срединное» положение между правящей верхушкой и народными массами. Усиление могущества крупных провинциальных аянов позволило им претендовать на более высокие социально-политические позиции, но одновременно привело к потере их посреднической роли, а вместе с нею поддержки населения. Следует также отметить, что мероприятия Махмуда II были направлены против наиболее влиятельных феодальных династий, но не затронули низшего, более массового слоя местной знати. Правительство не посягнуло на земельные владения аянов, определявшие их влияние и статус в обществе. Поэтому аяны как социальная категория не переставали существовать. Они стали ядром сложившегося в Османской империи на протяжении XIX — начала XX в. класса крупных землевладельцев.

* * *

Рассматривая историю аянства, нетрудно заметить, что процесс формирования и утверждения этой группы господствующего класса определялся общими закономерностями развития османского общества на стадии перехода к развитым феодальным отношениям. Однако, возникнув как результат социально-политической трансформации, аяны и сами весьма активно способствовали дальнейшим переменам. Прежде всего можно указать на их роль в развитии системы политической власти. Поддерживая провинциальных нотаблей против самовластных пашей, правители Османской империи рассчитывали на восстановление столь необходимой для всякой восточной деспотии системы баланса сил, которая оказалась нарушенной из-за разложения сипахийства. В конечном счете эта политика привела к совершенно иным результатам: прежняя структура провинциального управления оказалась полностью разрушенной, а центральное правительство столкнулось с гораздо более опасным противником, чем строптивые наместники. Для победы над ним потребовалась коренная перестройка всего государственного механизма. В этом смысле можно говорить, что деятельность аянов ускорила разработку и реализацию планов преобразования Османской империи в абсолютистскую монархию.

Не менее заметен след местных нотаблей в социальной истории. Их активность способствовала уходу с политической арены представителей старой военно-служилой знати. Через такой канал, как аянство, в правящую верхушку империи проникли новые элементы из различных слоев мусульманского общества.

Об этом свидетельствует значительное увеличение должностных лиц с титулами «челеби», «ходжа», «ага»[39]. По поводу последнего французский военный и политический деятель барон де Тотт, проводивший в XVIII в. один из первых опытов с введением европейского образования в Османской империи, писал: «Этот титул дается всем богатым людям, не имеющим должности, а особенно богатым землевладельцам»[40]. С переменами в составе правящего слоя связано и распространение новой системы ценностей, отмеченной возросшим значением богатства и собственнических прав на землю, а также групповых связей. В складывавшейся новой иерархии власти ведущее место занял «выскочка, жадный до денег».

Более противоречивым было влияние аянов на экономическую жизнь. Исследователи отмечают связь между развитием аянства и распространением системы «чифтликов» — наследственных феодальных владений, создаваемых в результате захвата крестьянских и присвоения государственных земель и обрабатываемых с помощью поденщиков и издольщиков[41]. Принадлежавшие аянам поместья зачастую были центрами разведения технических культур — хлопка, табака, а также производства шерсти и пшеницы для экспортной торговли. Не случайно и то, что наиболее широко владения местных нотаблей распространились вдоль приморских долин и внутренних речных и караванных путей, т. е. в районах, наиболее тесно связанных с внешней торговлей, вывозом сельскохозяйственного сырья в страны Европы[42].

Вместе с тем нельзя не видеть, что чифтликийская система не получила достаточного развития даже в наиболее развитых районах империи, ибо аяны предпочитали эксплуатировать крестьян за счет увеличения размеров уже существовавших сборов и введения новых налогов и повинностей, взимания рыночных и таможенных пошлин[43]. Основная часть полученных доходов использовалась ими непроизводительно — на подкуп властей, борьбу с соперниками, покупку предметов роскоши.

Еще одно обстоятельство должно быть отмечено при оценке аянства. Османское общество отличалось гетерогенностью своего состава. Под властью султанов оказалось объединено около 60 крупных этнических групп, представителей трех мировых религий, народности и племенные союзы, находившиеся на разных стадиях социально-экономического и политического прогресса. Было бы ошибочным не видеть значительной вариантности развития в соответствии с конкретными условиями отдельных районов. Вместе с тем исследования последних лет показывают, что возникновение аянов как социальной категории в рамках господствующего класса было общим моментом развития османского общества в XVII—XVIII вв. В каждом районе аяны имели свои специфические черты, по-разному склады-

вались их взаимоотношения с центральной властью, неодинаковы были и результаты деятельности этих нотаблей. Однако тенденция к укреплению позиций и влияния местных лидеров, выражавших интересы, весьма отличные от интересов представителей правящей верхушки в Стамбуле, прослеживалась на Балканах, в Малой Азии, в Магрибе и Машрике. В исторической перспективе эта тенденция, видимо, связана с развитием местной культуры и зарождением национального самосознания.

[1] Историографию вопроса об аянах см.: Uzunçarsılı İ. H. Ayan.—İslâm Ansiklopedisi. Cilt 2. İstanbul, 1942, с. 41—42; Bowen H. A'āyn.—The Encyclopaedia of Islam, 2 ed. (далее—EI$_2$). T. 1. Leiden, 1958, с. 778; Sućeska A. Ajani. Sarajevo, 1964; Hourani A. Ottoman Reform and the Politics of Notables.—Beginnings of Modernization in the Middle East. The Nineteenth Century. Chicago, 1968, с. 41—64.

[2] Подробнее об этом см.: Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы эволюции феодального землевладения в Османской империи (вторая половина XVII— начало XVIII вв.)—Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока. Сборник трудов МГПИ им. В .И. Ленина. М., 1975, с. 116—144; Мейер М. С. К периодизации истории Турции эпохи феодализма.—Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с. 75—87.

[3] Турецкий историк X. Иналджик отмечает, что самая ранняя петиция, направленная аянами султану и сохранившаяся в столичных архивах, датируется 1587 г. (996 г. х.).—Inalcik H. Centralization and Decentralization in Ottoman Administration.—Studies in Eighteenth Century Islamic History. L., 1977, с. 44.

[4] Мейер М. С. К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в.— Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 55—59.

[5] Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 43.

[6] См., в частности, кадийские реестры Битола (Монастыра), частично опубликованные А. Матковским: Турски извори за ајдутството и арамиството во Македонија. Т. 1—5. Скопје, 1963—1980.

[7] Владельцы маликяне были связаны лишь одним условием — выплатой определенного задатка (муаджеле) в размере двух-восьмигодовой цены откупа и ежегодных взносов, равнявшихся части или всей стоимости годового дохода с данного имущества. Взамен они получали правовой и налоговый иммунитет, могли уступить маликяне третьим лицам как в форме субаренды, так и в форме полного отчуждения. Государство могло передавать этот объект (мукатаа) другому лицу после смерти владельца маликяне или в случае невыполнения им своих обязательств.

Подробнее см.: Genç M. A Comparative Study of the Life-term Tax Farming Data and Volume of Commercial and Industrial Activities in the Ottoman Empire During the Second Half of the 18-th Century.—La Revolution industrielle sur le Sud-Est europeen—XIX s. Sofia, [1976], с. 245—247.

[8] Так, аяны из семьи Караосманоглу получили в качестве маликяне доходы со всего санджака Сарухан (Uluçay Ç. 18 ve 19 yüzyıllarda Saruhan'da eşkiyalık ve halk hareketleri. İstanbul, 1955, с. 10—11).

[9] Цит. по: Belin F. A. Essais sur l'histoire économique de la Turquie. P., 1865, с. 201. Эльхадж Мехмед-эфенди, иначе Баккалзаде Сары Мехмед-паша (1654—1720), на протяжении 1702—1717 гг. неоднократно занимал пост главного дефтердара империи. Он известен и как автор трактата «Советы везирам и правителям», опубликованного У. Райтом: Ottoman Statecraft. The Book of Councel for Vezirs and Governors by Sari Mehmed Pasa, Defterdar. Princeton, 1935.

[10] Aktepe M. Patrona isyânı (1730). İstanbul, 1958, с. 4—5. В 1730 г.

султан Махмуд I (1730—1754), возведенный на престол в результате восстания стамбульских низов под руководством Патрона Халила, по требованию последнего упразднил систему маликяне, но спустя некоторое время она была вновь восстановлена.

[11] Özkaya Y. XVIII yüzyılın ilk yarısında yerli ailelerin ayanlıkları ele geçirişleri ve büyük hanedanlıkların kuruluşu.— «Belleten». Ankara, 1978, cilt 42, № 168, с. 668.

[12] Skiotis D. From Bandit to Pasha: First Steps in the Rise to Power of Ali of Tepelen, 1750—1784.—«International Journal of Middle East Studies». L., 1971, vol. 2, № 3, с. 220—221.

[13] Цит. по: Veinstein G. «Ayan» de la région d'Izmir et commerce du Levant (deuxième moitié du XVIII siècle).— «Etudes balkaniques». Sofia, 1976, № 3, с. 74—75.

[14] О нем подробнее см.: Cohen A. Palestine in the 18-th Century. Patterns og Government and Administration. Jerusalem, 1973.

[15] Дефеодализация нижних категорий сипахи в XVII—XVIII вв. может рассматриваться как свидетельство подобного процесса. Об этом см.: Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы..., с. 139—140; Смилянская И. М. Структура и эволюция господствующего класса Ближнего Востока на рубеже нового времени.—«Народы Азии и Африки». М., 1978, № 3, с. 54—66.

[16] Мухассыл — чиновник, отвечавший за сбор государственных налогов в провинции и выполнявший обязанности дефтердара, а в отдельных случаях и функции губернаторов; мютеселлим — чиновник, замещавший правителя области (санджака), в его функции входил сбор налогов и решение других административных вопросов; воевода — управляющий различными видами служебных пожалований (хассов, зеаметов, тимаров, арпалыков и т. п.) от имени их владельцев, помощник санджакбея, ведавший вопросами управления на территории отдельных кадилыков; субаши — здесь глава городской полиции; мухтасиб — чиновник, осуществлявший контроль и надзор за городскими рынками и базарами.

[17] Об этом см.: Sućeska A. Promenu u sistemu izvanrednog oporeživanja u Turskoj u XVII vijeku i pojava nameta tekâlif-i şakka.—«Prilozi za orijentalnu filologiju». Sarajevo, 1961, vol. 10—11, с. 76—113.

[18] Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 30. О процедуре назначения и смещения губернаторов в XVIII в. см.: Barbir K. Ottoman Rule in Damascus 1708—1758. Princeton, 1980, с. 22—23.

[19] Опираясь на сообщение турецкого хрониста Кючюк Челебизаде Асыма, Ю. Озкая датирует это событие 1726 г. и отмечает указанную дату как своеобразный рубеж, за которым начинается резкое усиление «власти местной знати над народом» (Y. Özkaya. XVIII yüzyılın ilk yarısında..., с. 674).

[20] Uluçay Ç. 18-ve 19 yüzyıllarında Saruhan'da..., с. 17—19; Orhonlu C. Karaosmanoğlu.—EI$_2$, vol. 4, с. 592—594.

[21] О возникновении аянских династий в Анатолии см.: Özkaya Y. XVII yüzyılın ilk yarısında..., с. 667—712; о том же процессе на Балканах: Sadat D. Ayan ve ağa: the Transformation of the Bektashi Corps in the Eighteenth Century.— «The Muslim World». L., vol. 63, № 3, 1973, с. 206—219; относительно аянов Дамаска: Barbir K. The Ottoman Rule..., с. 86—88.

[22] Heywood C. J. Kara Mahmoud pasha Ishkodralı, Bushatlı.—EI$_2$, vol. 4, с. 584—585. Мутасаррыф — управляющий санджаком.

[23] Özkaya Y. XVIII yüzyılın ilk yarısında..., с. 697—699. Наиб — заместитель кадия, его представитель в данном городке или уезде.

[24] Şkiotis D. From Bandit to Pasha..., с. 240—244. Башбуг дербенджи — глава вспомогательных частей, охранявших дороги и горные переходы в Румелии, которые набирались из местного греческого и албанского населения.

[25] Özkaya Y. XVIII yüzyılın ilk yarısında..., с. 675—701.

[26] О ситуации в арабских провинциях Османской империи см.: Owen R. The Middle East in the World Economy 1800—1914 (Introduction: The Middle East Economy in the Period of the So-called Decline 1500—1800). L.-N. Y.,

1981, с. 10—23; R a f e q A.-K. Economic Relations between Damascus and the Dependent Countryside 1743—71.—The Islamic Middle East 700—1900. Studies in Economic and Social History. Princeton, 1981, с. 653—686.

[27] N a g a t a Y. Muhsin-zade Mehmed paşa ve âyanlık müessesesi. Tokyo, 1976, с. 104—114.

[28] На деле каждый аян должен был поставить в зависимости от своих возможностей от 100 до 1000 воинов.

[29] C e z a r Y. Bir âyanın muhallefatı.—«Belleten». Ankara, 1977, cilt 41, № 161, с. 57.

[30] I n a l c i k H. Centralization and Decentralization..., с. 46—47.

[31] Там же.

[32] L a m b t o n A. K. S. Theory and Practice in Medieval Persian Government. L., 1980. Интересные сведения об этом институте были приведены на «Бартольдовских чтениях» 1976 г. Они опубликованы в книге «Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья». М., 1979 (см., в частности, сообщения Г. М. Курпалидиса, К. К. Куция).

[33] I n a l c i k H. Centralization and Decentralization..., с. 46.

[34] В русских документах того времени он назывался «кегая», «кяхья»,

[35] S u ć e s k a A. Ajani, с. 93—94.

[36] Подробнее о роли нотаблей в ближневосточном обществе см.: H o u r a n i A. Ottoman Reform and the Politics..., с. 41—50.

[37] I n a l c i k H. Sened-i ittifak ve Gülhane Hatt-i Hümayunu.— «Belleten». Ankara, 1964, cilt 28, № 83, с. 603—690.

[38] I t s k o w i t z N. Men and Ideas in the Eighteenth Century Ottoman Empire.—Studies in the eighteenth century Islamic history, с. 26.

[39] I n a l c i k H. Centralization and Decentralization..., с. 45—46.

[40] [T o t t d e]. Mémoires du baron de Tott. T. 2. Amsterdam, 1785, с. 144.

[41] S t o j a n o v i c h T. Land and Related Sectors of the Balkan Economy.— «Journal of Economic History». N. Y., 1953, vol. 13, № 4, с. 398—411; С о к о л о с к и М. Чифлигарството — втора етапа на османскиот феудален систем.— «Прилози». Скопjо, 1977, т. 8, № 1, с. 69—88.

[42] S a d a t D. Rumeli âyanları: the Eighteenth Century.— «Journal of Modern History». Chicago, 1972, vol. 44, № 3, с. 346—363.

[43] Ц в е т к о в а Б. Откупната система в Османската империя през XVI—XVIII вв. с оглед на българските земи.—«Известия на Институт за правни науки». София, ч. 11, кн. 2, 1960, с. 195—223; о н а ж е. Les institutions Ottomanes en Europe. Wiesbaden, 1978, с. 78—117; Ö z k a y a Y. XVIII-inci yüzyılda çikarılan adâlet-namelere göre Türkiyenin iç durumu.— «Belleten». Ankara, 1974, cilt 38, № 151, с. 445—491.

А. М. Мусаев

«ДЕСТАРИ САЛИХ ТАРИХИ» — НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ПАТРОНА ХАЛИЛА В 1730 г. В СТАМБУЛЕ

В 1730 г. в Стамбуле произошло одно из наиболее крупных антифеодальных городских выступлений в Османской империи, известное в исторической литературе как восстание Патрона Халила. Уже много лет это восстание привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Довольно обширен и круг источников, посвященных ему. Наибольшее значение для изучения данной темы имеют турецкие источники. Но, к сожалению, сохранилось и дошло до нас сравнительно немного исторических сочинений на турецком языке об этом важном и интересном событии в истории Турции. До недавнего времени исследователи располагали двумя хрониками — «Историей Субхи» [1] и «Историей Абди» [2]. В первой хронике, составленной официальным султанским историографом Мехмедом Субхи, который занял этот пост в 1739 г., восстание Патрона Халила описано на базе хроник, оставленных его предшественниками-летописцами. М. Субхи основное внимание уделил положению во дворце и борьбе различных придворных группировок за власть. В «Истории Абди», написанной частным лицом, наряду с подробным изложением хода восстания много говорится и о самих восставших.

Существенным и необходимым дополнением к турецким хроникам для исследования истории восстания Патрона Халила являются европейские источники. Донесения дипломатов и записки путешественников-иностранцев содержат большое количество ценных фактов, которые нередко отсутствуют в турецких источниках. Авторы турецких хроник относятся к восстанию враждебно и описывают его тенденциозно, тогда как европейские авторы излагают события в столице Османской империи большей частью беспристрастно, а в некоторых случаях и более подробно. Правда, и зарубежным сообщениям свойственны субъективность, некоторая неточность в цифровых и хроноло-

гических данных, искажение турецких имен и т. д. Разумеется, факты, почерпнутые из этих источников, требуют к себе критического отношения.

Из европейских сочинений необходимо прежде всего отметить книгу анонимного автора «Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V», изданную в 1737 г. в Гааге на французском языке [3]. Книга эта была написана, как отмечал ее издатель, на основании донесений из Стамбула. «В «Известиях...» много ценных сведений о ходе восстания, об отношении различных слоев населения к событиям в столице. Позднее появились сочинения Крузенака [4], Дж. Монтегю [5] и Ш. Перри [6], в которых рассказ о восстании Патрона Халила занимает значительное место.

Большой материал о событиях в османской столице имеется в официальной дипломатической переписке — в донесениях своим правительствам иностранных послов и резидентов, проживавших в тот период в Стамбуле: русского резидента И. И. Неплюева, австрийского — Тальмана, французского посла — маркиза де Вильнёва, венецианского — Анджело Эмо и английского — Кинноулла, которые были опубликованы либо целиком [7], либо частично, в виде выдержек, в трудах И. Хаммера [8], А. Вандаля [9], М. Шэй [10] и Р. Олсона [11]. Следует отметить, что из посольских материалов наибольший интерес для исследователя представляют сообщения русского резидента И. И. Неплюева, так как в них уделено значительное внимание анализу причин восстания, много говорится об участии в восстании простых людей.

Основываясь на перечисленных выше источниках, советский ученый М. С. Мейер в статье «Восстание городских низов Стамбула в 1730 г.» [12] дал детальный анализ восстания под руководством Патрона Халила, уделив при этом значительное внимание историографии вопроса. В своей работе он показал, что причины восстания коренились в общем ухудшении положения населения турецкого города, в особенности его торгово-ремесленных слоев, из-за непрекращавшихся войн, упадка сельского хозяйства и усиления налогового гнета, что основной движущей силой восстания были городские низы Стамбула — ремесленники, мелкие торговцы, а также так называемые «вновь записанные» янычары, тесно связанные с народом.

Одним из ценных источников по истории восстания Патрона Халила, который стал известен сравнительно недавно, является «История Дестари Салиха». В научный оборот этот источник был введен турецким историком Б. С. Байкалом. В ноябре 1948 г. он выступил на IV Турецком историческом конгрессе с докладом «Относительно источников по восстанию Патрона Халила» [13], в котором, перечислив первоисточники по восстанию

на турецком и западноевропейских языках, лишь подчеркнул важность хроники Дестари Салиха для исследователей, не касаясь ее сути. М. Актепе в своем исследовании «Восстание Патроны» [14] едва прикоснулся к этому источнику.

В 1962 г. Б. С. Байкал опубликовал текст хроники параллельно в латинской и арабской графике, снабдив его предисловием (стр. III—XII) и указателем имен (стр. 49—51) [15]. Он совершенно не анализировал источник. В предисловии Б. С. Байкал изложил основные положения доклада, сделанного им на коллоквиуме на историческом отделении факультета языка, истории и географии Анкарского университета в декабре 1953 г. [16]. Представляется интересным привести суждения Б. С. Байкала, которые претерпели значительную эволюцию по сравнению с его утверждениями, выдвинутыми в 1948 г. на IV Турецком историческом конгрессе. Тогда он характеризовал восстание Патрона Халила как «реакционный бунт» стамбульской черни, инспирированный духовенством и направленный против вестернизации Турции. А в предисловии к тексту хроники Б. С. Байкал пишет, что на причинах восстания историки до сих пор должным образом не останавливались. Обычно указывают, отмечает он, на расточительность великого везира Ибрахим-паши, на неудачи турецких войск в Иране и непринятие должных мер против шиитов. Однако, продолжает Б. Байкал, углубленный анализ показывает, что в основе восстания лежат глубокие социально-экономические и политические факторы, а именно: 1) увеличение податей на города; 2) фальсификация монеты; 3) военные налоги, введенные накануне иранского похода; 4) трудности цеховых организаций в столице, вызванные большим притоком ремесленников из Анатолии и Румелии; 5) массовое бегство крестьян в города, часть которых оказалась в столице и увеличила число недовольных; 6) военные неудачи в Иране; 7) роскошь дворцов, траты казны на различные увеселения; 8) политическая борьба за власть между высшими сановниками, как светскими, так и духовными.

Б. С. Байкал считает, что восстание прошло через три этапа: 1) слабость и нерешительность восставших, когда инициатива находилась в руках султанского правительства и его твердые и решительные действия могли задушить восстание; 2) обострение, когда произошло расширение социальной базы восстания и инициатива перешла в руки восставших и им удалось добиться казни великого везира и других высших сановников; 3) свержение султана Ахмеда III (1703—1730) и господство восставших в столице в течение двух месяцев при новом султане Махмуде I (1730—1754). Однако, как и раньше, турецкий ученый придерживается мнения, что подлинными руководителями восстания были представители высшего духовенства.

В советской исторической литературе впервые об «Истории

Дестари Салиха» лишь однажды упомянул М. С. Мейер [17]. В то время, когда он занимался изучением восстания Патрона Халила, рукопись источника не была еще опубликована. Таким образом, и по настоящее время этот источник продолжает оставаться неизвестным и не использованным в отечественной историографии.

К сожалению, биография автора хроники — Дестари Салих-эфенди нам неизвестна [18]. Из текста источника удается лишь установить, что Салих-эфенди был близок к правящим кругам Османской империи и во время восстания Патрона Халила находился в султанском дворце, где он, очевидно, и написал свое сочинение в виде черновых записей. Судя по сведениям, которые приводятся в начале хроники, Салахэддин Салахи-эфенди [19] собрал разрозненные записи Дестари Салих-эфенди, обработал их и переписал набело. По словам Б. С. Байкала, в Национальной библиотеке Стамбула сохранились два рукописных экземпляра истории, написанной Дестари Салихом и обработанной Салахэддином Салахи [20].

В тексте, которым мы располагаем, немало орфографических и стилистических ошибок. Сочинение не отличается композиционной стройностью, и повествование в нем ведется так называемым «изящным» стилем, для которого характерны длинные и трудные для понимания предложения в форме рифмованной прозы. Написан источник на «османском языке» (османлыджа). Язык этот, «на котором веками творили турецкие придворные поэты, писались хроники, религиозные и научные трактаты, законы и договоры, на три четверти и более состоял из арабских и персидских слов и был отягощен арабскими и персидскими грамматическими конструкциями. Нарочитая сложность стиля и вычурность образов этого языка по сравнению с разговорным языком простого турка (тюркче) делала его чужим и непонятным для народа. В понимании считавшихся шедевром фраз из 200—300 слов нередко затруднялись и весьма искушенные в канцелярском творчестве чиновники» [21].

В хронике очень часто, почти на каждой странице, приводятся изречения из Корана, упоминаются имена библейского царя Соломона и его мудрого везира Асафа, встречаются ссылки на древнегреческого философа-идеалиста Платона, что свидетельствует о том, что Дестари Салих-эфенди был высокообразованным человеком для своего времени. Кроме того, в сочинении приводятся, главным образом для подкрепления суждений автора, бейты (двустишие, стих), мысра (стихотворная строка — половина бейта) и кы'та (небольшое стихотворение из двух или более стихов с нерифмующимся первым стихом). Эти стихотворения, несмотря на то что они не имеют большой ценности как поэтические произведения, все же заслуживают внимания как одно из средств для понимания описываемых событий.

Значение этого сочинения как исторического источника очень велико. Главная особенность «Истории Дестари Салиха» как источника по восстанию Патрона Халила, выделяющая его среди других источников по этому вопросу, заключается в том, что она написана очевидцем описываемых им событий, хорошо знавшего жизнь султанского двора в тот сложный период. Кроме того, и Салахэддин Салахи-эфенди, переписчик хроники, также находился в то время среди приближенных султана. Естественно, в сочинении при описании восстания упор сделан на событиях, происходивших во дворце, на действиях высших государственных сановников. Тогда как в «Истории Абди», написанной человеком, не входившим в окружение султана и находившимся в то время «на улице», более подробно изложен ход восстания Патрона Халила и значительное внимание уделено самим повстанцам. Если принимать во внимание эти обстоятельства, то два указанных источника удачно дополняют друг друга. Критическое сравнение и изучение обоих текстов позволит создать более полную и всестороннюю картину восстания в 1730 г. в Стамбуле.

«Историю Дестари Салиха» можно условно разделить на четыре самостоятельные части соответственно четырем основным вопросам, которые в ней рассматриваются:

1) ирано-турецкая война, которая началась в 1725 г. и продолжалась с перерывами до 1736 г., когда был заключен мирный договор. В источнике рассказывается о военных действиях между Ираном и Турцией до 1732 г.;

2) восстание Патрона Халила в Стамбуле в 1730 г.;

3) восстание в Стамбуле в марте 1731 г.;

4) восстание в Стамбуле в сентябре 1731 г.

В первой части хроники Дестари Салиха рассказывается о военных действиях между Ираном и Османской империей в 1725—1730 гг. (стр. 2—7) [22]. После краткого упоминания о победах и территориальных приобретениях турок в начальный период этой войны Салих-эфенди довольно подробно описывает подготовку военного похода 1730 г. в ответ на ультимативное требование иранского шаха возвратить захваченные города и крепости.

Наиболее значительной и ценной для исследователя является вторая часть сочинения Дестари Салих-эфенди, в которой описываются события, связанные с восстанием Патрона Халила (стр. 7—32). Если в начале своей истории Дестари Салих излагает события в краткой, летописной форме, то последующие его сообщения становятся более подробными. Данные «Истории Дестари Салиха» помогают решить ряд вопросов, в частности: начало восстания и его разрастание; социальный состав руководителей и участников этого движения; деятельность восставших в городе в течение почти двух месяцев (с 28 сен-

тября по 26 ноября 1730 г.) и их взаимоотношения с султанским двором; требования, выдвигавшиеся и реализованные ими в ходе восстания: смещение и казнь великого везира Дамада Ибрахим-паши и других крупных сановников, ссылка шейх-уль-ислама, низложение султана Ахмеда III и возведение на престол Махмуда I, утверждение новым султаном всех назначений, произведенных восставшими, и, наконец, упразднение нововведенных налогов; зверская расправа султанских властей с руководителями восстания и жестокое подавление самого восстания. Сообщения Дестари Салих-эфенди в этой части имеют как самостоятельное значение, так и служат прекрасным дополнением к материалам других источников; значимость второго раздела увеличивается также благодаря почти всегда точной хронологии.

Отдавая должное содержанию этой части, все же отметим, что автор уделил здесь меньше внимания восставшим, чем султанскому двору.

Концепция автора хроники состоит в том, что восстание было организовано одним из представителей высшего духовенства (улемов), Зуляли Хасан-эфенди, и албанцами, которые проживали в то время в столице Османской империи. Зуляли, албанец по происхождению, в декабре 1728 г. был назначен кадием (судьей) Стамбула. В период его нахождения на этом посту в столице ощущалась острая нехватка хлеба и других продуктов питания. Дестари Салих пишет, что «голод и дороговизна стали символом его правления на этом посту... При изучении причин такого положения выяснилось, что виноват во всем кадий Стамбула. Он тотчас же был смещен. И вновь, как и раньше, стало вдоволь хлеба и соли. Тогда же, в указанное время, он, обиженный преждевременным смещением, прибегнул к хитрости и коварству, сделал своими приверженцами множество смутьянов из числа разбойников-безбожников и стал причиной этого мятежа» (стр. 9). Но автор сочинения тем самым как бы противоречит самому себе, так как он, буквально перед этим утверждением, писал о руководящей роли в восстании мелких торговцев и рядовых янычар из числа албанцев. В частности, он пишет: «...в Стамбуле банда погрязших в распутстве дерзких голодранцев и толпа гнусных разносчиков и перекупщиков, сговорившись с шайкой нечестивых албанцев... подняли мятеж... А во главе всех этих разбойников и грабителей (насильников) стоял злодей по имени Патрона Халил. Другие руководители же — Эмир Али и Муслу, и Тоска, и Кючюк Мехмет, и Налкыран, и Гявур Хаджи, и другие им подобные» (стр. 7).

Без преувеличения можно сказать, что «История Дестари Салиха» дает исследователю наиболее полную и достоверную по сравнению с другими дошедшими до нашего времени источниками картину подготовки и осуществления расправы над вос-

ставшими. Говоря о классовой борьбе, нельзя забывать о том, что она идет обоюдоостро. И события, развернувшиеся в Стамбуле в октябре — ноябре 1730 г., доказывают это весьма убедительно. Новый султан Махмуд I, получивший престол «из рук» восставших, и его окружение мобилизовали на борьбу с народным движением значительные силы, и вся их деятельность в освещении Дестари Салиха-эфенди свидетельствует о том, что они были страшно напуганы народным выступлением, что оно представлялось им очень опасным. Султанское правительство в борьбе с восстанием использовало не только военные силы, но и дипломатию, сыграло на неопытности, ошибках и доверчивости восставших.

Как сообщает автор хроники, Махмуд I сразу же после своего восшествия на трон отправился в Соукчешме на совет улемов и везиров, на котором было принято решение истребить восставших наиболее надежным и простейшим путем (стр. 21):

Мобилизуя тайком против восставших крупные военные силы, султан и его правительство одновременно воздействовали на них изнутри, точно рассчитав, на какие силы в лагере повстанцев можно опереться. Восставшим пришлось иметь дело не столько с более сильным, сколько с более хитрым и более опытным врагом, что во много раз усложнило их положение и ослабило их силы. Был разработан план заговора с целью убийства руководителей восстания во главе с Патрона Халилом. 25 ноября 1730 г. заговорщики заманили их обманным путем в султанский дворец и, как сообщает Дестари Салих-эфенди, всех перебили. По его сведениям, в тот день было убито 27 человек (стр. 32).

Значительный интерес для исследователя представляет третья часть «Истории Дестари Салиха», посвященная мартовскому восстанию в Стамбуле в 1731 г. (стр. 35—42). Восстание, как сообщает автор хроники, было тщательно подготовлено, и в нем приняли участие многие сторонники Патрона Халила. Оно началось рано утром 24 марта на Эт-мейданы (Мясной площади), где вначале собралась небольшая группа заговорщиков. Но ряды восставших стали быстро расти. «В один миг,— пишет Дестари Салих-эфенди,— численность войска упрямцев-развратников достигла трехсот человек. Со всех сторон к ним продолжали стекаться все новые и новые люди, и вскоре на площади насчитывалось уже десять тысяч разбойников» (стр. 36). Во главе восстания стоял простой янычар Деври Джан. В султанском дворце, судя по материалам Дестари Салих-эфенди, восстание вызвало глубокую панику и растерянность. Однако пассивность восставших привела к их поражению. Султанский двор, оправившись от страха и замешательства, мобилизовал большие военные силы и разгромил восставших.

Рассказывая о третьем восстании в Стамбуле в сентябре 1731 г., автор хроники с радостью отмечает, что заговорщикам не удалось осуществить тщательно разработанный план единовременного выступления, которое было намечено на утро 3 сентября. Заговорщиков выдал предатель, в течение трех месяцев находившийся среди них. Несмотря на героизм восставших, восстание было жестоко подавлено в самом его начале (стр. 43—44).

Весь этот обширный материал, содержащий интересные исторические сведения, далеко не равноценен в литературном отношении: наряду с яркими страницами, посвященными, например, описанию султанского дворца, придворных празднеств и обрядов, в нем можно встретить сухие, почти протокольные записи маршрутов поездок султана Махмуда I, приемов, которые он устраивал, перечисление всех назначений и т. д.

Скупая деловитость изложения и пристрастие к дотошной пунктуальности при показе дворцовой жизни в этот сложный для Османской империи период заставляют исследователя в той или иной мере поверить в историческую достоверность повествования Дестари Салих-эфенди. Многие сведения, которые приводятся у Салих-эфенди, подтверждаются сообщениями русского резидента И. И. Неплюева, «Известиями...» и «Историей Абди», что увеличивает ценность хроники как источника для изучения восстаний в Стамбуле в 1730—1731 гг.

Необходимо отметить, что классовая принадлежность и политические симпатии автора проявились в его труде вполне отчетливо.

Описываемое Дестари Салихом время было временем резкого обострения социальных противоречий в Османской империи. Содержание пышного султанского двора, огромного феодально-бюрократического аппарата власти, внушительных вооруженных сил, проведение непрерывных войн и т. д. тяжким бременем ложились на плечи народных масс и обостряли противоречия между господствующим классом и народом. Острота этих противоречий, а также другие причины внутреннего и внешнего характера объясняют упадок Османской империи в XVII—XVIII вв. Конечно, напрасно было бы искать эти симптомы упадка империи в «Истории Дестари Салиха». Автора сочинения как представителя господствующего класса мало интересовало положение народных масс Турции как в городах, так и в сельской местности. Умалчивает он и о формах феодальной эксплуатации. Лишь однажды, в самом начале своего сочинения, он вынужден признать, что население «жаловалось на беззакония и грабежи... а некоторая его часть была охвачена смутой» (стр. 3). В остальных же случаях автор старается изобразить представителей правящего класса как благодетелей, заботящихся о счастье и мире всего населения империи.

Главное внимание в своем труде Дестари Салих-эфенди уделяет султану и его ближайшему окружению. Автор хроники относится откровенно враждебно к описываемым им восстаниям. Участников народных выступлений в столице он по примеру других феодальных хронистов именует обычно «разбойники», «мятежники», «бунтовщики», «насильники», «голодранцы» и т. д. С помощью подобных «обвинений» в адрес восставших, которые приводятся на каждой странице источника, автор сознательно стремился заслонить и принизить истинный смысл и характер описываемых им народных выступлений.

Политические симпатии автора также наложили яркий отпечаток на его сочинение. «История Дестари Салиха» носит явно панегирический характер по отношению к правящим кругам: султанам, улемам, везирам и др. Имя султана Махмуда I, например, неизменно сопровождается различными хвалебными эпитетами, вроде «победоносный», «могущественный», «величественный», «покровитель мира» и т. д. А Гюрджю Халил-ага, один из янычарских офицеров, который особо отличился во время подавления восстания Патрона Халила, наделяется Дестари Салихом почетным прозвищем «сахиб-кыран» («обладатель счастливого сочетания звезд»).

Не менее тенденциозен автор хроники и при изображении внешнеполитических врагов Османской империи. Так, например, при описании сражений между турецкими и иранскими войсками он называет иранцев «нечестивцами», «безбожниками» и «еретиками».

Все эти моменты следует учитывать при использовании «Истории Дестари Салиха». Только тщательный критический анализ, а где возможно, и сопоставление со сведениями других источников могут сделать материалы этой хроники полезными при исследовании истории восстаний 1730—1731 гг. в Стамбуле.

Ниже приводится перевод источника «Истории Дестари Салиха» («Destârî Salih tarihi», Patrona Halil ayaklanmesı hakkında bir kaynak. Yayımlayan Prof. B. S. Baykal. Ankara, 1962), в котором произведены некоторые сокращения за счет не относящихся к теме авторских отступлений и повторов.

(«История Дестари Салиха». Источник о восстании Патрона Халила. Издан Б. С. Байкалом)

...Эта история под названием «Вака-и Ибретнюма» — «Назидательное событие» была записана одним из султанских дестаров (тюрбанщиков), человеком просвещенным, достигшим высот знаний, ученым и искусным сановником, Дестари Салих-эфенди. Но в связи с тем что она была написана им в форме разрозненных черновых записей и нуждалась в переписке набело, то этот презренный, т. е. Салахи, приступил к ее переписке.

...В счастливые времена царствования султана Ахмеда III,

после достижения многочисленных и славных побед, был предпринят поход для завоевания государства Иран. Но занимавший в то время пост великого везира Кайсериели Ибрахим-паша (Невшехирли Дамад Ибрахим-паша) предпочел ради развлечения остаться в Стамбуле и не отправился на войну с Ираном. А пребывавшие на той стороне славные паши с помощью воинов ислама и при содействии аллаха в сражениях и битвах с кызылбашами (красноголовыми, шиитами) одержали великие победы и захватили Реван, Хамадан, Тебриз, Гендже, Исфахан, Хой и Хорасан.

Тебриз и Нехавенд, Хамадан, Гендже и Реван
отвоевал у Ирана Ахмед-султан.

Введенный в заблуждение оставшимся в Обители Счастья везиром Ибрахим-пашой, который предавался лишь своим развлечениям и совершенно погряз в различных преступлениях, падишах, покоритель мира, не был милосердным и заботливым по отношению к рабам аллаха. Население жаловалось на беззакония и грабежи, чинимые войсками, проходящими через эялет Анатолия государства Туран, а некоторая его часть была охвачена смутой. Когда об этом стало известно могущественному повелителю, то сражениям и битвам был дан короткий перерыв.

В это время произошла смена персидского шаха. И когда от кызылбашей в султанский дворец в Стамбуле прибыл посол Тахмасп-шаха (Намдар Мехмед Хан) и попросил принять его, то он узнал, что султан отправился в Бешикташ на отдых. Султан наслаждался отдыхом, когда ему вручили грамоту кызылбашей. Смысл этой грамоты сводился к следующему: «Требуем возвратить захваченные (вами) крепости. Если будет проявлено колебание, то мы начнем с вами войну».

Сразу же был созван совет улемов, везиров, пашей, янычарских командиров и других именитых людей. Все эти люди находились при султане. Они также отдыхали и развлекались на берегу моря. На совете было принято решение отправиться в поход против кызылбашей, чтобы окружить и разгромить их.

В 1143 г. на второй день месяца мухаррем (17 июля 1730 г.) султан вновь переехал в Стамбул и издал высочайший указ, в котором повелевалось спешно произвести необходимые военные приготовления, чтобы в течение недели быть готовым к походу. Везиры, численность которых в то время составляла семь человек, проявив большое старание и расторопность, сделали все необходимые приготовления меньше чем за неделю и объявили, что войско готово к походу. На одиннадцатый день указанного выше месяца, в четверг (27 июля 1730 г.), в соответствии с прекрасными древними законами воины совершили необходимые молитвы и, развернув два султанских знамени, отправились в Ускюдар, где был основан штаб войска. Спустя три дня

туда пришел бей Чирмена и установил шатер для повелителя страны. На восемнадцатый день названного выше месяца, в четверг (3 августа 1730 г.), все дворцовые аги, облачившись в доспехи и взяв в руки оружие, также приготовились к походу.

Мы видели множество влюбленных,
В шлемах из скорби и кольчугах из ран сердечных.

Таким образом, было объявлено о намерении вести священную войну против персов...

Как уже говорилось выше, штаб армии решено было основать в Ускюдаре. Здесь же по высочайшему приказу был установлен шатер султана. Вскоре сюда, в Ускюдар, прибыл и сам повелитель. Все теперь стали дожидаться слуг правителя, посланных в сторону Ирана для выяснения обстановки.

Но как раз в это время среди населения стали ходить многочисленные, лишенные всякого смысла слухи. О них вскоре стало известно повелителю. И опечаленный падишах велел разузнать правду о речах, имеющих хождение среди народа. Однако не нашелся кто-либо, который осмелился бы сообщить повелителю правду об этих речах.

И в это время, когда создалось такое положение, в резиденцию падишаха от мужественного и достойного уважения вали Багдада Ахмед-паши прибыл гонец, храбрый и верный Тимур-паша, с известием о начале военных действий со стороны Ирана.

На двадцать четвертый день месяца сафар, в четверг (8 сентября 1730 г.), его величество падишах, покровитель мира, созвал на совет везиров, улемов и других, сведущих в государственных делах высокочтимых лиц. На этом совете, после довольно длительного обсуждения вопроса о походе против Ирана, было принято решение, утвержденное падишахом: великому везиру Ибрахим-паше надлежало во главе войска отправиться в поход против шаха. А сам падишах должен был возвратиться в свою резиденцию в столице.

Бывает, что и вода спит,
Но не спит никогда враг.

И когда Ибрахим-паша в соответствии с принятым решением собирался уже выступить в поход, в Стамбуле банда погрязших в распутстве дерзких голодранцев и толпа гнусных разносчиков и перекупщиков, сговорившись с шайкой нечестивых арнаутов, пожираемые огнем безрассудства, заронили среди народа искры разбоя и предательски подняли мятеж.

А когда начался ужасный бунт, они закрыли ворота Бедестана и шорных мастерских, а также все лавки торговцев и ремесленников. А во главе всех этих разбойников и грабителей (насильников) стоял злодей по имени Патрона Халил. Дру-

гие руководители же — Эмир Али, и Муслу, и Тоска, и Кючюк Мехмет, и Налкыран, и Гявур Хаджи, и другие им подобные. Из своей среды они выбрали агой янычарского корпуса Нишли Мехмед-агу; а Кылыдж Хасан-агу они назначили на пост джебеджибаши (начальника корпуса латников).

Для того чтобы бунт не угас, разбойники Чинар Ахмед и Узун Мехмед всю ночь напролет стояли, подобно дурной крови, на Мясной площади с кровавым мечом мятежа в руках, собирая вокруг подобных себе друзей и товарищей из породы насильников и тревожа своим безрассудством окрестное население.

Когда об этом событии стало известно находившемуся в то время в столице дворцовому аге Мустафа-аге, который ведал охраной Баб-и хумаюн (главных ворот султанского дворца), то он, убедившись, что греховодные разбойники собираются напасть на дворец повелителя, приказал закрыть все ворота и поставить усиленную охрану. Убитый горем, он скорбно известил о создавшемся положении силяхдара (султанского оруженосца) Бекир-агу, а тот же, в свою очередь, оповестил об этом главу черных евнухов Бешир-агу, говоря: «Интересно было бы знать, как мы сообщим это известие нашему повелителю», а известный Ибрахим-паша боялся поставить в известность о случившемся падишаха, что еще больше осложнило ситуацию. Лишь вечером, после полуденной молитвы, упомянутый выше паша отважился все сообщить падишаху.

Сразу же был издан хатт-и хумаюн (султанский рескрипт), повелевавший всем улемам и везирам собраться во дворце в Ускюдаре. Силяхдару был направлен высочайший указ о том, чтобы немедленно собрать как можно быстрее аг султанского дворца и с ними, взяв из дворца умножающее славу знамя пророка и незапятнанный священный плащ пророка, прибыть в Ускюдар — в резиденцию повелителя.

Когда в соответствии с приказом падишаха все собрались на совет, было дано высочайшее позволение присутствовать на нем на равных условиях рядом с повелителем и дворцовым агам. Они окружили султана и, выразив ему свое сожаление по поводу происшедшего и заверив его в своей решимости противостоять разбойникам, объявили о своем намерении немедленно на кораблях отправиться в Стамбул, явиться там в величественный дворец и принять все необходимые меры по охране и защите священного знамени и плаща пророка, султанского гарема и казны. Дворцовые аги обещали навести к утру порядок в столице и таким образом развеять все печали падишаха. Падишах стал уповать на удачу следующего утра.

А все улемы и везиры, собравшиеся на совет, обсудили вопрос о подавлении выступления (мятежа) разбойников и пришли к заключению, что для начала наиболее уместно и необ-

ходимо тщательно изучить требования упомянутых разбойников. Хасеки-аге (начальнику дворцовой охраны) было приказано отправиться к разбойникам и узнать их требования.

С помощью ложных и коварных действий бывшего ранее кадием Стамбула Зуляли, вождя шайки своенравных албанцев, главного виновника возникновения моря бунтов и мятежей, незаконные поступки и распутство невежественных разбойников выглядели как соответствующие законам истинной религии — ислама и не пятнающими его чистоту. Однако все это не имело под собой основы, подобно зданию, воздвигнутому на воде. Причины возникновения этих событий рассказали так: еще до начала этого мятежа (инцидента) вышеупомянутый Зуляли, ввиду того что он принадлежал к корпорации улемов, был назначен на пост кадия Стамбула, его действия на посту кадия привели к тому, что в каза Стамбул исчез, бывший до этого в изобилии, благословенный хлеб. Голод и дороговизна стали символом его правления на этом посту.

В эпоху Зуляли не хватало хлеба,
Но если ты хотел испить воды —
она была бесплатной.

В связи с нехваткой хлеба было начато расследование. При изучении причин такого положения выяснилось, что виноват во всем кадий Стамбула. Он тотчас же был смещен. И вновь, как и раньше, стало вдоволь хлеба и соли. Тогда же, в указанное время, он, обиженный преждевременным смещением, прибегнул к хитрости и коварству, сделал своими приверженцами множество смутьянов из числа разбойников-безбожников и стал причиной этого мятежа.

Когда посланный правителем хасеки-ага прибыл в Стамбул и обратился к бунтовщикам с расспросами, чтобы узнать их требования, то они, заявив ему, что выступают в соответствии с истинной религией — исламом и добиваются соблюдения непоколебимых законов шариата, потребовали казни Ибрахим-паши, изменника религии и государства и врага правоверных мусульман. Тем самым они дали ему ответ, которому их научил Зуляли (который указал им Зуляли).

Вышеупомянутый паша (Дамад Ибрахим-паша) же узнал от своего лазутчика, чего добиваются мятежники. Пытаясь спасти свою жизнь, он скрыл их требование от султана и, встав на путь хитрости и коварства, стал говорить: «Мой величественный падишах (повелитель)! В настоящее время Ваши городские слуги и прочие люди оджаков (корпуса янычар) и все мусульмане жалуются на мятеж этих нескольких насильников и требуют высочайшего разрешения моего господина и фетвы, чтобы истребить этих нескольких разбойников и избавить общину Мухаммеда от их беззаконий. Так как они являются тол-

пой бунтовщиков, которые, оказывая друг другу содействие и имея (своего) главаря, грабят население и попирают великий и священный Коран, то самое неотложное и предпочтительное сейчас — это объявить им священную войну, как безбожникам и нечестивцам». Сказав это, он повернулся к муфтию и стал дожидаться его ответа. Тот же ответил: «Если существо дела таково, то на это нечего сказать. Кровопролитие законно». И как только он сказал это, упомянутый выше паша воскликнул: «Мусульмане, чего вы боитесь! Слава всевышнему аллаху! Как только у нас в руках окажутся священные знамя и плащ пророка и мы получим высочайшее благоволение и поддержку нашего господина, мы тотчас же издадим фетву, выставим знамя главы пророков возле главных ворот дворца султана и через глашатаев призовем под знамя достойных мусульман. Войско из ремесленников, насчитывающее несколько тысяч человек, ич-огланы (пажи султана) моего повелителя, бостанджи (внешняя дворцовая охрана), моя свита и свита других государственных мужей составят огромную силу!»

Когда он так сказал, капудан-паша Мустафа, придя к нему на помощь, с хитростью молвил: «И я могу привести около трех тысяч матросов». Затем, обращаясь к муфтию Мирзазаде-эфенди, он сказал: «О эфенди, пока не вернулся посланный хасеки-ага, (нам) неизвестны требования мятежников и неясно, являются ли все собравшиеся преступниками. Исходя из чего Вы вынесли фетву на сражение». Но тот и слушать его не стал и продолжал заниматься своим делом.

Когда возвратился хасеки-ага и суть дела стала известна, у главных ворот султанского дворца выставили священное знамя пророка и обратились ко всем правоверным с призывом собраться под этим знаменем. Но услышавшие эти призывы люди пришли и, произнеся молитву у священного знамени, ушли. Когда же, потеряв надежду на поддержку со стороны горожан, обратились за помощью к бостанджи и матросам, те ответили: «Мы не можем сражаться с мусульманами». Тогда вышеупомянутый паша сказал: «В таком случае пусть вооружается хотя бы ич-аги (личная свита султана)». Но падишах, покровитель мира, не согласился с этим. После этого, когда все его попытки прибегнуть к хитрости и обману не удались, он застыл, как истукан, от изумления.

...Аджем Бекир, кетхуда (старшина) салфеточников, явился к названному выше паше и заявил ему: «Мой господин, Ваш покорный слуга явился, чтобы сообщить Вам нечто важное». Сказав эти слова, он приблизился к паше и произнес следующую непристойную речь: «Мой господин, если Вы выделите Вашему покорному слуге около шестидесяти кошельков акче, я тотчас же наберу серденгечти (добровольцев)и уничтожу эту толпу разбойников». Паша обрадовался такому хитрому

плану, который совпадал с его целями. Он ответил: «Да, конечно, это подойдет. Но у тебя нет опыта в подобном деле». Сказав так, он отказал Аджему Бекиру и лишил его радужных надежд. Он счел более подходящим для этого дела Дели Омер-агу, который был башчухадаром (главным хранителем султанской мантии) при покойном Шехиде Али-паше, и поручил ему собрать отряды серденгечти.

Еще до того как Омер-ага приступил к своим обязанностям, об этом назначении стало известно руководителям шайки разбойников, они арестовали его и обратились в султанский дворец со следующим требованием: «В настоящее время в наших руках находится ваше доверенное лицо, некто по имени Дели Омер. Если вы отпустите находящегося у вас в плену Аджема Бекира, направленного нами к вам, то мы освободим вышеупомянутого безумца. В противном случае мы образумим этого сумасшедшего». Из этого требования явствовало, что Аджем Бекир является их лазутчиком. Но, увы, что оставалось делать? Если бы не отправили обратно вышеупомянутого, то они разорвали бы на части находившегося в их лагере (стане). Таким образом, они были вынуждены обменять Омера на Бекира. Обескураженные таким ходом событий, улемы и везиры застыли от изумления и были не в состоянии произнести ни одного слова.

Как раз в это время кетхуда (помощник) везира Ибрахим-паши Мехмед и капудан-паша Мустафа, тайком от всех собравшихся на совет, встретились с одабаши (командирами) первой и пятой рот и янычарами-ветеранами. И как будто бы от имени падишаха заявили им: «Наш величественный падишах издал ферман об увеличении жалованья на пять акче и выдаче бакшиша по пятьдесят курушей вашим ода (ротам), если вы удержите в спокойствии ваших воинов». И когда, сказав так, они попытались соблазнить их, то одабаши, поклонившись в знак признательности, ответили: «Право приказывать принадлежит нашему повелителю, но решение воинов таково, что если мы останемся в стороне, то они уничтожат нас». И, дав такой категорический отказ, они ушли. А капудан-паша и кетхуда, потерпев неудачу, впали в смятение и отчаяние.

А когда сверкающее солнце осветило горизонты вселенной и наступило утро, его величество падишах соизволил пожаловать в покровительствуемую небесами столицу (имеется в виду возвращение султана Ахмеда III из Ускюдара в Стамбул 29 сентября 1730 г.).

И вновь вокруг трона царя царей собрались улемы-законоведы и благородные мусульмане и стали обсуждать осложнившееся дело толпы бездельников. Так как Ибрахим-паша не позволил собравшимся сообщить падишаху главное, смертельно

опасное для него требование бунтовщиков, то на совете было решено послать к ним одного-двух улемов, чтобы на месте как следует разузнать их требования. Совет решил, что к бунтовщикам отправится уважаемый Имадзаде-эфенди в сопровождении достойного и великодушного Шейхзаде-эфенди. В результате проведенных с бунтовщиками переговоров улемам стали известны их основные требования. В целях предосторожности мятежники сочли преждевременным требовать выдачи Ибрахим-паши. Вышеупомянутым эфенди они сказали: «Мы требуем кетхуду везира Мехмед-кетхуду и капудана Мустафа-пашу, а также нынешнего муфтия... Если они выдадут тех, кого мы требуем, то мы вновь признаем падишахом нашего падишаха, а Ибрахим-пашу — везиром».

С этим ответом бунтовщиков в султанский дворец были отправлены слуги вышеназванных эфенди. А сами же они были вынуждены под давлением бунтовщиков остаться в их лагере. К тому же, в случае согласия сделать это, разбойники обещали сохранить за ними их высокие посты. Они остались и стали предаваться молитве и посту.

Но разбойникам удалось тайком связаться с Зуляли и передать ему свои требования, отличавшиеся от тех, которые они сообщили совету через слуг этих эфенди. Слуги же, не медля и не робея, с таким видом, как будто бы они едут с подлинным ответом бунтовщиков, перебрались в величественный дворец и вручили его благородному падишаху и вышеуказанному везиру.

Полагая, что эти ложные требования никому не известны, упомянутый везир Ибрахим-паша явился на совет улемов и сказал: «Господа! Сопротивляться им бессмысленно. Выдадим им немедленно тех, кого они требуют. Не будем доставлять ненужные тяготы и лишения общине Мухаммеда». И когда он горестно вымолвил это, то находившийся в это время среди улемов капудан Мустафа-паша спросил: «Кого они требуют?» Вышеупомянутый указал на него и молвил: «Вот, как раз один из них — ты». А затем, уже обращаясь ко всему совету: «Один из них наш кетхуда, а еще один — муфтий». Все перечисленные им были арестованы и переданы бостанджи-баши (начальнику внешней дворцовой охраны). Затем муфтий был под охраной Языджи Мустафа-аги сослан в Бурсу. А Мехмед-кетхуда и капудан Мустафа-паша были приготовлены к казни.

Но вскоре подтвердилось известие, переданное ими Зуляли Хасану: «Мы требуем также Ибрахим-пашу». Зуляли сказал улемам: «До тех пор пока не будет выдан им и Ибрахим-паша, устранение этого мятежа не представляется возможным». Услышав это, вышеупомянутый паша, зная о своем огромном влиянии на падишаха, покровителя мира, попытался вновь пройти к нему, чтобы оказать на него давление. Но Башмак-

чизаде-эфенди, загородив дорогу, не позволил ему ни на шаг приблизиться к падишаху и повернул его обратно. Названный выше паша понял, что он смещен, и смирился со своим несчастьем.

Улемы сразу же доложили об этом падишаху и стали просить его отобрать у упомянутого печать везира. Однако величественный падишах стал медлить с ответом. Тогда все улемы стали советовать ему послушаться их, говоря: «Мой повелитель, раб требует пашу, не выдать — невозможно». Когда опять не последовало высочайшего согласия, то все присутствовавшие, зная о том громадном влиянии, которое имел над падишахом вышеназванный паша, решили избавить повелителя от его колдовских чар: в соответствии с чистой (истинной) мусульманской религией был собран сорок один человек из общины проповедников, носящих умножающее славу имя главы пророков — Мухаммед, которые сорок один раз прочли священный «ясин» и таким образом устранили препятствие. Так с помощью великого и священного Корана падишах, покровитель мира, освободился от колдовских чар вышеупомянутого паши. После этого он отобрал печать везира и передал ее силяхдару, зятю повелителя, уважаемому и просвещенному везиру Мехмед-паше.

Ибрахим-паша был тут же арестован и под усиленной охраной доставлен в резиденцию силяхдара повелителя, с тем чтобы казнить его в ближайшее время.

И вновь собрался совет улемов, опора и защита законов шариата, чтобы выбрать шейх-уль-ислама, так как прежний был смещен и сослан в Бурсу. Когда они все собрались, повелитель обратился к ним с вопросом: «Кого из вас вы находите наиболее достойным и подходящим на пост шейх-уль-ислама?» И когда он так спросил, то все показали на достойного и великодушного Мирзазаде-эфенди. Но сам он стал отказываться от этого поста. Но так как улемы стали настаивать на его персоне, говоря, что для наведения порядка и законности в мире необходим именно такой, как он, одобряемый всеми человек, Мирзазаде-эфенди был вынужден согласиться занять этот пост. Ему был пожалован почетный халат, и все улемы и везиры, присутствовавшие на совете, поздравили его.

Сборище за пределами дворца было оповещено о том, что все смещения и назначения, на которых оно настаивало, приняты и одобрены. Хотя виновники и подстрекатели мятежа требовали выдать им вышеназванных живыми и сам султан был согласен на это, чрезмерно щепетильные в законе улемы не выполнили это пожелание. Они единодушно настояли на том, чтобы вынести фетву на их немедленную казнь. Улемы мотивировали свое решение тем, что, обладая большими богатствами, они могут откупиться и стать причиной нового мятежа.

Время их казни приближалось. Ибрахим-паша, как уже ука-

зывалось выше, был доставлен в резиденцию силяхдара повелителя, где он и находился до семи часов вечера. Затем туда пришел глава черных евнухов, вывел вышеупомянутого из дворца и передал его кетхуде капуджи (главе дворцовых привратников). В это же время хасеки (охранники) вывели из тюрьмы бостанджей Мехмед-кетхуду и капудана Мустафа-пашу и, присоединив их к Ибрахим-паше, стали дожидаться во дворе приказа повелителя. Наконец из дворцовых покоев поступил священный указ, повелевавший задушить и выбросить вышеупомянутых за пределы султанского дворца.

(Когда перед казнью у Ибрахим-паши спросили о его богатствах, то он, ничего не утаивая и не отрицая, ответил): «В казне моей имеется двенадцать тысяч кошельков монет золота и два сундука золота, да в летней резиденции хранится еще два сундука золота, а еще двенадцать медных сундуков, наполненных золотом, хранятся в потайной каменной комнате в моей домашней сокровищнице». (После того как он рассказал это, он был задушен.)

Когда у Мехмед-кетхуды спросили о его богатствах, он ответил: «Мой казначей сообщил мне, что в казне моей имеется двадцать тысяч кошельков акче. Счет остального моего имущества мне неизвестен». И когда, сказав это, он замолчал и притворился незнающим, на него также без задержки набросили веревку и, затянув ее, задушили его.

Такой же участи подвергся и капудан Мустафа-паша после того, как он, не отпираясь, рассказал о месте нахождения своих денежных богатств.

(Тела убитых вывезли на повозках за пределы дворца и бросили перед упомянутым сборищем.)

А упомянутые разбойники на глазах у собравшихся людей повесили тела казненных Мехмед-кетхуды и капудана Мустафа-паши. А тело Ибрахим-паши они доставили, привязав к хвосту лошади, к султанскому дворцу и бросили его у ворот, сказав при этом: «Это не труп Ибрахим-паши...».

Созванные на совет падишахом улемы и везиры встретили эту весть молчанием. И тогда величественный падишах, покровитель мира, чтобы исключить недоразумение, попросил рассказать о том, как был приведен в исполнение приказ о казни вышеупомянутых. Но улемы и везиры вновь промолчали. И тогда кетхуда капуджи Мустафа-бей, который приводил в исполнение приговор совета, стал первым, кто нарушил молчание и дал достоверный ответ. Рассказав в деталях о том, как были казнены вышеупомянутые, он заявил, что под этим предлогом бунтовщики дали понять величественному падишаху и совету о своих намерениях продолжить дело обновления и углубить инцидент.

Затем, вечером, из лагеря злобного сборища поступила

весть: «Это действительно труп Ибрагим-паши. Но кроме него есть еще (один) человек, выдачи которого мы требуем. Еще не все наши требования выполнены».

Когда они заявили об этом, в султанском дворце вновь собрался совет, на котором было решено, с целью обеспечить безопасность и спокойствие, послать к толпе разбойников делегацию на переговоры. В нее вошли кетхуда султанских кладовых Дервиш Мехмед-ага и Зуляли, главный виновник возникновения и обострения мятежа. А чтобы придать больший вес и значимость этой миссии, к ним был присоединен достойный и добродетельный Испиризаде Мехмед-эфенди. Они провели переговоры с бунтовщиками и вернулись в султанский дворец в четвертом часу этой безлунной, темной ночи печали. Сообщив улемам окончательные требования разбойников и немного посовещавшись с ними, они сказали, обращаясь к падишаху: «Мой повелитель, раб требует смены главы трона».

Когда они объявили об этом требовании, то благословенный падишах, проявив большую выдержку и терпение, сказал лишь, обращаясь к всевышнему: «Земля, безусловно, принадлежит богу. Он предоставляет ее тем из своих рабов, кому он пожелает. Царство он дает тому, кому он пожелает, и назад берет у того, у кого он пожелает...»

Взяв себя в руки и успокоившись, он сказал: «Так ли это? Очень хорошо! Пойду-ка я, приведу вашего падишаха. Пусть всевышний бог сделает его счастливым и благословенным!» — и отправился в священный гарем. И он вывел предводителя мира, величественного султана Махмуда. Его держали под руки счастливые шахзаде (наследники престола): с правой стороны шел Сулейман-султан, с левой — Мехмед-султан. А впереди всех шествовал султан Ахмед. В таком порядке они прошли в помещение, где хранится священный плащ пророка Мухаммеда... И здесь в соответствии с древними и прекрасными законами новому султану дали присягу на верность все дворцовые аги. Затем величественный и великодушный султан пожаловал халат муфтия Мирзазаде Мехмед-эфенди. Он оказал также благодеяния и милости и другим...

Затем там же он имел небольшую беседу с муфтием Мирзазаде Мехмед-эфенди, Башмакчизаде-эфенди и Зуляли, во время которой они рассказали ему об обстоятельствах дела. После беседы был издан величественный хатт-и хумаюн, который был послан в лагерь сборища. Затем его величество наш падишах, совершив ритуальное омовение, до семи часов вечера молился в священной комнате. После молитвы он отправился на отдых в свои дворцовые покои.

Мятеж устранен.
Вступил на трон Махмуд-султан.

Для того чтобы сообщить упомянутому сборищу об уничтожении очага вреда, а также оповестить об этом всех людей, глашатаи на рынке Стамбула прокричали:

«Со вступлением на трон повелителя Махмуда
Успокоился весь мир».

И когда уже все пребывали в покое, шайка насильников, опьяненная своим успехом, для утоления жажды мести и в назидание другим, начала издеваться над телами убитых пашей. Вначале они вставили им в глазницы светильники, вырезанные в форме алых тюльпанов, и приговаривали при этом: «Если и будет чираган (светильник), то пусть он будет таким». Затем возле султанского дворца они скормили собакам труп Ибрахим-паши, а то, что осталось после них, разбросали по разным местам. А к ногам трупа его кетхуды они привязали веревку и, вручив ее в руки неверным, заставили их таскать его по городскому базару и всюду по городу, после чего выбросили в море. А тело капудан-паши было предано земле, после того как его мать заплатила главарю мятежников пять кошельков акче...

(На девятнадцатый день раби-уль-эввеля, в понедельник, 2 октября 1730 г., состоялась церемония присяги на верность султану.) В Баб-и Саадет был установлен украшенный драгоценными камнями трон, и величественный султан вступил на него. Его стали приветствовать и поздравлять и улемы, и везиры, и высшие сановники, и в особенности главари разбойников, называвшие себя серденгечти. Все они, серденгечти, дали присягу на верность султану. И с этого началось приведение к повиновению последователей упомянутых распутников. А что касается янычар, оставшихся на Мясной площади, то они вместе с мужами, известными своими способностями к бродяжничеству и торговле, переполнили до отказа площадь и приготовились к сражению, так как они были полны опасений и сомнений. Однако, как уже указывалось, руководители их присягнули на верность султану.

Когда закончилась процедура присяги, был издан хатт-и шериф. И в соответствии с этим высоким указом были отменены все новые налоги, введенные при Ибрахим-паше.

Затем величественный падишах направился в свою приемную, щедро осыпая по дороге золотыми монетами аг султанской палаты; а оттуда уже быстро ушел в свои покои. После этого все улемы и сановники, проводив почтенного и уважаемого зятя султана, великого везира до его резиденции, разошлись по домам...

На следующий день после джулюса, во вторник (3 октября 1730 г.), величественный и благородный падишах отправился в Соукчешме на заседание совета высших сановников и улемов.

На этом совете было твердо решено истребить простейшим и наиболее надежным способом зловредных, погрязших в заблуждении разбойников...

В пятницу, которая совпала с первым днем месяца раби-уль-ахыр (14 октября 1730 г.), величественный и благородный султан (произвел новые назначения. Так, глава привратников, бывший стремянный повелителя Сулейман-ага получил пост второго мирахура (конюшего), поскольку был из числа блестящих и добропорядочных рабов [султанских], хасеки-ага Эль-хадж Сулейман-ага занял освободившийся пост стремянного, а хасеки-агой стал Пир Абидин...

В понедельник, на четвертый день указанного месяца (17 октября 1730 г.), в Ускюдар пришел один из главных привратников султана и, сняв стоявший здесь султанский шатер, передал его на постоянное место хранения.

На пятый день упомянутого месяца, во вторник (18 октября 1730 г.), собрался султанский диван, чтобы решить вопрос о выдаче жалованья воинам. Жалованье было выплачено его обладателям за два срока за 1142 г.

После выплаты жалованья воинам все члены дивана собрались в приемной султана, где состоялась церемония подтверждения повелителем всех произведенных назначений на высшие посты. И садразам Мехмед-паша, и янычарский ага Мехмед-ага, и казаскер Анатолии Зуляли, и капудан-паша, и другие сановники, оставленные на их постах, целовали землю [у ног падишаха], выражая свое почтение. После завершения этой церемонии повелитель ушел в свои покои, а диван продолжал заседать до семи часов вечера этого счастливого дня.

В понедельник, на одиннадцатый день указанного выше месяца (24 октября 1730 г.), султан вновь приехал во дворец в Соукчешме и наградил силяхдара Бекир-агу превосходной собольей шубой и кинжалом с инкрустацией.

В тот же день состоялась выдача бакшишей: было выдано по тысяче акче. А алебардщики, занимавшиеся выдачей бакшишей, получили в виде вознаграждения от повелителя по пятьсот акче на каждого воина.

На тринадцатый день упомянутого месяца, в среду (26 октября 1730 г.), падишах вновь пожаловал в Соукчешме и издал хатт-и хумаюн и направил его с первым мирахуром Мустафа-беем к великому везиру. После получения этого высочайшего указа великий везир сместил своего кетхуду Нигдели Али-агу и назначил на его место Мустафа-бея. А пост последнего занял глава дворцовых привратников Осман-ага. Второй мирахур Сулейман-ага заменил Осман-бея. А силяхшор (мушкетер) повелителя Али-ага был назначен вторым мирахуром. В тот же день Муслу-бей добился своего назначения на пост силяхшора.

В пятницу, на пятнадцатый день указанного выше месяца

(28 октября 1730 г.), повелитель совершил пятничную молитву в славной мечети Баязида Вели-хана и посетил усыпальницу при мечети.

На двадцать пятый день упомянутого месяца, в понедельник (7 ноября 1730 г.), на прием к повелителю через садик великого везира был доставлен знатный и благородный Каплан Гирей-хан, живший в Бурсе и в прошлом дважды занимавший пост крымского хана. Во время аудиенции повелитель пожаловал ему соболью шубу, чалму, саблю, инкрустированную драгоценными камнями, и колчан со стрелами, убранный жемчугом, и назначил его в третий раз на пост крымского хана. Падишах приказал также выдать ему десять кошельков золотых на карманные расходы.

В четверг, на двадцать восьмой день названного выше месяца (10 ноября 1730 г.), падишах сместил с занимаемых постов главу белых евнухов Хасан-агу и хассодабаши (главного распорядителя в султанской палате) Халил агу. Должность первого из них занял дворцовый ага Мустафа, а глава султанских кладовых Ахмед-ага имел счастье получить пост хассодабаши. Обоим им были пожалованы халаты на собольем меху. А смещенный Халил-ага получил пост главы султанских кладовых, который он когда-то уже занимал. А помощник дворцового аги Якуб занял пост своего начальника. А Хусейн-аге, занимавшему до этого должность дворцового аги в Галате, был пожалован пост помощника дворцового аги в Топ-капы. Всем им были выданы почетные халаты...

В понедельник, который пришелся на второй день месяца джумада-уль-эввель (13 ноября 1730 г.), падишах устроил прием в старинном дворце. Во время приема башчухадар Сейид Мустафа-ага просил у султана пост силяхшора, который и был ему пожалован. Затем падишах щедро наградил слуг старинного дворца...

На тринадцатый день упомянутого месяца, в пятницу (24 ноября 1730 г.), падишах после пятничной молитвы посетил дворец в Галате. [Когда падишах прибыл в Галата-сарай,] к его стремени с дарами для своего повелителя припал Ахмед, здешний дворцовый ага. За оказанные почтение и преданность султан щедро наградил его. Ахмед-ага получил почетный халат, прекрасный ковер и сто курушей золотом. А каждому ода падишах пожаловал по одному кошельку акче. Затем повелитель возвратился в свой величественный дворец.

В субботу, на четырнадцатый день указанного выше месяца (25 ноября 1730 г.), в резиденции великого везира состоялось заседание совета, на котором присутствовали и представители шайки разбойников, приглашенные туда в качестве гостей. Во время заседания, когда его превосходительство везир, благоразумный, как мудрый Асаф (везир царя Соломона), Мех-

мед-паша сказал, обращаясь к поганому предводителю банды разбойников, преступному и упрямому, злобному и подлому албанцу по имени Патрона: «Великий и благородный падишах назначил тебя мирмираном (двухбунчужным пашой) Румелии», и сделал знак, чтобы на него надели почетный халат, то этот навеки проклятый и отверженный мерзавец осмелился с вызывающей надменностью и гордостью, источником которых являлось его известное главенство над войском, отмахнуться от дарственного халата и произнести лишь следующую фразу: «Если потребуется, надену перед самим повелителем». Несмотря на проявленные им в такой форме враждебность и злобу, рассудительный и осторожный везир не стал спорить с ним. Он мягко и вежливо сказал: «Пожалуйста! Отправимся все вместе в султанский дворец, и там перед падишахом Вы сделаете окончательный выбор и получите высокий пост». И все присутствовавшие, уповая на хороший прием во дворце повелителя, направились туда.

Но перед этим высокопоставленный везир, при содействии одного удачливого человека по имени Омер-эфенди, расставил у каждого рынка по пятьдесят-сто человек из оджаков. Затем, сговорившись с одним из чорбаджи (капитаном) древнего янычарского корпуса, верным и надежным храбрецом по имени Пехливан Халил-ага, они вдвоем под покровом большой тайны отобрали наиболее достойных воинов, которых, с замаскированными под верхнею одеждой кольчугами и оружием, провели с помощью бывшего силяхдара повелителя Телхиси Мехмед-аги через султанский сад в караульное помещение охраны дворца и разместили их там в засаде, где они должны были в полной готовности ждать сигнала к действиям.

Счастливый везир с упомянутым сборищем пришел во дворец, где должно было состояться намеченное обсуждение вопроса о походе с участием и хана ханов татар, и капудан-паши Хафыза Ахмеда, и Мухсинзаде Абдуллах-паши, и бывшего капудан-паши, отважного и верного Джаныма Ходжи Мехмеда, и других именитых людей и государственных сановников, и почтенных улемов, и всех командиров оджаков, и особенно вождя вышеупомянутых мерзавцев и негодяев, главного виновника безрассудства и упрямства распутников, зачинщика разбоев и мятежей, хитрого, как дьявол, злобного и нечестивого банщика по имени Патрона, и проклятого помощника вышеназванного, поганого предводителя янычар, надменного и упрямого Нишли Мехмед-аги, и кетхуды, являвшегося слугой сатаны и олицетворением клеветы, которого они называли кул-кетхудой (заместителем аги янычар), и других командиров серденгечти.

Все они, разбойники, не подозревая, что поплатятся головой, прошли в султанский дворец. Каждый из них в своих мятежных мыслях тщетно надеялся на то, что будет осчастливлен на-

значением на высокий пост. Так, например, их янычарский ага желал получить печать везира, а презренный кул-кетхуда хотел стать агой янычар, а Патрона же намеревался, потребовав морской пост, стать трехбунчужным капудан-пашой. О своих тщетных притязаниях они вкратце дали знать его превосходительству великому везиру по пути во дворец. Однако он не стал разуверять их. Ради исполнения намеченного доброго дела он, с мудростью, достойной Платона, нашел пути для их умиротворения и успокоения и услужливо довел их до ворот дворца. Как только они прошли через главные ворота за стены дворца, он вручил силяхдару правителя Бекир-аге ферман, в котором повелевалось во что бы то ни стало закрыть и запереть все ворота величественного дворца и под предлогом участия в обсуждении вопроса о походе немедленно доставить вышеназванных на заседание улемов в помещение дворца под названием Каср-и Реван. Затем садразам отправился к падишаху, покровителю мира, чтобы просить у нашего господина разрешения на казнь упомянутых разбойников.

Эй, повелитель суши и морей,
Покажи нам в этом мире
Муслу в помещении для обрядов погребения,
А Патрона в море.

Затем чистый в помыслах и правый в поступках везир вошел в священное хранилище плаща пророка и совершил там молитву, в которой просил всевышнего оказать помощь и поддержку в деле истребления вышеназванных мерзавцев.

После совершения молитвы он призвал к себе силяхдар-агу [и, выяснив степень готовности к осуществлению плана уничтожения руководителей бунтовщиков,] приказал ему вооружить и поставить в засаде возле палаты Каср-и Реван всех ич-аг и чухадаров правителя. (Кроме того, он велел перевести «храбрецов-алебардщиков», находившихся снаружи, во внутренние покои дворца. Алебардщики вначале воспротивились этому решению, но, после того как великий везир поговорил с их кетхудой и подкупил его, они согласились занять указанное им место.)

Все это было проделано под большим секретом и очень осторожно, чтобы приверженцы названных выше злобных предателей не догадались о значении происходящего. Если бы они заподозрили что-нибудь неладное, то мог бы возникнуть новый мятеж.

Когда все было подготовлено, силяхдар дал знать высокопоставленному везиру. И величественный везир разрешил действовать упомянутому богатырю (Пехливану Халил-аге), обладателю счастливого сочетания звезд, а тот же, произнеся: «Во имя аллаха!», отправился со своим отрядом. И в тот момент, когда они входили в палату Реван-одасы, он обнажил саблю и храб-

ро бросился в атаку, крикнув при этом гневно: «Эй, предатели падишаха, встаньте!» И когда он, сказав это, ринулся вперед, то этот мерзкий негодяй, грязный банщик, которого они звали Патрона, сделав ловкий прыжок, отвел его сабельный удар и приготовился к схватке с ним. Но тут на помощь к Пехливану подоспел один из его воинов и отрубил Патрона правую руку, а другие же воины ударами сабель добили его. А проклятый разбойник по имени Муслу от растерянности и изумления застыл, как мертвец. И, впав в панику и смятение, он попытался выбежать на улицу, надеясь спастись таким путем. Заметив эту его глупую попытку, к нему бросился с обнаженным богатырским мечом в руке великий везир. Но силяхдар схватил его за поясницу и остановил его, заметив при этом, что ему не стоит самому бросаться в такое опасное место и рисковать жизнью из-за одного-двух глупцов. Оттеснив его, он быстро обнажил саблю и убил вышеупомянутого Муслу в султанском дворце. А гнусного мерзавца, которого они считали своим янычарским агой, вначале сбил с ног, а затем зарубил своей саблей бывший капудан Джаным Ходжа. Реван-одасы была затоплена их грязной кровью...

Об успешном завершении порученного дела было поспешно сообщено падишаху мира. Затем совет стал искать наиболее верный и простой способ уничтожения руководителей разбойников, известных под названием серденгечти, последователей вышеупомянутых упрямцев, которые в это время находились во дворе. Большинство из присутствовавших на совете предлагало перебить их прямо во дворе. И когда каждый высказал свое мнение, выступил один из дворцовых аг, Кючюк Чавуш, с предложением заманить их хитростью во дворец и перебить главарей разбойников. А заманить их во дворец под каким-нибудь предлогом он обещал сам. Этот план был всеми одобрен и принят. Были начаты приготовления к его осуществлению.

В это же время были пожалованы высокие посты участникам священной войны против неверных. По приказу повелителя Джаным Ходжа получил назначение на пост капудан-паши. Мухсинзаде Абдулла-паша стал агой янычарского корпуса. А когда богатырю, обладателю счастливого сочетания звезд, Халил-аге был предложен пост кул-кетхуды, то он стал отказываться от него, говоря: «Эта должность уже и без меня замещена». Тогда наш величественный падишах назначил прежнего агу на пост секбанбаши (начальника секбанов — воинов из янычарского корпуса), а упомянутого Халил-агу осчастливил должностью кул-кетхуды.

Так как Кючюк Чавуш обязался привести во дворец разбойников, то он попросил, чтобы приготовили несколько почетных халатов. Халаты тотчас же были затребованы и доставлены в Обитель Счастья, а дворцовые слуги, значительное число

воинов добровольцев из числа бостанджей, а также храбрецы из отряда Пехливана Халил-аги с оружием наготове стали дожидаться схватки.

Янычарский ага Мухсиноглу Абдуллах-паша и силяхдар Бекир-ага подошли к воротам дворца и остались там, а Кючюк Чавуш, выйдя во двор к разбойникам, повел с ними сладкие, доставляющие им удовольствие речи. Он стал уверять разбойников в своей дружбе к ним и ласково приглашать их во дворец якобы для получения назначений. И они, поверив ему и думая о предстоящих назначениях на высокие посты, в полной беспечности вступили в благословенный дворец. Когда они вошли, ворота благословенного дворца были осторожно и незаметно закрыты и заперты. Затем все разбойники были одеты в почетные халаты назначения — вестники их смерти. В это время силяхдар повелителя приказал, обращаясь к ним: «Вот ваш ага, извольте поцеловать ему руку!» Когда он так приказал, то одни из вышеупомянутых упрямцев приготовились, следуя приказу, целовать руку, а другие же, вознамерившись оказать сопротивление, приготовились к схватке. В этот момент разгневанный Мухсинзаде Абдуллах-паша позвал бостанджибаши. Это его взволнованное обращение услышал подошедший к нему, чтобы поцеловать руку, разбойник по имени Тоска. Обладавший острым умом, он сразу все понял. Воскликнув: «Да, бостанджибаши!», он с албанским упрямством выхватил мгновенно пистолет, который был у него спрятан за поясом, и, прицелившись в Абдуллах-пашу, выстрелил. Но, благодаря милости владыки миров, он промахнулся. И тут благоденствующий силяхдар Бекир-ага, крикнул: «Бейте!», дал приказ к сражению. Дожидавшиеся его команды воины с обнаженными мечами смело бросились в атаку и начали бой. Однако этот презренный по имени Тоска в тот же миг ловко выхватил ятаган, который был спрятан у него под верхней одеждой, и ринулся на вышеупомянутого силяхдара Бекир-агу, чтобы убить его. Но подоспевший вовремя храбрец по имени Иса-ага, воспитанник Воинской палаты, отразил натиск вышеназванного и, оттеснив его, нанес сильный удар саблей по ятагану и согнул его; упомянутый выше негодяй, видя свою уязвимость, быстро выпрямил ятаган и бросился бежать. Но Иса-ага стал преследовать его. Он настиг его возле султанского книгохранилища и нанес ему сзади по затылку такой богатырский удар саблей, что его грязное туловище мгновенно рухнуло бездыханным на землю.

Во время расправы над упомянутыми разбойниками были ранены несколько воинов из отряда Пехливана Халил-аги. Потом султан щедро, по-царски, осыпал их своими милостями и благодеяниями.

В момент схватки, когда убегал злобный и презренный Тос-

ка, один из дворцовых аг, смелый, как лев, Пехливан Махмуд-ага, загородил ему дорогу, намереваясь остановить его и расквитаться с ним. Но этот проклятый нечестивец сумел опередить его и нанести хитрый и ловкий удар ятаганом. Хотя Махмуд-ага и успел, подставив руку с саблей, отразить этот сильный удар мерзавца, все же он получил ранение: у него были отсечены пальцы и рассечен лоб. Как раз в это время подоспел Иса-ага и зарубил упомянутого насильника. Когда падишаху, покровителю мира, сообщили о ранении Махмуд-аги, то он призвал его к себе и, приласкав, осыпал многочисленными дарами. Кроме него, из дворцовых аг никто не пострадал.

В тот счастливый день победоносной битвы, после того как из дворца падишаха были выброшены на улицу двадцать семь трупов разбойников-насильников, янычарский ага Мухсинзаде Абдуллах-паша направился из султанского дворца в свою резиденцию, уничтожая на пути всех попадавшихся ему разбойников. Пока он добирался до своей резиденции под названием Ага-капысы, он казнил бесчисленное множество людей.

Был издан хатт-и хумаюн. Глашатаи повсюду прокричали: «Все главари разбойников убиты саблей падишахского гнева. Отныне, если объявится где бы то ни было хоть один человек из шайки разбойников или же хоть один подлец, сотрудничающий с ними, он будет казнен. Кроме того, если кто-либо укроет хоть одного человека из упомянутой банды, то он будет повешен перед дверями своего дома. Вы не можете сказать: я не знал, я не слышал».

Эта радостная весть была выслушана всем населением. И каждый, радуясь уничтожению упрямой толпы нечестивцев и устранению зла, произнес молитву за счастье и благополучие падишаха. Затем некоторое время было предоставлено забитам (полицейским), чтобы они смогли упрочить порядок в столице. С их помощью дело уничтожения изменников религии и османского государства было доведено до конца, и община Мухаммеда обрела порядок и спокойствие...

На восемнадцатый день священного месяца реджеб, в понедельник (27 января 1731 г.), величественный падишах, покровитель мира, спешно отправился в Соукчешме и пригласил туда почтенного везира Мехмед-пашу... Приехав в Соукчешме, сразу же послал одного из слуг за Ибрахим-пашой (который в это время занимался подготовкой похода против Ирана. Этот «просвещенный и умный человек» зарекомендовал себя на государственной службе с самой лучшей стороны. Поэтому он был назначен на пост кетхуды капуджи). Когда Мехмед-паша прибыл в Соукчешме и вошел во дворец, то его встретил глава черных евнухов, глубокочтимый Бекир-ага, и отвел в свои покои. Великий везир сразу же понял, что он смещен, и изменился в лице. Но, будучи достойным и мужественным человеком, он взял себя

в руки и начал, как будто бы ничего не произошло, непринужденную беседу с главой черных евнухов. Затем приехал Ибрахим-паша и, нигде не задерживаясь, прошел прямо к величественному падишаху. Здесь его сразу же одели в почетный халат везира. А силяхдар Якуб-ага вручил печать везира, которую он ранее отнял у Мехмед-паши по приказу повелителя. [Смещенному везиру Мехмед-паше было приказано отправиться в Ускюдар и заняться там подготовкой похода против Ирана.]

...Вплоть до начала священного месяца рамазан царили мир, порядок и спокойствие. Но оказывается, что оставшиеся в живых разбойники, остатки уничтоженной ранее гнусной банды, тайно собирались по ночам в некоторых укромных местах и вели совещания, на которых планировали разжечь вновь недавно потушенный огонь мятежа. Они решили устроить ночью поджог в одном определенном месте и, воспользовавшись паникой и переполохом, которые поднимутся во время пожара, совершить налет на янычарские казармы, вынести оттуда котлы и, с введенными в заблуждение воинами, встать на Мясной площади. Таким путем они намеревались подчинить себе людей оджаков и начать бунт.

А по другому рассказу, они планировали проникнуть во дворец повелителя, смешавшись с янычарами, когда же по традиции на пятнадцатый день священного рамазана отправятся туда на праздник выноса баклавы (праздник угощения баклавой), внезапно напасть на дворцовых гулямов (слуг) и предать их мечу. Тем самым они хотели вынудить янычар примкнуть к ним, как невольных соучастников этой расправы над гулямами, и начать бунт на Мясной площади.

Но им не удалось реализовать эти свои тщетные мечты и ложные намерения. Кроме их друзей-безбожников, их никто не поддержал, и они не смогли приступить к насилию и разбою.

Тем временем наступил пятнадцатый день священного рамазана (24 марта 1731 г.). В связи с тем что он пришелся на пятницу, падишах, покровитель мира, после пятничной молитвы вынес священный плащ пророка, и все, и улемы, и везиры, и высшие сановники, и дворцовые аги, дали присягу на верность. И никто из них даже подумать не мог о возможности возникновения мятежа.

А между тем отвратительная банда безбожников-разбойников провела новое совещание и единодушно решила: «Так как задуманный нами план осуществить не удалось, то нам следует в таком случае внезапно выйти этой ночью на Мясную площадь и захватить ее. После захвата площади все нам подчинятся и мы сможем осуществить наши цели и уничтожить наших врагов».

Тем временем наступил вечер, и каждый мусульманин, совершив вечернюю трапезу и исполнив молитву теравих (совер-

шается во время рамазана после обычной последней молитвы), отправился спать. И кто мог предположить, что в такое благословенное время может начаться мятеж?

И вдруг, когда миновал уже четвертый час ночи, на Мясной площади с шумом и грохотом появилось гнусное сборище бандитов и установило там девять палаток. Туда же, на площадь, они доставили девять янычарских котлов. Затем некоторые из них совершили нападение на джебхане (склад оружия и амуниции), захватили там еще девять котлов и увели оттуда небольшое число воинов. После этого часть разбойников осталась на площади, чтобы в случае надобности защитить ее, а часть ушла в янычарские казармы, чтобы вербовать там новых сторонников и требовать котлы. И они нашли путь для сбора дьяволов-единомышленников. В один миг численность войска упрямцев-развратников достигла трехсот человек. Со всех сторон к ним продолжали стекаться все новые и новые люди, и вскоре на площади насчитывалось уже десять тысяч разбойников.

Получив известие о начале мятежа, янычарский ага Мухсинзаде Абдуллах-паша во главе конного отряда отправился к Мясной площади и попытался, совершив неожиданный налет, разогнать мятежников. Но из этого ничего не вышло. К тому же во время стычки с бунтовщиками янычарский ага был легко ранен. Он приехал в резиденцию великого везира и рассказал ему о возникшей ситуации.

Везир тотчас сел на коня и отправился в джебхане, где обратился за помощью к джебеджи, говоря им: «Появились вероломные враги нашего падишаха, что вы на это скажете?» Джебеджибаши и другие влиятельные люди оджака, посовещавшись с рядовыми джебеджи, ответили: «Все мы пожертвуем собой за один волос (с головы) падишаха и покорны каждому его приказу. И какими бы ни были его ферманы, мы слушаем и повинуемся». Получив от них этот ответ, просвещенный везир, радостный и довольный, возвратился в султанский дворец и поставил в известность о происшедших событиях телхисчи (чиновника, передающего султану доклады сановников).

Когда повелителю сообщили о вышеупомянутом событии, то он, изумленный и растерянный, отправился в хранилище священного плаща пророка, где в одиночестве, полный страдания и боли, стал молиться, обращаясь к всевышнему со смиренной мольбой о помощи. В это время к величественному падишаху, покровителю мира, пришли с докладом великий везир Ибрахим-паша и янычарский ага Абдуллах-паша и, посовещавшись с ним, ушли. И таким образом они трижды приходили и уходили. Когда они пожаловали к падишаху в четвертый раз, уже наступило утро.

Для того чтобы разведать обстановку и выяснить истинное

положение дел, решено было отправить к бунтовщикам лазутчика. В лагерь безбожников отправился, сменив одежду, один из дворцовых аг, Бошнак Али, босниец по происхождению, охарактеризованный всеми как храбрый, мужественный и искусный человек. Притворившись сторонником и последователем бунтовщиков, он проник в их лагерь и пробыл там в течение четырех-пяти часов. Он собрал сведения обо всех их делах и намерениях и вновь возвратился в султанский дворец. Он сообщил повелителю, что пока численность войска бунтовщиков, во главе которого стоят четыре-пять гнусных негодяев, не так велика, но «сколько преступных людей в надежде на грабежи и разбой могут присоединиться к ним и увеличить тем самым их численность и мощь. У них еще нет прочных связей с янычарским корпусом. Но в настоящее время внутри Стамбула много затаившихся, недобитых в прошлом разбойников, за счет которых ряды бунтовщиков будут ежеминутно расти, подобно тому как растет в своих размерах с каждым вздохом дракон. Самое предпочтительное и неотложное сейчас — это собрать как можно скорее воинов-добровольцев и рассеять их. Если будут допущены небрежность и промедление, то могут возникнуть большие затруднения».

Когда решался вопрос о выставлении священного знамени, пришел посланник корпуса джебеджи храбрец по имени Иставрозлу Эльхадж Хусейн, повар пятой роты, с вестью о готовности выступить против бунтовщиков. Он сказал: «Мой повелитель! Ваши рабы, джебеджи, все хорошо вооруженные, приготовились и стоят ждут в джебхане. Если будет приказ падишаха, если будет выставлено священное знамя и будет поход в сторону врага, они готовы, если это будет угодно всевышнему аллаху, принести себя в жертву ради падишаха».

Когда он так сказал, то чухадар повелитель, храбрый и разумный Бекир-ага гневно заметил, что джебеджи, заявляя о своей преданности падишаху и готовности принести себя в жертву в борьбе против его врагов, в то же время оказали помощь и поддержку бунтовщикам, выделив им воинов, котлы, оружие и другое военное снаряжение. Когда чухадар, сказав это, обвинил джебеджи в двуличии, то упомянутый выше Хаджи Хусейн ответил ему, пространной речью, смысл которой состоял в том, что из-за рамазана часть джебеджи, покушав до утренней зари, легла спать, а часть ушла молиться в мечеть. «Упомянутые мерзавцы» воспользовались этими благоприятными обстоятельствами и вынесли восемь-девять котлов. Кроме того, им удалось увести с собой, посулив разбой и грабежи, несколько изменников-негодяев из рядов джебеджи, которые опозорили тем самым доброе имя своего оджака. Джебеджи не считают больше их и им подобных своими товарищами и готовы истребить их как нечестивцев и гяуров.

В этот момент пришел джебеджибаши и сказал: «Мой повелитель! Нельзя медлить, необходимо срочно выставить священное знамя и подготовить к сражению, вооружив лучшим оружием из хранилища, победоносных дворцовых аг. Если будет угодно всевышнему аллаху, победа будет за нами». Когда он так сказал, то сразу же на башне главных ворот было вывешено приносящее удачу знамя пророка. Затем во все стороны были посланы глашатаи, которые призвали всех к сражению. Побуждаемые призывами громкоголосых глашатаев, а также высочайшим ферманом султана, дававшим позволение на казнь мятежников, со всех сторон к священному знамени божьего посланника стали подходить толпами люди из общины Мухаммеда, и возле султанского дворца собралось огромное мусульманское войско. Когда собравшееся исламское войско было уже полно решимости выступить и уничтожить мерзавцев, связанных с сатаной, один из авторитетных государственных сановников, смелый и искусный, опытный и мужественный Нигдели Али-ага, сказал: «Брать с собой само священное знамя не следует. Пожалуй, это будет ошибкой». А все другие государственные сановники одобрили его соображение. Священное знамя пророка было заменено похожим на него знаменем святого Османа, да помилует его аллах! Знамя это было вручено исламскому войску, которое направилось в сторону упомянутого сборища.

Приготовились к священной войне и дворцовые аги. Одни из них, облаченные в доспехи и оснащенные всем необходимым военным снаряжением, имея при себе также тридцать грозных пушек и порох, стояли с обнаженными мечами в руках у ворот Обители Счастья и нетерпеливо ожидали нападения врага. А другие поспешили вместе с исламским войском на сражение с разбойниками.

Во время первой атаки воинов ислама, которая произошла на базарной площади, известной под названием Окчулар Баши, проклятые бунтовщики и распутники выстрелами из ружей и пистолетов тяжело ранили знаменосца мусульманского войска. И большая часть мусульманского войска, отчаявшись, чуть было не обратилась в бегство. Но в тот момент Кулум Омер-ага, силяхшор повелителя, видя такое положение, быстро подбежал к знаменосцу и, выхватив у него из рук знамя, храбро бросился на врагов. Когда он мужественно, как Рустам, устремился в атаку, то и остальные воины ислама смело, как львы и тигры, кинулись на поле битвы.

Во время этой атаки исламского войска Ахмед-бей, сын Кадана Мустафа-паши, безжалостно убил разбойника по имени Деври Джан, поганого предводителя и подстрекателя низких и презренных бунтовщиков. Как только Деври Джан рухнул мертвым на землю, к нему подскочил чухадар великого везира Яня-

лы Осман и острым мечом отсек ему голову. Подхватив ее, он вскочил на коня и быстро поскакал в падишахский дворец, чтобы обрадовать повелителя доброй вестью. Когда он прибыл в султанский дворец, величественный падишах находился в помещении, где хранится священный плащ посланника аллаха Мухаммеда. Падишах призвал к себе упомянутого храбреца и, ласково расспросив об обстоятельствах дела, приказал ему отправиться к великому везиру.

А гнусная толпа разбойников, после того как был убит мечом муджахиддина проклятый Деври Джан, не выдержала натиска храбрецов и, повергнутая в страх и смятение, потерпев полное поражение, обратилась в бегство в сторону Мясной площади. Но не всем бунтовщикам удалось скрыться и спастись. Многие из них были перебиты на Мясной площади. Расправа продолжалась и над мертвыми разбойниками. Воины ислама топорами, саблями, ножами отсекали у убитых бунтовщиков головы, руки и ноги. Они приносили все это к воротам султанского дворца...

(О победе над неверными было объявлено повсеместно, чтобы обрадовать мусульман и устрашить последователей изменников религии и государства.) Священное знамя (видимо, святого Османа.— *А. М.*) было возвращено в целости и сохранности в султанский дворец и помещено на свое постоянное место хранения. В бою с неверными из мусульман погиб лишь один из слуг повелителя.

На пятый день после упомянутых событий, в пятницу (30 марта 1731 г.), Шахин Мехмед-ага получил пост янычарского аги, а смещенный с этого поста Мухсинзаде Абдуллах-паша был назначен правителем Аданы.

Новый ага янычарского корпуса, умный и предприимчивый Шахин Мехмед-ага, с большим рвением и энергией, не допуская небрежности и халатности, принялся за наведение порядка в оджаках и охране общины Мухаммеда. Днем и ночью, не покладая рук, он стал наводить порядок в оджаках. Одних изменников религии и государства он предал жестоким казням, а других со своими орта (отряд янычар) отправил на границу. И вот когда он, уничтожая одних без всякой пощады и ссылая других, прилагал все усилия, чтобы утвердить порядок и дисциплину, в Стамбуле появилась еще одна шайка разбойников-насильников. Одни из них были из числа тех разбойников, которым удалось избежать казней и ссылок, затаившись в различных закоулках Стамбула, а другие же представляли собой дезертиров, бежавших в Египет после подавления описанного выше выступления. Последние до поры до времени отсиживались в Египте, но, когда египетские войска были направлены в Иран, они записались на военную службу и на галерах прибыли в Стамбул: сговорившись между собой, они сошли с га-

лер, когда был брошен якорь на Босфоре. Они привели с собой в Стамбул многих воинов из египетского войска.

Был составлен заговор. Разбойники намеревались, совершив одновременно в нескольких районах города поджоги, устроить пожары, а затем в соответствии со своими целями, оповестив друг друга выстрелами в воздух, начать мятеж. Да только благодаря божьей милости среди них оказался караульный пятой роты джебеджи, который сумел завоевать доверие разбойников, притворившись их последователем. В течение трех месяцев он повсюду сопровождал разбойников, чтобы знать обо всех их намерениях. И в тот момент, когда у них все было готово и мятеж должен был вот-вот начаться, он, проявив преданность, сообщил джебеджибаши об обстоятельствах дела. А тот же, в свою очередь, оповестил об этом великого везира Ибрахим-пашу. Они собрали воинов в казармы и приготовили их.

В ту ночь, она пришлась на двадцать девятую воскресную ночь месяца сафар 1144 года (2 сентября 1731 г.), янычары совершили налет на караульное помещение джебеджи возле Птичьего рынка и попытались захватить котлы и увести с собой воинов джебеджи. Но об этом стало известно джебеджи. Они вовремя подоспели на помощь и, отбив своих товарищей и котлы, рассеяли их сборище. В ту ночь и великий везир, и янычарский ага, и секбанбаши, и все джебеджи охраняли город до самого утра. Когда наступило счастливое утро и величественный падишах, покровитель мира, вышел в помещение, где хранится священный плащ пророка, то туда пришли благородный великий везир и почтенный шейх-уль-ислам и сообщили ему о происшедших событиях.

После этого были изданы строжайшие султанские указы, и упомянутые правители и командиры, воплощение бдительности, вооружив воинов, прочесали Стамбул и его окрестности и уничтожили всех распутников, которых удалось настигнуть и опознать. Дело расследования причин возникновения мятежа и наказания разбойников падишах поручил опытному и мудрому трехбунчужному паше, бейлербею Боснии Топалу Осман-паше...

На восьмой день раби-уль-эвеля, в понедельник (10 сентября 1731 г.), [падишах сместил великого везира Ибрахим-пашу и назначил на этот пост Топала Осман-пашу.] Затем султан пожаловал аге янычарского корпуса Шахину Мехмед-аге чин трехбунчужного паши и пост каймакама Стамбула. А кул-кетхуда Гюрджю Мустафа-ага стал в тот день агой янычарского корпуса. Султан наградил и джебеджибаши — ему был пожалован почетный халат.

А смещенный везир Ибрахим-паша получил назначение на пост правителя Эгрибоза. Был издан ферман, в котором ему повелевалось отправиться туда немедленно. На берегу, недалеко от Ялы-Кёшкю, для него была приготовлена галера.

Бывает, что роющий яму другому
сам падает в нее.

Ибрахим-паша был посажен на эту галеру и под охраной бостанджибаши отправлен в Эгрибоз. По поводу его смещения ходили разные слухи. Говорили, что он стремился поссорить людей оджаков с простым населением и извлечь для себя из этого выгоду. Рассказывали и о словах джебеджибаши, сказанных им, когда он, получив почетный халат, вышел из султанского дворца на улицу: «Слава аллаху, аги! Если бы сегодня этот человек не был смещен, то произошло бы множество смут».

Однако это был знающий дело, мудрый и опытный везир. Пожалуй, он стал жертвой ложного обвинения.

Шахин Мехмед-паша, перебравшись вместе со свитой разжалованного везира из султанского дворца в резиденцию великого везира, приступил к наведению порядка. Ему удалось очистить мечом лицо земли от всех источников зла и мятежей. Он приложил все усилия и к тому, чтобы еды и питья стало больше. В результате всего этого среди людей не осталось смут и мятежей; народ успокоился...

На двадцатый день месяца раби-уль-эввеля, в субботу (22 сентября 1731 г.), [состоялись встреча и чествование нового великого везира, Осман-паши, на которых присутствовали везиры, улемы, аги, заимы, чавуши и капуджибаши. А затем его чествовали и поздравляли в султанском дворце.]

...Когда происходили эти торжества, в султанский дворец с радостной вестью прибыл гонец от вали Багдада Ахмед-паши, который сообщил, что в войне с кызылбашами исламское войско одержало победу и захватило крепость Эрделан...

На двадцать второй день упомянутого выше месяца, в понедельник (24 сентября 1731 г.), каймакам Шахин Мехмед-паша был назначен султаном капудан-пашой, а его заместителем стал Абдуллах-паша.

Но перед этим кетхуда великого везира просил назначить вместо него на этот пост более опытного и сведущего человека. Великий везир выполнил его просьбу. Он назначил на этот пост чавушбаши (заместителя великого везира) Ахмед-агу, а прежнего кетхуду осчастливил предоставлением поста чавушбаши.

Благодаря настойчивым усилиям великого везира насилие и взяточничество были искоренены. Община Мухаммеда была довольна его действиями на посту великого везира, так как еда и питье были дешевыми и в изобилии. Враги религии и государства, пребывавшие в постоянном страхе, бежали.

В войне с кызылбашами покровительствуемое богом победоносное исламское войско одержало многочисленные и

впечатляющие победы. А Тахмасп, глава толпы еретиков, бежал, спасаясь от наступавшего победоносного исламского войска.

[1] Subhi Mehmed. Tarih-i Subhi (Sami, Şakir, Subhi tarihi). İstanbul, 1198 [1784], c. 4—20.

[2] Abdi tarihi. 1730 Patrona ihtilâli hakkında bir eser; yayın F. R. Unat. Ankara, 1943.

[3] Relation de deux rébellions arrivées à Constantinople en 1730 en 1731 dans la deposition d'Ahmed III et l'élévation an trône de Mahomet V. La Haye, 1737.

В 1738 г. это сочинение было переведено на русский язык и опубликовано вместе с переводом книги Марсильи «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком». Следует отметить, что при указании имени султана, посаженного на престол восставшими, допущена ошибка: вместо Махмуда I назван Магомет V.

[4] [Crouzenac]. Histoire de la derniere revolution arrivée dans l'Empire Ottoman le 28. Septembre de l'année 1730, Avec quelques observation sur l'état des affaires de la ville et l'émpire de Maroc. Par le sieur de Crouzenac... P. 1740.

[5] Montague John Earl of Sandwich. A Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich round the Mediterranean in the Years 1738 and 1739. L., 1799.

[6] Perry Ch. M. D. A View of Levant. L., 1743.

[7] Смирнов Н. А. Описание о бунтах в Константинополе в 1730—1731 гг.— «Археографический ежегодник за 1960 г.». М., 1962, с. 321—344.

[8] Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd 7. Pest, 1831.

[9] [Vandal A.]. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du Marquis de Villeneuve, 1728—1741 par Albert Vandal. P., 1887.

[10] Shay M. L. The Ottoman Empire from 1728 to 1734 as Revealed in Despatches of the Venetian baili. Urbana, 1944.

[11] Olson R. W. The Siege of Mosul and Ottoman.—Persian Relations 1718—1743. A Study of Rebellion in the Capital and War in the Provinces of the Ottoman Empire. Bloomington, 1975.

[12] Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г .(Причины и характер).— «Народы Азии и Африки». 1963, № 4, с. 77—89.

[13] Baykal B. S. Patrona Halil ayaklanma ile ilgili kaymaklar hakkında. IV Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1952, c. 177—182.

[14] Aktepe M. Patrona isyanı (1730). İstanbul, 1958.

[15] Destârî Sâlih tarihi. Patrona Halil Ayaklanması hakkında bir kaynak. Yayımalayan Prof. Dr. Bekir Sıtkı Baykal. Ankara, 1962.

[16] Там же, с. VII—XII.

[17] Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г., с. 77, сноска 3.

[18] О нем ничего не говорят и материалы об этом источнике, приводимые в Каталоге изданий по истории Турции, где он зарегистрирован под названием «Вака-и Ибретнюма» («Назидательное происшествие», или же «Поучительное событие»). См.: İstanbul Kütüphaneleri tarih—coğrafya yazmaları katalogları. I. Turkçe tarih yazmaları. 2 fasikul. Türk tarihine ait eserler. İstanbul, 1944, c. 252.

[19] Ф. Р. Унат и Б. С. Байкал сообщают, что Салахэддин Салахи-эфенди занимал пост личного секретаря султана Махмуда I (об этом см.: Abdi tarihi..., c. X; Destârî Sâlih tarihi..., c. IV).

[20] Destârî Sâlih tarihi..., c. IV.

[21] Желтяков А. Д. К вопросу об истоках просветительства в Османской империи. Формирование и развитие светских тенденций в турецкой культуре XVIII — середины XIX в.— Балканские исследования. Вып. 6. Культура народов Балкан в новое время. М., 1980, с. 59.

[22] Здесь и далее в скобках указаны страницы текста хроники в латинской графике.

И. Е. Петросян

ТУРЕЦКИЙ ИСТОЧНИК ТРУДА МАРСИЛЬИ «STATO MILITARE DELL' IMPÈRIO OTTOMANNO»

При работе над переводом и комментарием османского анонимного сочинения начала XVII в. по истории и организации янычарского корпуса автору данной статьи пришлось пользоваться трудом Марсильи «Stato militare dell' Impèrio Ottomanno», впервые опубликованным в 1732 г.[1], а в русском переводе — в 1737 г.[2]. Специалистам по истории средневековой Османской империи как в нашей стране, так и за рубежом этот труд широко известен и неоднократно использовался в научной литературе. В сочинении Марсильи содержится чрезвычайной богатая информация не только по истории османской военной организации, но и по организации всего османского государства. Поражает обилие подробных таблиц с цифровыми данными касательно численности тех или иных подразделений османского войска, придворного штата, статей государственного дохода с перечислением доходов отдельных провинций, статей государственных расходов и ряд других цифровых данных. Столь высокая информированность автора делала и до сих пор делает это сочинение одним из важнейших источников по истории Османской империи.

На русском языке труд Марсильи, как уже отмечалось, появился в 1737 г., т. е. через пять лет после оригинального издания. Факт сам по себе замечательный и означающий, что высокие качества его сразу привлекли к себе внимание в России, где в первой половине XVIII в. интерес к соседней Османской империи диктовался не одними лишь научно-познавательными целями.

Переводчик книги Марсильи в русском издании указан не был, однако его имя в истории русской литературы XVIII в. весьма известно — В. Тредиаковский. Он в 1735 г. был привлечен для работы в Академии наук в учрежденном при ней бюро переводчиков. В. Тредиаковский несколько лет провел во Франции, где выучил французский язык. В 1736 г. барон Корф, тог-

дашний глава Академии наук, поручил ему сделать перевод сочинения Марсильи[3]. В. Тредиаковский сделал его так быстро, что русское издание появилось уже в следующем году. Любопытно, что подготовленная часть перевода была отправлена (как бы мы сейчас сказали) на рецензию Ивану Неплюеву, бывшему русскому послу в Османской империи. В приложенном к переводу письме Корф писал: «...понеже ваше превосходительство в Царьграде довольное время изволили быть, и надеются, что о тамошних обыкновениях и действе не безизвестны находиться можете». Неплюев, вернув перевод, ответил: «..понеже то о древних делах гласит, о которых справка зависит от истории, того ради я помянутое предуведомление при сем возвратно вашему превосходительству посылаю, понеже никакого мнения моего приобщить не могу. А ежели что у того автора коснется до тех времен, в которые в Константинополе жил, о тех, сколько я мог понять, к вашему известию доносить готов»[4].

Несколько позднее И. Д. Шумахер от имени Академии наук послал письмо по поводу перевода В. Тредиаковского А. А. Вешнякову, русскому дипломату, работавшему в Константинополе: «Из последнего с вашим благородием о Марсильевой книге военного состояния Оттоманской порты бывшего разговора примечаю, что в ней как с авторовой, так и с переводчиковой стороны некоторые погрешности находятся. А ваше благородие о состоянии оной Порты довольное знание иметь и о ее поведении известны быть изволите, того ради для большей и всеобщей пользы ваше благородие служебно прошу... на себя сей труд восприять и помянутую книгу, пересмотря все во оной учиненные погрешности, исправить, а выпущенные дополнить, и ваше о всей частореченной книге полезные и благорассудные ремарки Академии сообщить изволили. И ежели бы ваше благородие оные свои рефлексии формою письма или под образом предисловия представить изволили, то б я тогда определение сделал, чтоб сия книга с вашею апробацией и к немалой вашего благородия собственной славе в печать издана была». Неизвестно, читал ли А. А. Вешняков подготовленный Тредиаковским перевод. Во всяком случае, его ответ на это послание Шумахера неизвестен[5].

Такая тщательность в подготовке издания книги Марсильи на русском языке и быстрота ее издания свидетельствуют, с одной стороны, как уже указывалось, о высокой оценке, которая дана была труду Марсильи в среде российских ученых, и, с другой — о высоком политическом интересе к соседней восточной державе, что было связано с новыми внешнеполитическими задачами России на Востоке, сформировавшимися в период царствования Петра I.

Удивительно подробное и полное описание Османской империи, данное Марсильи, ее государственного устройства, воен-

ной системы и состояния финансов с приведением богатейших числовых данных не потеряло своей научной ценности и поныне. В фундаментальной работе по военной организации Османской империи турецкого историка И. Х. Узунчаршылы[6] труд Марсильи, например, неоднократно используется и цитируется. Между тем никто из специалистов, насколько нам известно, не задавался вопросом, откуда почерпнул свои богатейшие цифровые данные автор, принимая как должное глухое упоминание самого Марсильи о каком-то использованном им через переводчика турецком канун-наме[7].

В предисловии к своей книге Марсильи сообщает о себе ряд интересных сведений, которые представляют, на наш взгляд, значительную ценность для выявления источников его труда. Так, он сообщает, что очень рано заинтересовался историей Османской империи[8]. «Чтение различных историй об Оттоманской империи было наиприятнейшее мне упражнение от самых моих молодых лет»[9],—пишет он о себе. Обстоятельства его жизни поневоле сделали его знатоком Османской империи. В 20-летнем возрасте Марсильи приехал в Стамбул вместе с баилом от Венецианской республики сенатором Чюрани и пробыл там 11 месяцев. Находясь в Турции, Марсильи усиленно знакомился со страной и ее обычаями, в особенности, как он сам сообщает, с военным состоянием Османской империи. Одновременно Марсильи начал свои первые наблюдения в области естественных наук. Однако главный предмет его интереса — устройство и жизнь османского государства, грозного военного соседа европейских стран.

Чтобы узнать, что представляет собой османская армия в действии, Марсильи решил поступить на военную службу к императору Леопольду I, где с небольшими перерывами находился с 1682 по 1703 г., дослужившись до генерала. С 1683 по 1699 г. Марсильи принял участие в войне против Турции. В самом начале кампании он был пленен турками и продан в рабство темешварскому паше Ахмеду. Уже с турецкой стороны в составе людей Ахмед-паши Марсильи наблюдал осаду турками Вены, находился в рядах турок, бежавших из-под Вены. В этой сумятице, после смерти своего хозяина, он был захвачен босняками, увезен в Далмацию, а затем, при посредничестве Чюрани, был выкуплен на свободу и вновь поступил на службу к Леопольду.

За время своего пребывания у турок Марсильи смог хорошо ознакомиться с их военным делом и организацией, а кроме того, выучился немного турецкому языку. В 1692 г. он вновь попал в плен к туркам и находился в их рядах во время участия везира Кёпрюлю в австрийской кампании. Вторично освободившись из турецкого плена, Марсильи принял участие в подписании австро-турецкого Карловицкого мирного договора 1699 г.[10].

В 1703 г. Марсильи был разжалован и изгнан с военной службы за сдачу неприятелю австрийской крепости в войне Леопольда за испанское наследство и оставшуюся часть жизни посвятил научным занятиям. Несколько раз он посетил Европу, ряд лет жил в Марселе, где вел наблюдения за физическими и геологическими процессами, протекающими в Средиземном море. В 1712 г. Марсильи подарил своему родному городу Болонье собранные им научные коллекции, которые составили основу созданного там Института науки и искусства. Перу Марсильи принадлежит более 20 научных работ, в основном посвященных естественным наукам. Из них выделяется труд «Физика моря», изданный в Венеции в 1711 г. По мнению современных ученых, эта работа Марсильи дает право считать его подлинным основателем научной океанографии [11].

Биография Марсильи, как нам представляется, демонстрирует характерные черты жизни ряда выдающихся людей второй половины XVII — начала XVIII в. Вне всякого сомнения, Марсильи был разносторонним ученым, характерным порождением наступавшего века энциклопедизма.

Однако вернемся к самому труду Марсильи. Он состоит из двух частей, первая из которых, как указывает в своем предисловии сам автор, написана на основе «Канон-наме» (канун-наме.— *И. П.*), полученного им от турок «за великую цену», и главным образом на той его части, которая касается описания государственных доходов. «Сия книга (канун-наме.— *И. П.*),— пишет в предисловии Марсильи,— объявляет подробно о турецком войске, и находятся в ней все военные уставы». «Помощью одного переводчика,— продолжает он,— который мне оную вытолковал, также и сам имея не усыпное прилежание чтоб ея совершенно понять, выразумел я, что сии уставы не толь много касались до военного учения Оттоманского войска, коль до способа, как оным править» [12].

В предисловии ко второй части, написанной уже главным образом на основании личных наблюдений автора, Марсильи совершенно определенно пишет, что первая часть его книги «есть не что иное, как токмо перевод из Канон-Наме, который для того был потребен, чтобы совершенно уведомить читателя об учреждениях, законах и уставах военного состояния Оттоманской империи. Однако я к оному по местам прибавлял и от себя некоторые главы, которые мне показались, что изъяснят содержание оного Канон-Наме» [13].

Итак, в основу труда Марсильи лег перевод какого-то имевшегося в его распоряжении турецкого сочинения, которое он обозначает словом «канон-наме». Но какого?

Обратившись к тексту первой части труда Марсильи, я обнаружила показавшийся мне чрезвычайно знакомым отрывок. Марсильи описывал эпизод, относя его ко времени правле-

ния султана Сулеймана, характеризовавший изменившееся положение янычар и способ назначения янычарского аги. Марсильи сообщает, что Сулейман отдал приказ Кифиль-Алесси, который был янычарским агой, чтобы тот отправился к великому везиру Синан-паше, так как последний требовал его к себе с большой частью пехоты капыкулу, хотя аге и не надлежало лично участвовать в походе. Когда же этот ага прибыл к Синан-паше, который «направлялся в Весприн ниже Жаварина», то лишен был своей должности янычарского аги. Вместо него «везир определил Емиск-пашу. Чрез сие, корпус сего войска потерял честь, которая всегда при них была, то есть, что Султан сам определял в Аги» [14].

В этом историческом отрывке автор данной статьи увидел нечто очень похожее на эпизод, описанный в сочинении османского историка XVII в. Хусейн-эфенди по прозванию Хезарфен (ум. в 1103 г.х./1691—1692 г.) «Телхис ал-бейан фи Кванин-и Ал-и Осман » («Суть законов дома Османа»). Этот автор, известный своей всеобщей историей под названием «Тенких-и теварих-и мюлюк» («Исправленная [и дополненная] история правителей»), написал свое сочинение «Суть законов дома Османа» в 1669 г.[15]. Отыскав в тексте труда Хезарфена упоминавшийся выше отрывок, включенный Марсильи в свою книгу, я прочитала следующее: «Bin iki tarihinde vezir-i azâm Sinan paşa Besprim (Весприн у Марсильи.— *И. П.*) seferine memur olup Belgrada vardıkta defterhane ve cumhur-i asker gelmek lâzımdır diyü telhis etmeğin memur oldular. Ol asırda Kafa Lalesi (Кифиль-Алесси у Марсильи.— *И. П.*) Bosnavi Mehmed ağa yeniçeri ağasi olunup Yanık seferine memur oldu. Çıkıp Budin hududunda orduya vardıktan sonra Tata muhasırasında Sinan paşa ağalığı Yemişçi Hasan ağaya (Эмиск-паша у Марсильи.— *И. П.*) tevcih eyledi» [16].

Это случайно обнаруженное сходство в описании эпизода Марсильи и Хезарфеном, фиксирующих первый случай назначения янычарского аги не указом султана, а волей великого везира, заставило внимательно сверить текст «Сути законов дома Османа» Хезарфена с текстом первой части труда Марсильи. Сличение привело к выводу, что книга Марсильи в первой своей части представляет собой не что иное, как перекомпонованное, чрезвычайно подробно изложенное содержание труда Хезарфена. Вспомним при этом замечание Марсильи в предисловии к его книге, где он говорит, что текст имевшегося у него турецкого «канон-наме» разъяснял ему некий переводчик [17]. Это означает, что Марсильи в большой степени был зависим в своей работе от точности и добросовестности переводчика, которая, по всей видимости, ему иногда изменяла. Очевидно, только этим можно объяснить ряд погрешностей в пересказе Марсильи содержания труда Хезарфена. Возможно также, что

многие вещи из сочинения последнего автора записывались Марсильи позднее, по памяти, уже без участия переводчика.

Особенно наглядно турецкий источник труда Марсильи обнаруживается при сличении цифровых данных, представленных им в своем труде в виде многочисленных таблиц. Сравнивая эти данные с данными, приводимыми Хезарфеном, автор статьи обнаружил, что Марсильи почти целиком позаимствовал их у Хезарфена, очень редко пропуская или искажая некоторые из них. У Марсильи, например, читаем:

«Доходы первыя конторы

На руках у так называемого Мугасебисы-Эвель, то есть у Генерала Контролора,— 33 010$^1/_2$ кисе 4666 акче.

У Караг-Мугасебисы, то есть у того, который збирает поголовные денги, или годовую подать со всех подданных в Империи, которые не Турки,— 2793 кисе 3469 акче» [18].

У Хезарфена:

«Muhasebe-i evvel — 3308$^1/_2$ kise 4666akçe.
Muhasebe-i cizye-yi gebran — 2793 kise 3469 akçe» [19].

Далее в этом же перечне доходов «первой конторы» идут две статьи, упоминаемые Хезарфеном, но опущенные Марсильи. Это «Muhasebe-i haremeyn al-şerifin» и «Mukataa-i haremeyn al-şerifin». Но уже следующие статьи и цифры, а также очередность самих статей опять почти полностью совпадают.

У Марсильи:

«Менгуфат, или Контролор разных зборов, которые были наложены, однако остались в доимке, имеет — 2757$^1/_2$ кисе.

Мукатасы-Эвель, который ведает конторою некоторых доходов, называемых Мукатаи, которые приходят со многих денежных сумм определенных по всей империи и отданных как в Лену с отягощением,— 1073 кисе 1551 акче» [20].

У Хезарфена:

«Mevkufat — 2757$^1/_2$ kise 9764 akçe.
Mukataa-i evvel — 1073 kise 1551akçe» [21].

У Марсильи:

«Маден-Мукатасы, который принимает доходы с рудокопных мест, и другие зборы с таможен, которые в Смирне, в Хио [Хиос], в Галлиполи, в Брусе, в Смите [Измиде] и в Константинополе,— 1655$^1/_2$ кисе 4920 акче.

Бруса Мукатасы, зборщик многих доходов с оныя камеры, которая в уезде города Брусы,— 304$^1/_2$ кисе 13 279 акче.

Менцук-Мукатасы, зборщик многих доходов, которые определены на многих Солдат от Инфантерии служащих в лопат-

никах во время войны, которые ныне разделены по Заимам и Тимариотам,— 444½ кисе 4509 акче.

Стамбол-Мукатасы, зборщик многих доходов, которые отдаются в Константинополе — 517½ кисе 14 780 акче»[22].

У Хезарфена:

«Mukataa-i maden ma cizya-i Buğdan ve Eflak — 1655½ kise 4920 akçe.

Mukataa-i Brusa — 304½ kise 13 279 akçe.

Mukataa-i mensuh — 444½ kise 4508 akçe.

Mukataa-i İstanbul — 517½ kise 14 780 akçe»[23].

Точно так же преимущественно совпадают статьи таблиц и цифры, приводимые Марсильи и Хезарфеном и касающиеся расходов государства на содержание янычар и других родов придворных слуг. Так, например, Марсильи перечисляет следующие суммы расходов:

на янычар [ежегодно] — 3711½ кисе 1720 акче;

на аджеми огланов — 72 кисе;

на балтаджиев и калваджиев Старого Дворца — 61 кисе 40 000 акче;

на бостанджиев — 179 кисе 2200 акче;

на джебеджиев — 192½ кисе 5692 акче;

на топчиев («топеев») — 139 кисе 93 800 акче;

на тележников и плотников — 21 кисе 11 724 акче;

на серахоров («сараки»), или конюхов,— 150 кисе 29 404 акче;

на чадырджиев («гадир-меттерли»), т. е. на тех, кто ставит палатки,— 38½ кисе;

на матбах-и амире («муртбак-эмен-Джарлар») — 63½ кисе;

ремесленникам (мастерам щитов и стрел) — 34 кисе 3032 акче;

портным («тересн») — 12½ кисе;

знаменосцам — 11½ кисе 4976 акче;

водоносам Дивана — 2 кисе 12 392 акче;

на содержание крепости Азова («Азак») — 51 кисе 4480 акче;

слугам при арсеналах — 150 кисе;

султанским ич-огланам («чюгланам») — 150 кисе;

кадиаскерам — 75 кисе 37 337 акче;

сенгы агалары — 75 кисе 37 337 акче и т. д.[24].

У Хезарфена эти расходы перечислены следующим образом:

жалованье янычар в 1660/61 г.— 3711½ кисе 1720 акче;

жалованье аджеми огланов, находящихся в Стамбуле и Гелиболу,— 31 юк 60 000 акче (в пересчете на кисе это составляет 79 кисе)[25];

жалованье тебердаров Старого Дворца, кухонных слуг и халвовщиков — 79 кисе;

жалованье бостанджиев — 179 кисе 2200 акче;
жалованье джебеджиев — $192^1/_2$ кисе 5692 акче;
жалованье топчиев — 134 кисе 37 080 акче;
жалованье тележников, везущих пушки,— 21 кисе 11 724 акче;
жалованье серраджей султанской конюшни — «yetmiş altı yük yirmi dokuz yüz yetmiş iki akçe» (цифра дана переписчиком ленинградского списка труда Хезарфена с ошибкой, а потому сличение ее с соответствующей цифрой Марсильи невозможно);
жалованье палаточников — 48 кисе 17 972 акче;
жалованье слуг дворцовой кухни — 63 кисе 16 056 акче;
жалованье ремесленников — 34 кисе 32 акче;
жалованье портных — 12 кисе 10 996 акче;
жалованье знаменосцев — $11^1/_2$ кисе 4976 акче;
жалованье водоносов Дивана — 2 кисе 12 392 акче;
жалованье солдат гарнизона Азова — 51 кисе 6480 акче;
жалованье слуг при Арсенале — 150 кисе;
содержание рабов султанского дворца — 160 кисе (далее идет статья, опущенная у Марсильи);
жалованье кадиаскеров — 75 кисе 37 320 акче;
жалованье стремянных ага — 75 кисе 37 320 акче и т. д.[26].

При сличении вышеприведенных цифровых данных Хезарфена и Марсильи становится очевидным почти полное совпадение названий статей таблиц и их очередности, частое полное совпадение самих цифровых данных. Вместе с тем есть и несовпадения, которые, на наш взгляд, могут быть объяснены тем, что Марсильи пользовался трудом Хезарфена через вторые руки, при посредстве переводчика, который мог что-то напутать, особенно при перерасчете сумм из юков в кисе. Возможно также, что эти расхождения объясняются разностью списков сочинения Хезарфена, того, который был использован в данной статье, и того, который находился в руках Марсильи.

В своем труде Марсильи приводит в виде таблиц подробные сведения об административном устройстве и делении Анатолийского и Румелийского бейлербейств с указанием названий санджаков, дохода санджака бейлербея, числа заимов и тимариотов, живущих в каждом санджаке. Все эти сведения (по составу, очередности перечня и цифрам) почти полностью соответствуют данным, приводимым Хезарфеном, с очень незначительными расхождениями[27].

Перечень совпадающих у Хезарфена и Марсильи таблиц касательно различных сторон государственного устройства Османской империи можно было бы продолжить, однако, это выходило бы за рамки объема статьи. Следует отметить при этом, что между отдельными сведениями, приводимыми Марсильи и Хезарфеном, имеются подчас некоторые расхождения, но они могут рассматриваться как очень незначительные.

Несмотря на чрезвычайно близкое к сочинению Хезарфена содержание труда Марсильи не только в части таблиц, но и в части описания отдельных исторических эпизодов и различных сторон жизни османского государства, труд Марсильи не является переводом сочинения Хезарфена. Скорее он может рассматриваться как переложение с использованием основных данных, приводимых Хезарфеном. При этом Марсильи, пользуясь ценнейшими цифровыми данными Хезарфена, внес очень много дополнений, основанных на собственных сведениях и наблюдениях, накопленных им во время своего пребывания среди турок.

Интересным представляется вопрос, почему именно труд Хезарфена был взят Марсильи за основу своего сочинения. По-видимому, это можно объяснить, исходя из факта личного знакомства двух авторов. Из письма Марсильи неизвестному адресату, которое было опубликовано В. Розеном, ясно, что Марсильи был хорошо знаком с Хезарфеном. Он называет последнего «мужем 600 добродетелей» и описывает его как владельца богатейшей библиотеки, как образованнейшего человека, охотно предоставлявшего Марсильи рукописи из своего собрания. Известно, что Хезарфен предоставил ему какое-то турецкое сочинение. В нем, как указывает сам Марсильи, содержались сведения относительно военных законов турок и организации османского двора, истории османского государства [28]. Весьма вероятно, что Хезарфен передал Марсильи список своего собственного труда, который лег в основу книги Марсильи.

Современный западногерманский турколог Р. Анхеггер, основываясь на сведениях, приводимых Ф. Бабингером [29], сообщает, что при написании всеобщей истории Хезарфен пользовался помощью Марсильи и Антуана Галлана, известного французского путешественника и ориенталиста второй половины XVII в., при переводе греческих и латинских источников, использованных им в своей работе [30]. Сам Хезарфен в предисловии к всеобщей истории сообщает лишь о том, что он заказал сделать для себя переводы с греческого и латинского, чтобы включить сведения из источников на этих языках в свою историю [31].

Несколько отвлекаясь от темы данной статьи, следует отметить важность того, что уже во второй половине XVII в. турки-османы, во всяком случае наиболее просвещенные из них, встречались с путешествовавшими по Османской империи европейцами и имели с ними, как это видно из случая с Марсильи и Хезарфеном, довольно тесные контакты. Факт этот, как нам представляется, может служить важным доказательством довольно рано проявившегося у высших слоев османского государства интереса к чуждому им конфессионально европейскому обществу. Конечно, для данного периода можно говорить лишь об эпизодических контактах подобного рода, однако они могли

сыграть свою положительную роль в процессе культурного развития Османской империи в эпоху нового времени.

Широкое привлечение для своего труда материалов сочинения Хезарфена не умалят самостоятельного характера произведения, написанного Марсильи, ибо наряду со сведениями, взятыми им из труда турецкого автора, он использует значительный материал, в основе которого лежали его собственные ценнейшие наблюдения, сделанные во время пребывания в Османской империи. Особенно ценны те из них, которые относятся к области военного устройства и военной тактики турок-османов, так как автор «Военного состояния Османской империи» имел возможность вблизи наблюдать военные действия турок, хорошо ознакомиться с их военным искусством во время одной из самых значительных их военных кампаний XVII в.— осады Вены в 1683 г. Подобное сочетание личного опыта наблюдательного очевидца, человека со склонностью к научным занятиям, и хорошего знания оригинальных сведений, почерпнутых из первоклассного турецкого письменного источника, ставит труд Марсильи в ряд ценнейших работ по истории Османской империи второй половины XVII в.

[1] Stato militare dell' Impèrio Ottomanno, incremento e decremento del Medesimo del signore conte di Marsigli. P. 1—2. Haye—Amsterdamo, MDCCXXXII [1732] (далее — Marsigli).

[2] Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком, сочинено чрез графа де Марсильи. Ч. 1—2. СПб., 1737 (далее—Марсильи).

[3] Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873, с. 66.

[4] Там же, с. 66, примеч. 2.

[5] Там же, с. 66—67, примеч. 2.

[6] Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Devleti teşkilatından. Kapukulu ocakları. C. 1—2. Ankara, 1943—1944.

[7] Marsigli, c. X. Канун-наме — распространенное в османской средневековой литературе название сборников с изложением суммы законодательных установлений, принятых к исполнению в правление того или иного султана. Иногда этим же термином обозначались сочинения, посвященные описанию структуры и организации османского государства.

[8] Марсильи родился в Италии, там же он получил образование. О нем см.: Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966, с. 142; Encyclopœdia Britannica. Vol. 14. Chicago—London—Toronto, 1947, с. 973.

[9] Марсильи, предисл. [без указ. стр.].

[10] Marsigli, с. IX—XII; Советская историческая энциклопедия. Т. 9, с. 142.

[11] Encyclopoedia Britannica. Vol. 14. Chicago—London—Toronto, 1947, с. 973; Grand Larousse encylopédique. T. 7. P., 1963, с. 126.

[12] Марсильи, предисл. [без указ. стр.].

[13] Марсильи, предисл. ко второй части, с. 3.

[14] Марсильи, с. 50.

[15] Anhegger R. Hezarfen Hüseyin efendi'nin Osmanlı devlet teşkilâtına dair mülâhazaları.— «Türkiyat mecmuası». C. 10. 1951—1953. İstanbul, 1953, с. 365.

[16] Hezarfen. Telhis al-beyan fi kavanin-i Al-i Osman, л. 59а. В своей работе я пользовалась рукописью сочинения Хезарфена, хранящейся в руко-

писной коллекции ЛО ИВ АН СССР, шифр Д-217-I. Описание рукописи см.: Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып. 2. М., 1975, с. 75—76.

[17] Марсильи, предисл. [без указ. стр.].

[18] Там же, с. 40.

[19] Hezarfen. Telhis al-beyan fi kavanin-i Al-i Osman, л. 24б.

[20] Марсильи, с. 40.

[21] Hezarfen. Telhis al-beyan fi kavanin-i Al-i Osman, л. 24б.

[22] Марсильи, с. 40.

[23] Hezarfen. Telhis al-beyan fi kavanin-i Al-i Osman, л. 24б—25а.

[24] Марсильи, с. 43.

[25] В этом перечне Хезарфена цифра расходов дана в юках (1юк=100 000 акче). Для удобства сопоставления таблицы Марсильи, где он дает соответствующие цифры в кисе (1 кисе=40 000 акче), с таблицей Хезарфена цифры последнего даны нами в перерасчете на кисе.

[26] Hezarfen. Telhis al-beyan fi kavanin-i Al-i Osman, л. 26а—27б.

[27] См., например, таблицу административного деления Румелийского бейлербейства: Марсильи, с. 93; Hezarfen. Telhis al-beyan fi kavanin-i Al-i Osman, л. 45а—45б.

[28] Rosen V. Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même collection. Rome, 1885, с. 8.

[29] Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1927, с. 228.

[30] Anhegger R. Hezarfen Hüseyin efendi'nin Osmanlı devlet teşkilâtına dair mülâhazaları, с. 368.

[31] Hezarfen. Tenkih-i tevarih-i mulûk. Рукопись ЛО ИВ АН СССР, шифр В 719.

И. Е. Петросян, Ю. А. Петросян

К ВОПРОСУ О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РЕФОРМАТОРСКОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

(некоторые процессы социальной трансформации) [1]

Военные поражения Османской империи в XVIII в. со всей очевидностью продемонстрировали ту степень военно-политической и социально-экономической слабости страны, симптомы которой обнаружились уже в конце XVI в. В XVII в. эти явления нашли свое отражение в сознании отдельных представителей правящего класса империи [2]. Но лишь в XVIII в. были сделаны первые серьезные попытки найти новые пути решения проблем страны. При этом главное внимание султанов и их окружения было направлено на вопросы военной реорганизации Османской империи в целях восстановления ее военно-политического могущества. Разложение военно-ленной системы и потеря боеспособности янычарской пехоты, особенно остро проявившиеся в период русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1792 гг., вновь со всей остротой поставили перед правящими кругами Османской империи вопрос о необходимости проведения реформ. Объективные социальные, экономические и политические причины неуклонно подталкивали султанов и правящую бюрократическую верхушку к реформам, необходимость которых в военной области стала очевидной даже для султанов.

Уже в конце XVIII в. отдельные представители османской бюрократии начинают предлагать некоторые проекты реформ в ряде областей государственной жизни. Это особенно ярко проявилось со вступлением на престол султана Селима III, которому суждено было стать первым султаном-реформатором. Подготовленные по его инициативе в 1792 г. записки (ляиха) группы высокопоставленных сановников государства свидетельствуют о том, что в конце XVIII в. в османской бюрократической среде имелись люди, сознававшие необходимость некоторых реформ в государственных делах [3]. Примечательно, что глава ту-

рецкого посольства в Вене Ратиб-эфенди подал султану записку, в которой впервые за все время существования османской бюрократии прямо писал, что многие беды и недостатки Османской империи проистекают от превосходства военной и государственной организации европейских стран над турками[4].

Конечно, реальное осуществление реформ в такой стране, как Османская империя, могло быть начато в конкретных условиях конца XVIII — начала XIX в. только с санкции самих султанов. Но ближайшее окружение такого монарха, как Селим III, уже выдвинуло ряд крупных деятелей, которые все более отчетливо сознавали необходимость проведения ряда военно-административных реформ. В их числе были ближайшие сподвижники Селима III — великий везир Коджа Юсуф-паша и реис-эфенди Рашид-эфенди, упомянутый выше Ратиб-эфенди и некоторые другие представители османской бюрократии. Начатое по личной инициативе султана проведение реформ сыграло значительную роль в процессе постепенного формирования той новой прослойки в османской бюрократии, которой суждено было стать движущей силой реформаторского движения первой половины XIX в. При этом следует отметить, что попытки военной реформы самого Селима III потерпели практически неудачу, так как круг людей из бюрократической верхушки, поддерживавших идею реформ, был крайне малочислен и слаб. Однако именно первые реформаторские попытки Селима III создавали условия для успеха реформ Махмуда II, которому удалась не только военная реорганизация (уничтожение янычарского корпуса в 1826 г. и начало формирования армии по европейскому образцу), но и ряд реформ в различных областях государственного устройства Османской империи.

В этом важном для ломки феодальных институтов процессе особую роль сыграла новая по умонастроениям прослойка в бюрократической верхушке. На протяжении полувека — от ликвидации янычарского корпуса в 1826 г. и до провозглашения первой турецкой конституции в 1876 г.— бюрократическая среда османского государства выдвинула таких выдающихся реформаторов, как вдохновитель танзимата Мустафа Решид-паша, активные организаторы танзиматских реформ Али-паша (Аали-паша) и Фунд-паша, «отец первой конституции» Ахмед Мидхат-паша. Однако круг лиц, готовых к буржуазным реформам, был значительно шире. Речь идет о сотнях по-новому (в том числе по-европейски) образованных чиновников, разделявших идеи лидеров реформаторского движения. Эта новая — по духу и общественно-политическим стремлениям — категория османской бюрократии была до середины XIX в., до появления другой важной социальной прослойки — молодой турецкой интеллигенции, главной социальной опорой и проводником новых реформ. Эти реформы[5], по мысли их авторов, должны были

обеспечить создание и функционирование ряда новых политических, юридических, военных, социальных и культурных институтов при условии сохранения и упрочения одной из важнейших основ феодального османского государства — неограниченной власти султана в тесном союзе с крупным мусульманским духовенством, при условии незыблемости власти османского султана над покоренными в прошлом нетурецкими народами.

В 30-х годах XIX в. Махмуд II провел в жизнь одно из самых значительных социально-экономических мероприятий — юридическую ликвидацию отжившей свой век военно-ленной системы землевладения. Хотя это мероприятие представляло собой важную аграрную реформу, феодальные методы эксплуатации крестьянских масс, в частности система издольной аренды, сохранились и после реформы. И все же аграрная реформа, начатая в 1834 г., была шагом вперед в прогрессивном развитии страны, явилась важной предпосылкой для ломки феодальных отношений в сфере сельского хозяйства. «В результате этой реформы,— отмечает А. Д. Новичев,— аграрный режим в Турции из феодального стал полуфеодальным. Турецкие феодалы (а также другие феодалы-мусульмане) лишились не только своих военных привилегий, но и налоговых и административных прав по отношению к населению, проживавшему в пределах их ленов. Были созданы предпосылки для ускорения экономического и социального развития деревни» [6].

Из других реформ Махмуда II заслуживают упоминания создание новой системы административного устройства империи, ряд крупных мер в реорганизации системы центральных органов власти, в частности создание министерств внутренних дел, иностранных дел и военного. В период его правления были учреждены постоянные турецкие посольства в ряде европейских столиц, что заложило основы для создания европейского типа системы дипломатических отношений.

Важную роль в процессах, связанных с зарождением и развитием новых, буржуазных по умонастроению социальных сил сыграли реформы в области образования и просвещения [7]. Новые учреждения и веяния в этой сфере повлияли уже на процесс формирования османской бюрократии эпохи танзиматских реформ. Особенно новая светская школа, опиравшаяся на европейский культурный опыт, содействовала появлению новой для Османской империи социальной прослойки — турецкой интеллигенции, которая несколько позже, на заключительном этапе танзиматских реформ и в период борьбы за первую конституцию, становится важнейшей социальной опорой буржуазных реформаторов и конституционалистов.

Училища, созданные по европейскому образцу в первой половине XIX в. в огромной степени с помощью европейских специалистов, готовили строевых офицеров, инженеров и артил-

леристов, медиков и навигаторов, воспитали за первые десятилетия своего существования сотни людей, получивших не только специальное образование европейского типа, но и знание европейских языков. Для этих людей был, таким образом, открыт доступ к достижениям европейской культуры, дан в руки инструмент для изучения социальных и государственных институтов, для освоения передовых для того времени духовных и материальных достижений буржуазных европейских стран.

Говоря о танзиматских реформах 40—60-х годов в рамках интересующей нас проблемы, следует наряду с важными реформами в области системы государственного управления, военного дела и образования особо выделить и охарактеризовать такие инструменты реформы, которые становились школой для новой прослойки османской бюрократии, призванной проводить реформы в жизнь.

Такими инструментами реформ стали довольно многочисленные новые органы государственного управления в столице империи[8]. Прежде всего следует отметить, что европеизация форм государственного управления началась с реорганизации высших светских органов власти — были постепенно учреждены министерства по всем ведомствам государственного управления и сформировался и начал действовать Совет министров. Штаты его канцелярий, как и канцелярий министерств, состояли из многих сотен чиновников, которым постепенно приходилось осваивать практику работы в новых, в определенной степени европейских по форме, учреждениях. Значительную роль в процессе осуществления реформ сыграл созданный еще в 1838 г. Высший совет юстиции. А. Д. Новичев отмечает, что этот совет подготовил ряд «законодательных актов, которые, при условии их проведения в жизнь, несомненно имели бы для страны и ее населения прогрессивное значение»[9]. Это обстоятельство примечательно, ибо свидетельствует о том, что круг деятелей совета объединял многих представителей новой для Турции, прогрессивно настроенной бюрократии. Конечно, не следует переоценивать значение этой стороны деятельности совета, который, подобно многим другим новым по форме установлениям, был продуктов традиционной османской бюрократической среды. И все же деятельность Высшего совета юстиции и других советов, европейские правила и нормы ведения государственных дел, необходимость в связи с этим знакомиться с европейским государственно-административным опытом — все это накладывало свой отпечаток на сознание и умонастроение чиновничьей среды этих канцелярий.

С 1853 г. начал действовать специальный Высший совет танзимата, который в 1861 г. был слит с Высшим советом юстиции (с тремя его отделами — административным, законопроектов и судебным). На базе этого совета был создан в 1868 г.

Государственный совет, ставший важнейшим государственным органом. Его первым председателем был Мидхат-паша, а функции совета, состоявшего из мусульман и немусульман, были весьма широки. Его отделы рассматривали важнейшие вопросы и законопроекты, касавшиеся военного дела, финансов, вакфов, гражданского и уголовного законодательства и судопроизводства, экономики и культуры.

Наряду с этими советами были созданы и действовали Высший совет при сераскере и состоявшее при этом совете специальное Бюро переводчиков, Совет главного артиллерийского интендантства, Совет народного просвещения, Совет публичных работ, Совет по вопросам здравоохранения, Финансовый совет, Совет по делам почты и телеграфа, Совет адмиралтейства, Совет земледелия, Совет промышленности и некоторые другие. Уже сами названия этих советов свидетельствовали о значительно расширившейся области дел османского государственного аппарата, о заметной дифференциации сферы государственного управления. Не все эти советы устойчиво функционировали на протяжении всего периода танзиматских реформ, ряд подобных органов оказался недолговечен, но бóльшая часть действовала активно длительное время.

С деятельностью этих новых органов власти были связаны не только представители крупной бюрократии — члены названных советов, но и средние и мелкие чиновники, из которых комплектовались канцелярии и исполнительный аппарат советов. Поскольку все эти советы создавались с целью обеспечить проведение провозглашенных реформ в той или иной области государственного устройства, бюрократический аппарат советов так или иначе втягивался в процесс проведения конкретных реформ, принимал участие в их обсуждении. В то же время лидеры танзиматских реформ из высшей правящей верхушки были заинтересованы в расширении сторонников реформ в среднем звене столичного бюрократического аппарата. Это был один из важных путей формирования социальных сил, способных обеспечить реальное проведение реформ.

Другим важным инструментом этого процесса являлось приобщение османского бюрократического аппарата к светскому образованию. Реформы в этой области к середине XIX в. привели к появлению (пусть очень немногочисленных) представителей бюрократии, либо получивших образование в новых учебных заведениях, либо сумевших преодолеть ограниченность традиционного образования самообразованием светского типа. Эта группа лиц стала важным источником пополнения сил реформаторского движения.

Наконец, еще одним значительным каналом формирования новой прослойки бюрократии стала созданная Махмудом II система дипломатических сношений европейского типа. Этот

путь обеспечил появление целого слоя высшего и среднего чиновничества, приходившего к идее реформ через личное ознакомление с государственной системой европейских стран.

Появление османской бюрократии нового типа теснейшим образом связано с деятельностью вдохновителя танзиматских реформ Мустафы Решид-паши. Его собственная биография весьма характерна для представителей османских бюрократов— сторонников реформ. Будучи выходцем из очень скромной чиновничьей семьи (отец его был счетоводом в одном из вакфных хозяйств), Решид, подобно многим начинающим бюрократам своего времени, получил место на государственной службе благодаря своим родственным связям. Пройдя службу в различных канцеляриях ведомства великого везира, он в течение четырех лет значительно продвинулся по служебной лестнице и уже в 1834 г. был назначен послом в Париже[10]. Именно последнее обстоятельство делает биографию Решида отличной от биографии османского бюрократа XVIII — начала XIX в. Дальнейший путь Решида — посол в Лондоне и Париже, несколько раз занимал пост министра иностранных дел, многократно становился великим везиром[11] — примечателен тем, что один из ведущих деятелей танзимата прошел ту школу новой османской дипломатии в Европе, которая во многих случаях объективно содействовала (знание иностранных языков, длительное пребывание в различных европейских странах и хорошее практическое знание о них) формированию у молодых чиновников османского дипломатического ведомства реформаторских надежд и устремлений.

В этой связи заслуживают упоминания столь же характерные и важные этапы биографий сподвижников и продолжателей Мустафы Решид-паши, Али-паша — один из наиболее крупных деятелей танзимата — несколько раз посетил Европу, будучи секретарем посольства в Вене, советником и позже послом в Лондоне. Он работал в непосредственном окружении Решид-паши и в 1846 г. занял в его правительстве пост министра иностранных дел. Али-паша оставил этот пост с отставкой Решида и вновь занял его с возвращением Решида на пост великого везира. Примечательно, что позже он принял активное участие в деятельности по распространению естественнонаучных знаний в Османской империи. В частности, он был членом «Энджюмен-и даныш» («Общества знания»), созданного в 1851 г. и скопированного с Французской академии[12]. Дальнейшая деятельность Али-паши в качестве лидера танзиматских реформ 60—70-х годов широко известна[13].

Другой лидер танзимата — Фуад-паша также вышел на сцену политической жизни Османской империи благодаря покровительству Решид-паши, который обратил на него внимание в Бюро переводчиков. Подобно многим питомцам этого извест-

ного учреждения, представлявшего собой характерный институт и инструмент подготовки новой бюрократии, Фуад начал карьеру в Европе, став одним из крупных дипломатов 40-х годов. Именно эта деятельность подготовила его, подобно Решиду и Али, к активному участию в осуществлении танзиматских реформ. Он не раз был министром иностранных дел и великим везиром. Подобно Али-паше, он одно время являлся председателем Высшего совета танзимата, ставшего важным центром рассмотрения государственных дел и проектов реформ [14].

Столь же характерно для биографий ряда других крупных бюрократов периода танзимата близкое личное знакомство с жизнью европейских государств и служба в турецких дипломатических представительствах в Европе. Этим путем прошел и Ахмед Вефик-паша — будущий первый председатель турецкого парламента и один из видных деятелей реформаторского движения. Его биография, пожалуй, наиболее выявляет характерную черту новой бюрократии этого периода — приобщение к светскому образованию и личное знакомство с практикой европейского государственного устройства. Он был выпускником военно-инженерного училища и даже окончил лицей Сен-Луи в Париже. Вефик-паша занимал ряд высших дипломатических постов в Европе, в частности был послом в Лондоне [15]. Эти же черты прослеживаются в биографиях других крупных чиновников периода танзимата — Намык-паши, Риза-паши, Кыбрыслы Мехмед-паши, Садык-паши, Ариф-паши и многих других.

Сказанное не означает, что все крупные чиновники эпохи танзимата проходили именно таким путем, получая светское образование и приобщаясь к достижениям европейской культуры. Огромное число бюрократов того времени ни по своему образованию, ни по характеру подготовки к государственной деятельности не отличались от старой османской бюрократии предреформенного периода [16]. Однако, несмотря на немногочисленность (речь идет не более чем о сотнях людей, а бюрократия страны исчислялась многими тысячами) новой по умонастроению османской бюрократии, активно выступавшей за приобщение страны к европейскому опыту, за усовершенствование институтов государственной машины Османской империи, эта новая часть бюрократии в 40—50-х годах XIX в. заявила о себе как о реальной политической силе. Именно эта бюрократия занимала посты на верхних ступенях правительственной власти и была инициатором в деле проведения ряда важных реформ. В данном случае мы имеем дело с явлением, характерным для «вторичных» буржуазных социальных революций в ряде стран Востока, когда политически немногочисленные, практически не связанные с очень слаборазвитыми буржуазными слоями страны силы могут отражать и отражают в своей деятельности объективные потребности буржуазного со-

циально-политического развития страны. Во всяком случае, очевидно, что социальная и политическая значимость этой части бюрократии никак не определялась числом ее представителей, а той ролью, которую она сыграла в процессе реформирования государственной структуры и правовой системы страны. Ее положение и задачи были весьма сложны и многообразны. Американский исследователь Р. Чемберс пишет: «Турецкая гражданская бюрократия являлась одновременно (речь идет об эпохе реформ.— *Авт.*) объектом и агентом политической модернизации. Она являлась объектом, так как политическая модернизация потребовала новой практики ее комплектования и обучения; переориентации ее целей и ценностей; пересмотра самих понятий лояльности; радикальной перемены в бюрократической структуре государства... она же была агентом политической модернизации в силу того, что гражданские чиновники сами находились в числе турецких модернизаторов»[17]. Появление этой политической силы — отличительная особенность исторического развития Османской империи эпохи танзимата.

Оценивая социальную и политическую значимость деятельности этой бюрократии, следует коснуться вопроса об идейной платформе ее лидеров. Ни у Решида, ни у Али и Фуада не было четко сформулированной программы реформ в виде какого-либо политического документа[18]. Говоря об этих лидерах танзимата, следует тем не менее признать, что они, в особенности Али и Фуад, продолжатели дела Решида, обладали уже определенной системой воззрений на методы и пути преобразования своей страны. Наиболее четко стремления реформаторов выразил Фуад-паша: «Мы должны изменить все наши институты, как политические, так и гражданские»[19]. За этой фразой стояло понимание необходимости реформы социальной и политической структуры государства.

Конечно, объективной основой зарождения и развития реформаторского движения и его идеологии в Османской империи были конкретные экономические и социально-политические условия жизни османского государства этого периода. В условиях ярко выраженной застойности экономики страны, упадка ее военной мощи, уменьшения эффективности основных государственных институтов, значительного экономического и культурного отставания от наиболее развитых стран Европы, резкого усиления национально-освободительной борьбы нетурецких народов империи и возросшего вмешательства европейских держав во внутренние дела страны османские реформаторы стремились проводить такие реформы, осуществление которых по моделям и образцам государственного устройства более развитых стран Европы обеспечило бы политическую модернизацию в интересах сохранения и упрочения османского государства в новых для него социально-политических условиях. Бесспорно

вместе с тем, что всех лидеров реформаторов не в последнюю очередь волновал вопрос о сохранении границ империи, о сохранении власти османского султана над покоренными нетурецкими народами.

Оценивая процесс реформ, проводившихся по инициативе новой по умонастроению османской бюрократии, следует подчеркнуть, что объективно этот процесс вовлекал в дело проведения реформ и часть старой, традиционной бюрократии, а также местного провинциального чиновничества, вынужденного считаться и поневоле учиться новым для них нормам государственного администрирования. Примечательно, что этот процесс коснулся даже такого оплота старого феодального османского государства и его идеологии, как сословие улемов, отдельные представители которого приняли участие в реформах в сфере просвещения в 40—60-х годах [20].

Процесс реформ в Османской империи в XIX в. шел весьма неравномерно. Борьба между сторонниками и противниками реформ в среде высшей бюрократии была очень острой. Она, в частности, ярко проявилась уже в 40-х годах XIX в., когда начатые реформы были фактически прерваны из-за отставки великого везира Решид-паши, вызванной происками реакционеров и консерваторов [21]. Этот эпизод можно оценивать не только как временную победу консервативных сил. Он весьма примечателен и тем, что показывает, до какой степени проведение реформ зависело от личной деятельности представителей бюрократии. Нельзя при этом не согласиться с выводами А. Д. Новичева о том, что «консерваторы обладали большей силой, чем реформаторы. Их влияние на широкие массы турецкого населения, главным образом благодаря духовенству, было несравненно большим и глубоким, базировалось на давних традициях» [22]. Вместе с тем реальностью остается тот факт, что реформы танзимата развивались, несмотря на ожесточенное сопротивление консервативных сил, что эти реформы стали важнейшим этапом социально-политического прогресса, без которого невозможно было бы возникновение в Османской империи конституционного движения 60—70-х годов. Что же касается реформаторского движения эпохи танзимата, то новая прослойка османской бюрократии, претерпевшая серьезные изменения в общественном сознании, образовательной подготовке, социально-политических оценках, являлась в то время единственной реальной прогрессивной политической силой страны и главной социальной опорой танзиматских реформ.

Оценивая роль бюрократии нового типа в турецком реформаторском движении, следует отметить, что в конкретных исторических условиях первой половины XIX в. в Османской империи еще не созрели иные социальные силы, способные стать опорой и двигателем дела буржуазных реформ.

На следующем этапе реформаторского движения в Османской империи, в годы борьбы за первую турецкую конституцию, происходит новый важный социальный сдвиг. Если возникновение бюрократии нового типа означало существенный сдвиг в одном из традиционных социальных слоев османского общества, то появление молодой турецкой интеллигенции было принципиально новым событием — в политической и культурной жизни появляется совершенно новая социальная прослойка, которая с середины 50-х годов постепенно начинает оказывать влияние на общественно-политическую жизнь страны. С рождением этой новой социальной прослойки существенно возрастает значимость тех сил, которые проявляют стремление к экономическому и культурному прогрессу Османской империи. С молодой турецкой интеллигенцией связан (социально и психологически) последний этап танзиматских реформ, хотя внешне — до периода борьбы за первую турецкую конституцию — руководство реформами оставалось в руках столичной высшей бюрократии.

В конце 50-х — начале 70-х годов был проведен ряд значительных реформ, завершивших эпоху танзимата. В их числе были Закон о земле 1858 г., дополненный рядом важных аграрных законов в 1867—1869 гг., законодательства коммерческое (Коммерческий процессуальный кодекс 1861 г.), уголовное (Уголовный кодекс 1858 г.) и гражданское (Гражданский кодекс 1869 г.), значительные законодательные перемены в сфере судопроизводства, расширявшие роль и значение светских судов, преобразования в административной системе (Закон о вилайетах 1864 г.) и реформы, направленные на улучшение и упорядочение деятельности провинциальных органов власти. За эти годы немало изменений претерпели и центральные османские органы власти. В 1868 г. был создан уже упоминавшийся Государственный совет. В конце 50-х — начале 60-х годов был создан ряд новых министерств (юстиции, просвещения, общественных работ, по делам вакфов). В 1869 г. был принят закон о реорганизации вооруженных сил по французскому образцу. Значительные реформы, как отмечалось выше, в рассматриваемый период были проведены в области просвещения — расширение сети начальных и средних светских школ, открытие ряда специальных учебных заведений, создание первого лицея и первого университета.

Реформаторы периода проведения данных реформ постепенно обретали новую опору в лице все более крепнувшей социальной прослойки — молодой турецкой интеллигенции, становление и развитие которой теснейшим образом связано с танзиматскими реформами предшествующего периода, в частности с весьма серьезными сдвигами в области образования и просвещения.

Новая светская школа насчитывала к началу 60-х годов многие сотни учителей, военные и гражданские медицинские школы пополнили ряды интеллигенции значительным числом врачей. Зарождение и постепенное развитие турецкой государственной и частной прессы привели к формированию еще одного отряда интеллигенции — журналистов. Многие по-европейски образованные офицеры, особенно офицеры-специалисты — инженеры, фортификаторы, артиллеристы, навигаторы,— составляли значительную группу военной интеллигенции, которая в вопросах социально-политического и государственного устройства страны стояла на передовых позициях. Из числа прогрессивно настроенной интеллигенции в определенной мере формировались новые кадры столичной бюрократии 60-х — начала 70-х годов. Они попадали в канцелярии министерств и других государственных ведомств, где их пребывание создавало определенную психологическую атмосферу, благоприятную для дела реформ.

Особенно значительную роль сыграло появление в 60-х годах XIX в. турецкой частной прессы, со страниц которой, как известно, стали пропагандироваться идеи европеизации и модернизации государственных институтов страны, прогресса ее просвещения и культуры[23]. Таким образом, на заключительном этапе танзиматских реформ их проведение происходило в условиях появления такого принципиально нового фактора, как общественное мнение. Для политической и общественной жизни страны очень существенным было то, что проблемы реформ вышли за пределы довольно узкого круга представителей бюрократии, стали рассматриваться и обсуждаться деятелями интеллигенции и, что особенно важно, звучать со страниц частных газет. Появление общественного мнения стало тем фактором, который, с одной стороны, был продуктом деятельности молодой турецкой интеллигенции и, с другой — стимулировал процесс пропаганды идей реформ.

Какими путями шел процесс формирования новой социальной прослойки? Характерные черты этого процесса можно сформулировать так: становление и развитие новой светской школы, возникновение первых научных и просветительских обществ, быстрый рост периодической печати, в особенности частной прессы, все возраставшее и резко расширявшееся знакомство с культурными и научными достижениями государств буржуазной Европы. Все эти факторы определяли и стимулировали количественный и качественный рост новой турецкой интеллигенции.

Знакомство с биографиями ряда наиболее видных представителей этой интеллигенции (Намыка Камаля, Ибрагима Шинаси, Нури-бея, Мехмед Эмин-бея, Асаф-бея, Агяха-эфенди, Ахмеда Мидхат-эфенди, Реджаизаде Экрема, Али Суави и дру-

тих лиц[24]) показывает, что новая интеллигенция происходила из различных традиционных социальных слоев османского общества. Вместе с тем очевидно, что значительную ее часть составляли выходцы из военно-бюрократической среды. Эта новая социальная прослойка получила примерно то же образование, что и представители османской образованной верхушки. Но для многих, если не для большинства, примечателен особый интерес к европейской, особенно французской, культуре, хорошее знакомство с ней. Объективные потребности страны определяли пути практической деятельности новой интеллигенции, которая складывалась из преподавателей новых светских учебных заведений, военных специалистов, врачей, литераторов и журналистов.

Представители этих новых для Османской империи профессий в своей непосредственной практической деятельности создавали основы новой, нетрадиционной культуры. Именно в это время в стране происходит особо заметный процесс отхода от средневековых литературных канонов[25], появляется первый профессиональный театр европейского типа[26], получает развитие совершенно новый жанр газетной публицистики. Этот же период отмечен активной пропагандой культурных и политических ценностей западноевропейских стран, получившей свое отражение в многочисленных переводах на турецкий язык литературных образцов Запада, в постановке адаптированных драматургических произведений европейских авторов. Бóльшая часть этой новой интеллигенции, преподаватели гражданских и военных учебных заведений, появившихся в период танзимата, внесли весомый вклад в распространение естественнонаучных знаний в стране, активно влияя на формирование последующей генерации светской интеллигенции.

Важно отметить, что характерной чертой деятельности османских литераторов и журналистов этого периода было сочетание литературной и журналистской работы с государственной службой. И для этой же части новой интеллигенции в особенности характерен особый интерес к общественно-политической деятельности. Достаточно вспомнить в данной связи имена Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля, Зия-паши, Али Суави, Ахмеда Мидхата. При этом главным жизненным интересом этой интеллигенции, даже и находившейся на государственной службе в османских канцеляриях, была литературно-общественная деятельность. В ее представителях не заметно стремления к бюрократической карьере, до тех пор считавшейся наиболее социально престижной. Ее новые стремления — активный интерес к культурной, общественной и политической жизни страны — явился движущей силой их практической деятельности. Инструментом проявления этого интереса и средством его реализации стали литература и журналистика. Именно они позво-

лили вынести на более широкое общественное обсуждение актуальные проблемы жизни страны, в частности значительно расширить круг сторонников реформ. Интеллигенция, таким образом, стала выполнять важную социальную функцию агитатора движения за реформы. Весьма примечательны в этом отношении путь и деятельность Ибрагима Шинаси[27]. Благодаря деятельности этой части новой интеллигенции движение за реформы выходит за пределы правительственных ведомств и канцелярий. Впервые в истории страны идеи реформ, содержавшиеся в бюрократических докладных записках (ляиха) или хатт-и хумаюнах, получают массовое распространение в среде широкой читающей публики.

Важнейшей чертой первых представителей турецкой интеллигенции, как уже было отмечено выше, было их ярко проявившееся стремление к общественно-политической деятельности. Оно получило особенное выражение в попытке создания первой политической организации в Османской империи, известной как Общество «новых османов», большинство членов которой составляли представители молодой турецкой интеллигенции[28].

Известно, что деятельность этой организации стала отправной точкой конституционного движения в Османской империи. День создания этого общества в июне 1865 г. стал, без преувеличения, важнейшей вехой в превращении османской самодержавной империи в конституционно-монархическое государство. Весьма примечателен состав членов Общества «новых османов». По словам Намыка Кемаля, одного из лидеров и идеологов этой тайной политической организации, большинство членов организации и ее сторонников складывалось из военных, моряков, медиков, литераторов и издателей. Костяк организации и ее руководство составляли представители молодой турецкой интеллигенции. Для биографий большинство руководителей характерно то сочетание литературной или журналистской деятельности с правительственной службой, о котором говорилось выше. В этом плане особенно примечательны биографии Намыка Кемаля и Зия-бея. Но говоря о социальном составе общества, нельзя не обратить внимание и на то, что среди его руководителей и особенно активных деятелей было много юношей — выходцев из богатых бюрократических семей, а также ряд крупных военных и гражданских сановников (Мустафа Асым-паша — помощник министра полиции, Омер Нанли-паша — командующий стамбульским гарнизоном и ряд других лиц). В процессе зарождения первой в истории Османской империи турецкой политической организации впервые слились воедино два социальных слоя, возникшие в результате реформ первой половины столетия,— реформаторски настроенная бюрократия нового типа и молодая интеллигенция. Заметим сразу

же, что интересы и устремления этих двух группировок далеко не во всем совпадали. В вопросах реформирования государственного устройства и политической системы страны представители молодой интеллигенции шли гораздо дальше деятелей бюрократии. Именно интеллигенция и ее лидеры (Намык Кемаль, Зия, Али Суави) сформулировали на страницах эмигрантской прессы «новых османов» лозунги борьбы за провозглашение конституции, дали этим идеям теоретическое обоснование. Разный подход различных групп к одним проблемам отразился во многих делах Общества «новых османов», но особенно ощутим он стал в период борьбы за провозглашение первой турецкой конституции.

Слияние двух движущих сил реформаторского и конституционного движения выразилось, в частности, в деятельности лидера конституционалистов Мидхат-паши. Это был типичный представитель бюрократии нового типа, прошедший всю школу танзиматских реформ, человек, пользовавшийся поддержкой Решид-паши. Полгода, проведенные в Европе, укрепили в нем убежденность в том, что страна остро нуждается в действенных реформах. Эта убежденность выразилась в конкретной деятельности Мидхат-паши на разных постах в государственном аппарате империи, где он был одним из самых результативных реформаторов в самой практике проведения реформ [29]. В то же время Мидхат-паша оказался одним из первых бюрократов эпохи танзимата, выступивших в поддержку конституционных идей «новых османов».

Конкретные исторические обстоятельства в развитии Османской империи конца 60-х — начала 70-х годов требовали расширения круга целей и задач реформаторских преобразований в османском обществе. Это диктовалось целым рядом экономических и политических факторов. Постепенное втягивание страны в мировой капиталистический рынок, в процессе которого определялась подчиненная роль Османской империи, превращавшейся в полуколонию развитых капиталистических стран Европы, приводило к неизбежным изменениям в социальной и экономической жизни страны. Национально-освободительные движения этого же периода в экономически и социально более развитых балканских провинциях расшатывали основы политической власти султана и турецкой правящей верхушки. В этот же период с очевидностью выявилось финансовое банкротство страны, резко ухудшавшее ее общее экономическое положение. В то же время внутренняя политика султана Абдул Азиза I и его непосредственного придворного окружения, никак не содействовавшая делу реформ, сковывала реформаторскую инициативу тех представителей бюрократии, которые выступали за расширение сферы реформ. Самым ярким представителем этой группы бюрократии явился Мидхат-паша. Однако непрео-

долимой преградой на пути расширения дела реформ стояла политика Абдул Азиза I, абсолютистская власть турецкого султана. Далеко не «просвещенный» абсолютизм турецких султанов, особенно в лице Абдул Азиза I, а затем и Абдул Хамида II, оказался мощным препятствием на пути установления хоть каких-либо норм, ограничивавших прерогативы верховной власти. Именно поэтому вопрос о форме государственного политического правления, вопрос о прерогативах высшей законодательной и исполнительной власти в стране, впервые выдвинутый молодой турецкой интеллигенцией в лице «новых османов», нашел отклик в среде той бюрократии, которая была движущей силой танзиматских реформ. Идея ограничения власти султана через конституцию и парламент была поддержана этой бюрократией в интересах проведения дальнейших реформ. Так на последнем этапе реформ эпохи танзимата тесно смыкаются две социальные силы, явившиеся выразителями идей реформ рассматриваемого периода. Усиление и расширение социальной базы движения за реформы наряду с рядом внешнеполитических факторов создало благоприятные условия для успеха борьбы за провозглашение первой турецкой конституции 1876 г., которая идеологически была обеспечена многолетней общественно-политической деятельностью «новых османов». В этом успехе не меньшую роль сыграла поддержка Мидхат-паши и его сторонников из среды столичной бюрократии.

Однако провозглашение конституции и созыв парламента не смогли сыграть той роли, которую предназначали этим институтам власти их создатели, видевшие в них непременное условие проведения дальнейших реформ. Кратковременность существования конституции и деятельности парламента показывает преждевременность их появления в Османской империи этого периода, хотя эти события явились важным этапом в ее поступательном развитии. Можно говорить о том, что политическое развитие страны явно опередило ее социально-экономическое развитие, провозглашение конституции вскрыло слабость социальной базы буржуазных реформ. Более того, появление конституции и парламента в этот период особенно остро выявило еще очень крепкую реакционную силу абсолютистской власти султана, которая, защищая свои прерогативы, породила особо тяжелую форму деспотии — режим зулюма Абдул Хамида II. С фактической отменой конституции и разгромом первого турецкого парламента бюрократия нового типа потеряла свою былую политическую роль и перестала быть ведущей силой реформ. Можно говорить о том, что бюрократия нового типа в движении за реформы исчерпала себя к концу 70-х годов как сила, способная вести преобразования в структуре османского государства, что обусловливалось социальной и политической ограниченностью этой движущей силы реформ эпохи

танзимата. Между тем возрастает роль другой политической силы — молодой турецкой интеллигенции, кадры которой составили в конце века политическое ядро и движущую силу младотурецкого движения[30]. Оно уже не отражает верхушечные задачи реформаторского движения, а выражает коренные интересы буржуазного развития Турции.

Анализ социальных сил, являющихся движущими силами реформаторского движения в Османской империи в XIX в., имеет принципиальное значение для оценки характера и направленности этого движения. То обстоятельство, что во главе реформ стояли представители тех слоев, которые по своему характеру и происхождению были еще во многом связаны с феодальным османским государством, тот факт, что буржуазные элементы, уже существовавшие в стране, но еще очень слабые экономически и совершенно бесправные политически, не участвовали в движении за реформы, неизбежно обусловили ограниченность как самих реформ, так и идеологии реформаторов. Вместе с тем, как было показано выше, конкретные условия Османской империи той поры сделали первых реформаторов из среды бюрократии передовой силой общественно-политического развития, способной отражать интересы прогрессивного развития страны. И если эти реформаторы эпохи танзимата смогли подняться до борьбы за провозглашение конституции и создание парламента, то это оказалось возможным лишь в результате влияния и поддержки другой социальной силы — молодой турецкой интеллигенции, которая сама явилась продуктом эпохи реформ.

[1] Эта статья представляет собой текст нашего доклада, зачитанного на симпозиуме в Страсбурге (Франция) в июле 1980 г. и опубликованного в сборнике материалов симпозиума в 1983 г. (см.: Economie et societé dans l'Empire Ottoman, fin de XVIII—début de XX siècle. P., 1983). В этом сборнике по ошибке издателей указана лишь фамилия одного из авторов.

[2] См., например: Смирнов В. Д. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873; Тверитинова А. С. Второй трактат Кочибея.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 6. М.—Л., 1953; она же. Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI—XVII вв.—«Труды XXV Международного конгресса востоковедов». Т. 2. М., 1963; и др.

[3] О них см.: Karal E. Z. Selim III-ün hatt-ı humayunları. Nazam-i cedit. 1789—1807. Ankara, 1946; он же. Nizam-i cedide dair layihalar, 1792.—«Tarih vesikaları». 1942, С. 1, № 6; 1942, с. 2, № 8; 1943, с. 2, № 11.

[4] См.: Faik Reşit Unat. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968, с. 154—162.

[5] О них см.: Новичев А. Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1 (1792—1839). Л., 1968, с. 216—278; он же. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, с. 109—198; он же. История Турции. 4. Новое время. Ч. 3 (1853—1875). Л., 1978, с. 82—254; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967; Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. London—New York—Toronto, 1965; Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964; Berkes N.

The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. C. 5. Ankara, 1961; C. 6. Ankara, 1954; Kaynar R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954.

[6] Новичев А. Д. История Турции. 2. Новое время Ч. 1, с. 232.

[7] См.: Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII— начало XX вв.). М., 1965.

[8] О них см.: Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции..., с. 110—125.

[9] Новичев А. Д. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2, с. 120.

[10] Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, c. 322.

[11] Там же, с. 322.

[12] Там же, с. 34; Lewis B. The Emergence of Modern Turkey, c. 341.

[13] См.: Новичев А. Д. Али-паша — лидер движения за реформы в Турции (танзимата) в 50—70-х гг. XIX в.—«Вестник Ленинградского университета». 1977, № 8, с. 56—64; Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов 50—60-х гг. XIX в. Али-паши и Фуада-паши.—«Народы Азии и Африки». 1978, № 4, с. 118—126.

[14] Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, c. 144—145; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система в Турции..., с. 117.

[15] Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, c. 26—27.

[16] Тодорова М. Н. Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878).—Тюркологический сборник, 1976. М., 1978, с. 153—162.

[17] Chambers R. L. The Civil Bureaucracy (Turkey).— Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964, c. 301.

[18] Об этом см.: Новичев А. Д. Али-паша...; Фадеев И. Л. Основные черты программы османских реформаторов...

[19] Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов..., с. 123.

[20] Chambers R. L. The Ottoman Ulema and the Tanzimat.—Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500. Berkeley—Los Angeles—London, 1972, c. 38—39.

[21] А. Д. Новичев. Борьба между реформаторами и консерваторами в период танзимата (1839—1853).—Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 82—108.

[22] Там же, с. 108.

[23] Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 68—83.

[24] См.: Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi.

[25] См.: Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы. М., 1967.

[26] См.: Фадеева И. Е. Первый турецкий профессиональный театр.—«Народы Азии и Африки». 1972, № 3.

[27] Mardin S. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962, c. 256—275.

[28] Подробнее см.: Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 34—70.

[29] О его деятельности см.: Фадеева И. Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.

[30] Об этом см.: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX— начало XX в.). М., 1971.

Ю. А. Петросян

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЗИЯ-ПАШИ

Один из лидеров турецких конституционалистов 60—70-х годов XIX в. — известный литератор и публицист Абдул Хамид Зия-паша (1825—1881) занимает определенное место и в истории общественно-политической мысли Турции эпохи реформ XIX в. Хотя жизнь и деятельность Зии освещена уже рядом авторов[1], его общественно-политические воззрения специально характеризованы в весьма сжатой форме только в одном известном нам исследовании[2]. В связи с деятельностью «новых османов» и их прессой взгляды Зии частично освещены также в работах А. Д. Желтякова и автора данной статьи[3].

Жизнь Зии и его деятельность (административная, общественно-политическая и литературная) достаточно характерны как один из наиболее типичных для этого времени путей формирования новой бюрократии Османской империи и ее молодой интеллигенции, а также как один из примеров прихода представителей этих двух прослоек к политической и оппозиционной деятельности.

Оценивая характер идейных воззрений Зии, важно представить их на фоне эволюции его личности, тех черт его биографии и характера, которые важны для понимания его взглядов и убеждений. Новые данные источников, собранные, в частности, в труде М. К. Бильгегиля, проливают совершенно новый свет на многие обстоятельства жизни Зии.

Историки мало знали раньше о детстве Зии. Известно было, что он родился в семье стамбульского таможенного чиновника. Из материалов, собранных М. К. Бильгегилем, мы узнаем, что семья Зии обладала таким достатком, что мальчик, поступив в школу, ходил на учебу в сопровождении юноши-черкеса — раба отца Зии, а когда он был отпущен на волю, то к мальчику приставили «дядьку»[4]. С первых же шагов в жизни Зия находился в привилегированной среде. Учился он в специальной «Литературной школе», готовившей юношей для службы в

правительственных канцеляриях. О привилегированном характере школы свидетельствует тот факт, что ее ученики экзаменовались на специальной церемонии в мечети Султан Ахмед в присутствии султана и множества сановников[5]. Юноша получил в детстве, как в домашней, так и в школьной атмосфере, то воспитание, которое было необходимо для его среды и времени бюрократической карьеры. Он пошел по этому пути в 1845 г., окончив школу; в течение двух десятилетий он занимал крупные административные посты. Чтобы правильно оценить его участие в тайном Обществе «новых османов»[6], вступление на путь политического эмигранта и борца за первую турецкую конституцию, надо принять во внимание несколько обстоятельств его службы в султанском дворце и в ведомстве Порты.

Все, что известно о дворцовой службе Зии (1855—1861), говорит о том, что юноша всеми силами старался сделать дворцовую карьеру. И она складывалась удачно. Зия продвигался по служебной лестнице, получил орден. Став известным как поэт, он преподносил свои касыды не только великому везиру и шейх-уль-исламу, но и султанам[7]. Очевидные намерения молодого дворцового чиновника сделать карьеру были нарушены с назначением на пост великого везира одного из наиболее крупных сановников и реформаторов эпохи танзимата — Али-паши (Аали-паши). Современники отмечали, что Зия весьма критически отнесся к новому великому везиру. Так или иначе, но и Али-паша недружелюбно повел себя по отношению к молодому чиновнику[8]. Столь удачно начатая карьера во дворце была навсегда прервана, и с 1861 по 1865 г. Зия занимал ряд административных постов — начальника округа на Кипре, губернатора в Самсуне, члена Высшего совета юстиции, инспектора правительства в Боснии, губернатора в Амасии.

Что же привело человека с такой биографией в тайное Общество «новых османов»? Конечно, Зия не был лишен просветительских идей, его литературные вкусы также были для своего времени в целом прогрессивными. Он владел французским языком и переводил произведения Мольера («Тартюф») и Лафонтена («Телемак»), а также некоторые труды французских историков (в частности, «Историю Андалузии» Виардо) еще в самые первые годы службы во дворце[9]. В это же время он начал переводить «Эмиля» Руссо[10]. Над этим переводом Зия трудился много лет. Продолжая эту работу в эмиграции в Швейцарии в 1870 г., он писал брату, что, переводя «Эмиля», он намеревался «оказать услугу религии и нации, улучшив дело воспитания детей, находящееся у нас в весьма заброшенном состоянии, а также нравственность...»[11].

Это был хорошо образованный для своего времени человек, с литературным дарованием, разделявший убеждения тех ре-

форматоров танзимата, которые стремились к преобразованиям на основе заимствования европейского опыта. Вместе с тем его личные качества и традиции среды постоянно поддерживали в нем стремление к высшим ступеням бюрократической карьеры. Али-паша стал для него не столько олицетворением пороков Высокой Порты, сколько личным врагом, борьба с которым определяла многие годы всю политическую деятельность Зии. М. К. Бильгегиль прав, когда пишет, что все политические статьи и выступления Зии были окрашены крайней неприязнью к Али-паше, которого он представлял как личного врага и наушника султана [12].

В известном публицистическом сочинении Зии «Прошение», адресованном султану, есть одно примечательное место, имеющее, как нам кажется, значение для понимания личности и характера Зии. Он с явной гордостью писал, что происходит из семьи незнатной, не отмеченной почестями и богатством, что предки его «предпочитали богатству честность и прямоту» и сам он воспитан в этом духе [13]. В этих словах Зии звучит призыв к монарху оценивать человека по его качествам, независимо от родословной и материального состояния. В более широком смысле это — обоснование права на бо́льшую карьеру чиновников среднего уровня и молодой разночинной интеллигенции. Сам Зия явно претендовал на то, чтобы его личные качества были оценены султаном по достоинству.

Наконец, последняя деталь биографии и характера Зии, важная для понимания его общественно-политической деятельности и взглядов,— обстоятельства его эмиграции. С этим связан другой важный вопрос — как и когда вступил Зия в ряды «новых османов». Его биографы и историки конституционного движения называют Зию одним из лидеров и идеологов «новых османов». Это верно для эмигрантского периода их деятельности, начавшегося весной 1867 г. Между тем тайное общество возникло в июне 1865 г. Зия в это время был губернатором Амасьи. В Стамбул он был отозван в апреле — мае 1866 г., пять месяцев ждал нового назначения и в октябре того же года вновь стал членом Высшего совета юстиции.

Вскоре Зия начал сотрудничать в оппозиционной столичной газете «Мухбир», изданием которой с января 1867 г. руководил известный публицист Али Суави. Последний был к этому времени членом тайного Общества «новых османов», как и будущий соратник Зии в эмиграции, выдающийся писатель и поэт Намык Кемаль. Газета «Мухбир» сразу же приобрела репутацию «вольнодумной». Она довольно резко выступала против правительства Али-паши. В начале марта Али Суави опубликовал в «Мухбир» статьи с протестом против абсолютизма, призывая султана отказаться от части своих верховных прав. Через несколько дней после публикации статьи Али Суави в

той же газете появилась статья, автором которой принято считать Зию — крупного государственного сановника, члена Высшего совета юстиции. Автор статьи позволил себе крайне рискованные намеки на то, что положение страны можно улучшить, если министры будут отвечать за свои действия перед парламентом [14]. Не следует переоценивать этот факт, даже если он действительно соответствует биографии Зии. И в период открытого участия Зии в борьбе за конституцию он мыслил палату депутатов только как совещательный орган при монархе, незыблемость верховных прав которого будет безусловно обеспечена законом [15]. К этой проблеме мы вернемся ниже, а сейчас попытаемся все же ответить на вопрос: что толкнуло крупного сановника империи, не связанного к этому времени с «новыми османами», на опасное сотрудничество с частной оппозиционной газетой? Не преуменьшая значения возможного критического настроя самого Зии, следует принять во внимание крайне неблагоприятные его личные обстоятельства, которые вновь резко обострили отношения Зии с Высокой Портой и великим везиром Али-пашой.

Служба Зии на Кипре была трудной. Тяжелый климат привел к смерти одного из сыновей Зии, а сам он два года страдал от лихорадки. Двухлетняя служба в столь же неблагоприятном климате Амасьи принесла Зии новую потерю — умерла одна из его дочерей. Служба на Кипре, в Самсуне и Амасье была сопряжена с бесконечными проверками по доносам. Сам Зия, рассказывая о своих назначениях и перемещениях, утверждал, что частые переводы по службе, бесконечные комиссии, проверявшие его деятельность, были результатом интриг и преследований его личных врагов из числа высших сановников, которые порочили его в глазах султана [16]. Бесконечные перемещения провинциальных чиновников, в особенности губернаторов, а также всевозможные виды покровительства или притеснений по службе были нормой для османской бюрократической среды того времени. Пожалуй, Зию толкнуло в лагерь политической оппозиции правительству именно то, что он на своем личном опыте работы в провинции узнал беды страны и пороки системы управления. А поскольку во главе этой системы он видел Али-пашу — многолетнего личного врага,— его оппозиционные настроения были крайне эмоциональны и он готов был видеть в устранении Али-паши от власти панацею от всех бед страны. Таким образом, неприязненные, а порой и враждебные отношения с Али-пашой и его чиновниками, неудовлетворенное личное честолюбие, которое особенно проявляется в тексте «Прощения» Зии, также в немалой степени повлияли на его решение встать на путь открытой оппозиции Высокой Порте.

Зию в лагерь «новых османов» привели, как видно, далеко не однозначные факторы. Можно сказать, что он пришел к

«новым османам» не только как борец за определенные идеи, но и как оппозиционер поневоле, не нашедший путей для диалога с руководителями Высокой Порты. То, что это было именно так, показывает его дальнейшая судьба, особенно годы пребывания в эмиграции. Впрочем, людей с четкой программой действий было среди «новых османов» очень мало. «Новые османы,— отмечает турецкий исследователь М. Кунтай,— были едины не в том, чего они хотели, а в том, чего они не хотели. В том, что они не желали Али-паши, все двести сорок пять (членов общества.— *Ю. П.*) были единодушны» [17]. Неудивительно, что Зия — крупный сановник, уже довольно известный поэт и публицист — сразу же стал в среде «новых османов» одним из лидеров.

На этом фоне следует рассматривать и оценивать обстоятельства сближения Зии с «новыми османами». Во всяком случае, очевидно, что Зия присоединился к ним только в 1867 г. Историк Абдуррахман Шереф-эфенди считал, что Зия был в числе «новых османов» уже весной 1867 г., когда готовился заговор с целью отстранения от власти Али-паши. М. К. Бильгегиль, самым тщательным образом изучивший жизнь и деятельность Зии, соглашается с тем, что Зия вступил в общество «новых османов» до эмиграции, но подчеркивает, что точных данных у историков по этому поводу нет. Между тем есть важное косвенное доказательство того, что Зия до эмиграции организационно еще не был связан с «новыми османами». Член Общества «новых османов» Эбуззия Тевфик-бей, известный впоследствии литератор, утверждал, что Намыка Кемаля — одного из лидеров и идеологов «новых османов» — Зия до апреля 1867 г. лично даже не знал. Эбуззия писал, что они впервые встретились в редакции стамбульской газеты «Курье д'Орьян», издатель которой Сакакини передал им обоим приглашение жившего в Европе в эмиграции османского сановника, египетского принца Мустафы Фазыл-паши, ставшего на первых порах лидером новоосманской эмиграции. Эбуззия утверждал, что Зия присоединился к «новым османам» только в Европе [18]. М. К. Бильгегиль не очень-то убедительно опровергает мнение Эбуззии, утверждая, что Кемаль и Зия «должны были встречаться в „Обществе поэтов"» [19].

Есть основания считать, что Зия принял приглашение египетского принца не в качестве члена тайного общества, а как известный своими антипатиями к великому везиру и литературным дарованием крупный сановник. Это в какой-то мере подтверждается и поведением Зии накануне эмиграции. Буквально за два-три месяца до эмиграции в Европу вместе с Намыком Кемалем (17 мая 1867 г.) Зия усиленно добивался поста председателя комиссии, сопровождавшей турецкие товары на всемирную выставку в Париж. Получив назначение, Зия гото-

вился к отъезду. И тут произошло неожиданное — его назначают губернатором на Кипр. Оно было звеном в цепи предпринятой Али-пашой и его правительством кампании очищения столицы от оппозиционных элементов. В эти же дни закрыли «Мухбир» и сослали в Кастамону Али Суави, а Намык Кемаль получил предписание ехать в качестве помощника губернатора в Эрзурум.

Правительство Али-паши, объявившее в марте 1867 г. о жестких мерах по отношению к прессе, фактически ликвидировавших свободу печати, расправлялось с популярными и опасными правительству журналистами и публицистами. Во всяком случае, очевидно, что весной 1867 г. правительство явно причислило Зию к лицам, пребывание которых в столице нежелательно. Ясно и то, что, начав готовиться к тайному отъезду из Стамбула вместе с Намыком Кемалем, Зия встал на тот путь, на котором его активное участие в деятельности «новых османов» делалось неизбежным. Но и в этот момент Зия «не сжигает все мосты», не теряя, видимо, надежды продолжить карьеру османского бюрократа. Как он сам позже писал, дабы не быть в положении «бежавшего с должности», он счел нужным направить великому везиру прошение об отставке [20]. Тон последующих обращений Зии к султану в годы эмиграции позволяет оценить этот его поступок как подчеркнутое стремление соблюсти правила поведения верноподданного сановника, стремление придать законный характер своей эмиграции.

Зия провел в эмиграции более четырех лет. Именно в эти годы его общественно-политические взгляды нашли свое выражение в газетных статьях и публицистических произведениях. Наиболее полно они представлены в серии статей Зии в газете «Хюрриет» («Свобода») и в его публицистических произведениях, известных под названиями «Прошение» и «Сон». Располагая этими материалами, мы в состоянии представить себе в достаточно полном виде те идейные позиции, которые занял Зия, примкнув к движению «новых османов» и став одним из лидеров конституционного движения.

Надо заметить, что жизнь Зии в эмиграции тоже свидетельствует о его идейной неустойчивости, склонности к компромиссу с султанским абсолютизмом. Нередко его политические поступки имели личные мотивы, в частности неожиданное сотрудничество с египетским хедивом осенью 1869 г., приведшее, в числе других причин, к идейному разрыву с Намыком Кемалем [21]. Пожалуй, одной из характерных черт Зии, вставшего на путь оппозиционной деятельности, была вера в «доброго султана», которая иногда выражалась им в крайне верноподданическом духе.

Чтобы правильно оценить сказанное, следует принять во внимание содержание «Прошения» Зии — публицистического сочи-

нения, созданного в эмиграции и предназначенного для вручения султану Абдул Азизу во время посещения им Лондона. Оно насквозь пронизано стремлением очернить в глазах султана Али-пашу, представить свою судьбу как результат бесконечных преследований Али-паши и его приспешников. Даже свою эмиграцию Зия представлял как отъезд «ради спасения жизни» в результате происков врагов [22]. Изложение автором обстоятельств своего отъезда за границу свидетельствует о том, что он (к этому моменту один из лидеров «новых османов») в данном сочинении предпочел выглядеть патриотом-одиночкой, уважавшим монарха и озабоченным положением страны, управляемой дурными министрами. Весь тон «Прошения» и его содержание свидетельствуют о том, что Зия, подготовив свое «Прошение» втайне от товарищей по эмиграции, все еще рассчитывал на продолжение бюрократической карьеры и приближение к особе монарха. Хотя Зия довольно резко писал о бедственном положении экономики и финансов Османской империи, чиновничьем произволе, налоговом гнете, беззакониях ростовщиков и откупщиков, дурном судопроизводстве и низком уровне народного образования [23], все это он объяснял только личными пороками министров султана. Мысль о том, что источник всех бед и зол — действия «нескольких честолюбцев и фаворитов счастья», буквально лейтмотив «Прошения» [24]. Автор не только не призывал султана к коренным реформам и установлению парламентарного режима, о котором уже открыто говорилось в среде «новых османов», но настойчиво стремился все беды страны свести к действиям неспособных и своекорыстных сановников, окружавших султана и скрывавших от него истинное положение вещей.

Так мыслил Зия осенью 1867 г. Конечно, время, прошедшее до выхода первого номера «Хюрриет» (июль 1868 г.), не прошло для Зии, человека пытливого и наблюдательного, бесследно. Постоянное общение с Намыком Кемалем, чтение новых книг, знакомство с европейской публицистикой, изучение истории и философии, наконец, близкое знакомство с жизнью английского буржуазного парламентарного государства — все это имело большое влияние на формирование взглядов Зии. Во всяком случае, начав работать в «Хюрриет», Зия практически солидаризировался с программными статьями, написанными Намыком Кемалем. Но и большинство подписанных статей самого Зии в «Хюрриет» периода совместной работы с Намыком Кемалем по своей идейной целенаправленности представляют собой наиболее значительные плоды прогрессивной политической публицистики Зии. Это серия статей под общим названием «Воспоминание» (декабрь 1868 — май 1869 г.) [25], а также статьи «О причинах упадка Турции» (июль 1868 г.) и «Поэзия и проза» (сентябрь 1868 г.) [26].

В этих статьях Зия ратует за коренное улучшение системы просвещения, распространение знаний с целью развития экономики страны и благосостояния ее населения, выступает борцом за упрощение турецкого языка, освобождение его от арабо-персидской лексики. Таким образом, Зия был активным участником борьбы идеологов «новых османов» за реформу турецкого литературного языка и превращение его в подлинный инструмент просвещения масс.

Зия выступал на страницах «Хюрриет» как теоретик, анализируя вопрос о происхождении института верховной власти. Он утверждал в серии статей «Воспоминание», что для разрешения разногласий люди первоначально сами выбирали судей в качестве оплачиваемых слуг общества. Когда же возникла потребность в руководителе, который бы защищал общество от врагов, издавал законы и следил за их исполнением, появились монархи, также вначале оплачиваемые слуги общества. Зия утверждал, что со временем первоначальные основы власти монархов были преданы забвению, а народ стал рассматриваться в качестве слуг правителя. Люди жили в незнании того, что они лишены своих естественных прав, подчеркивал Зия, тем более что монополия на учение и знание принадлежала узкой касте избранных. Когда же с распространением цивилизации народы стали просвещаться, они стали бороться за свои права. Этот конфликт, по мнению Зии, лежал в основе многих революций и гражданских войн. Что касается мусульманских государств, то Зия считал, что, пока они выполняли свои функции по выполнению принципов шариата и соблюдению законности, они процветали, а население их жило в богатстве и спокойствии. Зия вообще придавал большое значение законам, которые разрабатываются в соответствии с «характером каждой нации». Он считал, что понятие «свобода» дано человеку изначально богом, а в законах видел гарантию этой свободы, подчеркивая на страницах «Хюрриет», что «свобода всегда связана с законом» [27].

Рассуждения Зии о принципах формирования общества очень напоминают идеи Руссо, произведения которого Зия хорошо знал и неоднократно переводил. Зия считал, что община вообще не отдает судьям свою верховную власть, а делает их постоянно ответственными перед общиной. Этот его тезис близок мыслям Руссо, который в «Эмиле» говорил, что народ не может отчуждать правителю свою свободу. Ш. Мардин отмечает, что в своей интерпретации истории возникновения института правительства Зия пренебрегал, подобно Намыку Кемалю, тем фактором, что в исламе власть — категория божественная, характер которой основывается на положении Корана о необходимости подчиняться власти. Сама теория договора Зии, предусматривающая договор между людьми и судьями, идет враз-

рез с исламской теорией договора между людьми и богом[28]. Зия, подобно многим турецким просветителям и реформаторам эпохи танзимата, пытался в своих теоретических воззрениях синтезировать догматы ислама и идеи французских просветителей.

Известно, что конституционная программа «новых османов» и ее идеологическое обоснование были сформулированы на страницах «Хюрриет» периода тесного сотрудничества Намыка Кемаля и Зии (июнь 1868 — сентябрь 1869 г.). В «Хюрриет» этой поры были не только очерчены основные принципы конституционно-монархического строя в Османской империи, но и охарактеризованы преимущества парламентарной системы, обосновано разделение законодательной и исполнительной власти, принцип выборности высших органов власти. «Хюрриет» вместе с тем теоретически обосновывала совместимость конституционного управления с Кораном и шариатом. Большинство статей издавались в «Хюрриет» без подписи[29]. Вместе с тем известно, что Намык Кемаль писал отцу в августе 1868 г., что газету он «выпускает самолично», что все изданное в «Хюрриет» либо им написано, либо прошло его правку, что «Зия пишет некоторые статьи»[30].

Встает вопрос: в какой мере содержание статей в «Хюрриет» отражало взгляды самого Зии? Данные источников свидетельствуют о том, что в период сотрудничества с Намыком Кемалем Зия находился под идейным влиянием этого убежденного конституционалиста и борца с султанским абсолютизмом. Именно он помогал Зие избавляться от свойственной его натуре неустойчивости во взглядах. Кемаль умел убеждать своего товарища по изданию «Хюрриет», внушать ему свои идеи. Когда же Зия расстался с Кемалем, этот важный фактор личного общения перестал действовать, полный простор вновь получили те черты личности Зии, о которых речь шла выше. Иначе невозможно объяснить ту огромную разницу, которая отличает собственные сочинения Зии от статей в «Хюрриет» периода их совместной работы с Намыком Кемалем.

Это различие особенно бросается в глаза при знакомстве с другим известным публицистическим сочинением Зии. Оно было опубликовано в «Хюрриет» в октябре 1869 г., вскоре после выхода Кемаля из редакции газеты, под названием «Султан Абдул Азиз-хан — Зия-бей — Али-паша», заняв почти целиком номера за 11 и 18 октября. После победы младотурецкой революции оно было издано под названием «Сон Зияпаши».

Очевидно, что к идее конституции и парламентарного режима Зия пришел через значительные колебания. Но и став конституционалистом, он как бы сменил веру в «доброго султана» на веру в «доброго конституционного монарха». Это ярко отразилось в его «Сне».

В отличие от «Прошения» автор «Сна» не скрывал, что он призывает султана созвать парламент. Однако Зия считал при этом нужным подчеркнуть незыблемость всех прерогатив султана, которому парламент будет помогать управлять страной, контролируя министров, чинящих беззакония и произвол [31]. Тема обличения честолюбивых и алчных сановников и в этом сочинении Зии находится на первом плане, явно заслоняя собой весьма умеренный парламентаризм автора. Неспособным министрам и бездарному великому везиру Али-паше Зия посвящает едва ли не две трети своего сочинения, которое кончается сценой смещения Али-паши автором, действующим по поручению султана [32]. Таков был финал грез автора, который и в этом своем публицистическом произведении не поднялся до осознания социальной значимости конституционной реформы. И все же, несмотря на явную ограниченность Зии, который практически сводил дело к устранению власти временщиков и Али-паши, критическая оценка им положения дел в государстве и само признание необходимости установления парламентарного режима в определенной степени отражали общие идеи «новых османов».

Таким образом, идейные воззрения Зия-паши эволюционировали от общих призывов к устранению плохих министров к крайне умеренному парламентаризму, в основе которого лежала вера в «доброго монарха». В период совместной работы с Намыком Кемалем в «Хюрриет» Зия выступал как один из идеологов конституционализма, но идейные позиции его по вопросам теории, а еще более практики управления государством не были достаточно устойчивыми. Во всяком случае, после разрыва с Намыком Кемалем Зия отошел от, казалось бы, совместно сформулированной политической и идейной платформы и предстал перед своими читателями конституционалистом, который защищает и оберегает права монарха больше принципов конституционализма и парламентаризма. Хотя «Сон» содержит призыв к созыву парламента, в целом тон этого сочинения во многом напоминает «Прошение». Оно наглядно свидетельствует о том, что в идейном багаже Зии и после года работы в «Хюрриет», когда ее редактором был Намык Кемаль, изменилось немногое.

Чем же определялась столь очевидная неустойчивость, а порой и двойственность идейных позиций Зии? Думается, что ответ надо искать в столь же очевидной двойственности социального положения и устремлений этого деятеля. Как представитель «новой бюрократии» эпохи танзиматских реформ, он действительно тяготел к идеям улучшения институтов управления, но на основе сохранения основных принципов государственного устройства и монархического строя. Крайне умеренная конституционная программа Зии, его очевидный монархизм опреде-

лялись принадлежностью к бюрократической элите Османской империи. Определенную роль в этом играл и характер Зии — его крайнее честолюбие и карьеризм. Но этот же человек был увлеченным своим трудом литератором, одним из ярких представителей молодой турецкой интеллигенции, поэтом-просветителем, перу которого, в частности, принадлежат и такие строки:

Если ты хочешь познать мир,
Изучай язык Европы,
Наука там в почете,
И ты не избегай знаний.
Надо знать тамошнюю науку;
Оставь фанатизм и суеверия.
Не познав ее, нельзя стать поэтом [33].

Можно сказать, что Зия — писатель и поэт, Зия-интеллигент постоянно боролся с Зией-бюрократом. Многие зигзаги жизни и творчества этого человека объяснимы, пожалуй, именно перипетиями этой внутренней борьбы.

Показательным для характера и линии поведения Зии является один из эпизодов женевского периода его жизни в эмиграции. Весной 1870 г. Зия покинул Лондон, где ему грозил арест за публикацию в «Хюрриет» статьи Али Суави, прозвучавшей как подстрекательство к убийству Али-паши. Продолжив в Женеве издание «Хюрриет», Зия в июне 1870 г. опубликовал на ее страницах несколько неожиданную для него статью «Разница между республиканским строем и единоличным правлением» [34]. В этой статье убежденный монархист Зия, только что защищавший султана на страницах лондонской «Хюрриет», с явным восхищением описывал республиканский строй, при котором соблюдаются законность и гражданские права, а национальное собрание является блюстителем и хранителем закона. Абсолютистский режим в статье Зии представлен как царство произвола. Симпатии автора к республиканскому строю читателю очевидны. Чем же объяснить такой неожиданный поворот во взглядах Зии? Поскольку симпатии Зии к республиканскому строю нигде и никак им более не были подтверждены, остается одно объяснение. Найдя пристанище в Швейцарии после нескольких месяцев мытарств, оказавшись в атмосфере, обеспечивавшей ему надежную защиту против агентов Али-паши, Зия был увлечен окружавшей его действительностью. Он не скрывал ликования по поводу неудачной попытки Али-паши воспрепятствовать изданию «Хюрриет» в Женеве и подчеркивал, что это произошло благодаря свободному республиканскому строю Швейцарии. Автор писал статью, явно поддавшись настроению, которое отнюдь не отражало его устоявшиеся взгляды. Между тем, прочитав эту статью Зии и плохо зная его жизненный путь и творчество, историк легко может сделать неверные выводы о его взглядах.

В идейных воззрениях Зии можно выделить следующие основные черты — совершенствование институтов государственного управления в рамках крайне умеренного парламентаризма и неизменной веры в «доброго султана», просветительство и «европеизация». Он выступал также за сохранение Османской империи и власти турок над покоренными народами [35], был в числе противников экономической и политической экспансии великих держав в империи [36].

Оценивая взгляды Зии в контексте идейной борьбы «новых османов», нельзя не признать, что для общественно-политической и культурной жизни Османской империи той поры даже умеренные политические статьи и памфлеты Зии будоражили общественное мнение, вызывали интерес к проблемам совершенствования государственных и правовых институтов страны. Не случайно произведениями Зии наряду с книгами Намыка Кемаля или Мидхат-паши тайно зачитывалась четверть века спустя прогрессивная молодежь, подготовившая первую турецкую буржуазную революцию 1908 г. Сочинения Зии обладали такими чертами публицистического произведения, как полемичность и эмоциональность. Весьма простой для того времени турецкий язык этих произведений, свободный от арабо-персидской вычурности и усложненности стиля, сделал публицистику Зии активным участником процесса становления новой турецкой литературы.

Изучение взглядов Зия-паши показывает, сколь трудным и сложным был путь идеологов «новых османов» к осознанию необходимости превращения Османской империи в конституционную монархию, сколь различны были их взгляды на будущий парламентарный режим. Зию называют иногда лидером умеренного крыла движения «новых османов». Конечно, это определение весьма условно, ибо идейные течения внутри социально крайне разношерстного движения первых турецких конституционалистов сколь-нибудь точно определить невозможно. Скорее можно говорить о крайней умеренности идейных воззрений самого Зии — крупного бюрократа, для которого положение одного из лидеров «новых османов» было в известном смысле испытанием его личности. Такие люди, как Зия, для которых борьба за личную карьеру во многом была определяющей чертой поведения, приходили в движение «новых османов» не только по убеждениям, но и для борьбы с конкретными носителями административного произвола. Но уже то, что даже эти люди в своей (пусть даже «личной») борьбе с теми или иными министрами или сановниками султана сочли нужным и возможным прибегать к новым для своей страны методам политической оппозиции, свидетельствовало о том, что Османская империя шла навстречу важным социальным и политическим переменам.

[1] Наиболее полная и насыщенная ценным документальным материалом работа — книга турецкого исследователя М. К. Бильгегиля (Bilgegil M. K. Ziya paşa üzerinde bir araştırma. Erzurum, 1970).

[2] Ş. Mardin. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962, с. 337—359.

[3] См.: А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 119—141; Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 103—136.

[4] Bilgegil M. K. Ziya paşa..., с. 6—9.

[5] Там же, с. 7—11.

[6] См. о нем: Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 34—70.

[7] Bilgegil M. K. Ziya paşa..., с. 22—29.

[8] Там же, с. 29—33.

[9] Там же, с. 26—27.

[10] Mardin S. The Genesis of Young Ottoman Thought, с. 338.

[11] Цит. по: Bilgegil M. K. Ziya paşa.., с. 173.

[12] Там же, с. 77—78.

[13] Ziya paşanın arzuhalı. Derisaadet, 1327, с. 6—7 (араб. шрифт).

[14] Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought, с. 25—26; Bilgegil M. K. Ziya paşa..., с. 68—70.

[15] Edib-i muhterem merhum Ziya paşanın rüyası. Derisaadet, 1326, с. 8 (араб. шрифт).

[16] Ziya paşanın arzuhalı, с. 14—16.

[17] Kuntay M. C. Namık Kemal. Cilt 1. İstanbul, 1949, с. 358.

[18] Bilgegil M. K. Ziya paşa..., с. 87—88, 100.

[19] Там же, с. 100.

[20] Ziya paşanın arzuhalı, с. 23.

[21] Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 138—139.

[22] Ziya paşanın arzuhalı, с. 6—22.

[23] Там же, с. 24—26, 47—49, 53—64.

[24] Там же, с. 26—27, 44—45, 67.

[25] Их изложение см.: Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought, с. 341—349.

[26] О них см.: Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 136—137.

[27] Цит. по: Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought, с. 352.

[28] Там же, с. 344, 346—347.

[29] Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции..., с. 121—131.

[30] Там же, с. 120.

[31] Edib-i muhterem merhum Ziya Paşanın rüyası, с. 8, 12—13.

[32] Там же, с. 15—18, 25—39.

[33] Цит. по: Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы. М., 1967, с. 24—25.

[34] Полный текст см.: Bilgegil M. K. Ziya paşa..., с. 165—169; об этом см. также: Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Из истории турецкой «вольной прессы».— «Народы Азии и Африки». 1982, № 2, с. 95—97.

[35] Ziya paşanın arzuhalı, с. 30—38, 45—46.

[36] Там же, с. 47—48, 53—54.

И. Л. Фадеева

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ СУЛТАНА МАХМУДА II
(первая треть XIX в.)

На рубеже XVIII и XIX столетий внешнеполитическая и внутренняя ситуации в Османской империи складывались таким образом, что отдельные нововведения в военной области, в сфере культуры и быта, практиковавшиеся в прошлом в рамках традиционной государственной структуры, уже не были достаточными для поддержания ее жизнеспособности. Необходимость в более существенных преобразованиях социально-политических институтов османского общества сделалась для правительства первоочередной проблемой, поскольку от этого зависела теперь дальнейшая судьба империи. Внутренний упадок некогда могущественной военной державы отразился на боеспособности ее армии. Войны с Россией второй половины XVIII в., закончившиеся для османского государства большими территориальными потерями и значительными политическими уступками, дали повод к последовавшему в XIX в. вмешательству европейских держав в дела турок. Военные поражения усугубляли тяготы и мусульманского, и христианского населения. С ослаблением авторитета центрального правительства усиливался произвол местных властей, а вместе с ним социальный и экономический гнет. В этот период активизировались фактические хозяева отдаленных провинций — аяны и деребеи, мало считавшиеся с Портой. Более успешной стала борьба за национальную независимость христианских народов Балкан, которым Россия оказывала поддержку.

Национальное самосознание христиан Османской империи сформировалось раньше, чем у турок и других мусульманских народов. К моменту турецкого вторжения на Балканы в XIV—XV вв. христианские народы имели более высокий социально-экономический и культурный уровень развития, чем завоеватели. В течение нескольких столетий им принадлежала актив-

ная роль в экономической и культурной жизни османского общества, они поддерживали постоянные и разнообразные контакты с Европой. На службе османского правительства, особенно в первые века существования Османской империи, было немало выходцев из христианской среды. Развитие культуры и сохранение национальной самобытности в немусульманских общинах обеспечивались благодаря религии, помогавшей покоренным народам выжить и противостоять исламизации, которой все же подверглись часть славянского населения Балкан и другие христианские народы. Но та же церковная иерархия, которой были подчинены славяне Османской империи, стала тормозом для их национального развития в новое время, когда возникли предпосылки их экономической и политической независимости. В XIX в. славянам приходилось бороться не только против турецкого господства, но и с засильем греческого духовенства, занимавшего ключевые позиции в православной иерархии и препятствовавшего свободному развитию их национальной культуры.

Но и среди мусульманского населения империи не было единства. В Аравии султанскому владычеству угрожало зарождавшееся арабское объединительное движение. Его возглавила религиозная секта ваххабитов, основанная проповедником Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом в середине XVIII в. Ваххабизм был сверхортодоксальным течением в исламе, хотя по некоторым чисто формальным признакам его сравнивали с течениями европейской Реформации[1]. Он угрожал единству империи, так как ваххабиты противопоставляли арабский элемент турецкому, выступали против стамбульского правительства за объединение и независимость арабов[2].

В таких условиях для правительства все более настоятельной задачей становилось сохранение целостности Османской империи, назревала потребность в новых политических идеях, способных объединить и примирить всех подданных, без различия их этнической и религиозной принадлежности. Требованиям времени могла бы удовлетворить лишь некая идеология компромисса, в основе которой лежала бы доктрина равенства. Понятия о равенстве, уравнительные тенденции применительно к единоверцам содержатся в догматах ислама. Их более широкое, новое истолкование и распространение на иноверцев было привнесено начавшимся в XVIII в. процессом европеизации, хотя сами османские государственные деятели искали поддержки своим новым идеям в Коране и ссылались на него. Процесс европеизации, в XVIII—XIX вв. охвативший многие страны Востока, был ускорен воздействием Французской буржуазной революции. Воздействие это проявилось не сразу, значительно было растянуто во времени и опосредовано спецификой политического развития не только Османской империи и самой

Франции, но и других европейских государств, равно как и европейской политикой в целом.

В первые три десятилетия XIX в. у османского правительства не было четко оформившейся концепции равенства, хотя уже тогда имели место практические попытки некоторых наиболее смелых и дальновидных политических деятелей смягчить возраставшую остроту противоречий среди различных народов, населявших Османскую империю. А. Ф. Миллер приводит в своей книге примеры подобных указов великого везира Мустафа-паши Байрактара[3]. В русской печати того времени отмечалось презрение Байрактара к обрядам религии и вековым предрассудкам своих соотечественников[4]. Конечно, указы Мустафа-паши были знамением времени, даже полстолетия назад они казались бы немыслимыми, настолько шли вразрез с установившейся многовековой практикой, освященной традициями ислама.

Контуры зарождавшейся новой идеологии становятся более заметными в эпоху правления султана Махмуда II (1808—1839), когда начал меняться традиционный уклад жизни османского общества и определился ранее неизвестный подход к важнейшим внутриполитическим проблемам.

В XIX в. Османская империя была государством полиэтническим с несколькими полуавтономными религиозными общинами. В этом государстве господствовавшая народность — турки не составляли большинства, а процент христианского населения был значителен[5]. Ведущая роль в экономике принадлежала не туркам. Основные поступления в бюджет государства и в начале, и в середине XIX в. давали налоги с немусульман и дань с подвластных провинций мусульманских и христианских. Некогда богатая и влиятельная османская городская верхушка в XIX в. уже не была господствующей социально-экономической силой города, как в предшествовавшие столетия, что было связано и с общим упадком государства, и с ослаблением центральной власти. Эту верхушку вытеснила буржуазия подвластных народов[6]. В XVIII в. цеховая ремесленная организация в христианских провинциях уступила место мануфактурам капиталистического типа. Однако господствовавшая в османском государстве политическая система препятствовала дальнейшему развитию капитализма в балканских провинциях[7].

Имел значение и демографический фактор. Мусульманское население поредело вследствие почти непрерывных войн XVIII и XIX вв., тогда как христианское население численно возрастало. Буржуазия отдельных балканских народов — греков, болгар, сербов — наряду с собственным экономическим утверждением начала играть все более активную роль не только в делах своей общины, но и в деятельности местной администрации. В то же время господствующая народность — турки — в социально-экономическом отношении развивалась медленнее. При

этом полуавтономные христианские миллеты[8] не были равноправны с мусульманами. Это не означало систематического преследования или угнетения христиан мусульманами. Неэффективность и коррумпированность властей часто были не менее тягостны для турок и арабов, чем для христиан. Паши и сборщики налогов придавали значение более деньгам, нежели религии. И все же бесспорно, что христиане по-прежнему рассматривались и правительством, и мусульманским населением как подданные второго сорта. Существовали обязательные различия в одежде. Бывали случаи, когда Порта отказывала в разрешении ремонтировать христианские церкви. Мусульманские законы карали смертью за переход мусульманина в другую веру. Христианам, несмотря на их значительно возросшую роль в экономической жизни государства, не были доступны высшие административные ступени власти, они, хотя и не служили в османской армии, обязаны были платить дополнительный налог за освобождение от воинской повинности. Свидетельство христианина в шариатском суде не имело того же значения, как свидетельство мусульманина.

Таким образом, очевидно, что ни исламская концепция государства, ни практика в начале XIX в. не способствовали психологической установке на равенство подданных Османской империи, что решение этого вопроса наталкивалось на множество препятствий. И все же появление новых политических воззрений в правящих кругах османского государства эпохи Махмуда II было обусловлено следующими факторами: христианские народы империи быстро усваивали западные идеи о свободе и национальном развитии, а так как образование, экономический и культурный уровень среди них росли, они тяжелее страдали от бесправия. Кроме того, они пользовались поддержкой некоторых великих держав, и в первую очередь России, которые традиционно выступали как защитники христиан на Ближнем Востоке, побуждая Порту к переменам в пользу христиан. Далее, османские государственные деятели, которые хотели остановить упадок империи и начавшийся ее распад путем проводившихся в русле европеизации реформ, неизбежно должны были столкнуться с проблемой равенства, поскольку они намеревались адаптировать к местным условиям элементы западной государственно-политической системы. Хотя в начале XIX в. вопрос о равенстве христиан, мусульман и евреев не был главным для этих государственных деятелей, он был связан со многими другими проблемами реформ и европеизации османского государства, будучи, как уже говорилось, и объектом международных отношений. Поэтому в XIX в. вопрос о равенстве подданных становится частью османской официальной политики.

Среди славянских народов сербы первыми добились от Порты льгот и уступок. В 1830 г. в подтверждение Аккерманской

конвенции от 7 октября 1826 г.[9] был издан хатт-и шериф о Сербии. В нем объявлялась полная свобода вероисповедания для сербского народа в соответствии с прежними русско-турецкими договорами. Разрешалось строить церкви на всей территории Сербии. Сербам было предоставлено право самим избирать своих митрополитов и епископов (раньше их назначал константинопольский патриарх). В этом указе говорилось, что «ни один серб не может быть насильственно обращен в ислам». Те из сербов, которые приняли ислам, но остались жить в Сербии и впоследствии вернулись к христианству, не подлежали преследованию османских властей[10].

Сходные льготы по той же конвенции и русско-турецким договорам 1812 и 1829 гг. получило население Молдавии и Валахии. Предоставляя сербскому духовенству право независимости от греческой церкви, Порта имела в виду использовать ее как возможный источник разногласий среди христианских народов, чем она в дальнейшем умело манипулировала. В 1831 г. султанское правительство признало обособление армяно-католической общины и предоставило ей равные права с другими религиозными общинами. Это решение обосновывалось довольно любопытным аргументом: «Согласно Корану, все реайяты[11] имеют одинаковые права и привилегии и только мусульмане являются их хозяевами»[12].

Как уже говорилось, многие причины побуждали султана не только не обострять отношения с христианами, но и попытаться привлечь их на свою сторону. Он вознаградил население некоторых островов Архипелага, не принимавшее участие в греческом восстании 1821—1827 гг. Жителям их было роздано 200 бурсов (кошельков), что составляло 100 тыс. пиастров, для уплаты налогов в льготные сроки без процентов[13]. Тем христианам, которые принимали участие в политических событиях и оказывали содействие русским войскам в войне 1828—1829 гг., было даровано прощение. Турецкая газета опубликовала текст султанского фермана от 1829 г. об амнистии, дарованной реайя Адрианополя (Эдирне) и Болгарии[14]. В секретной записке российскому канцлеру К. В. Нессельроде временный поверенный в делах в Константинополе барон Р. Рикман писал: «Порта в последнее время прилагает усилия для привлечения реайя на свою сторону, стараясь уменьшить их глубокое закабаление и приобщить их если не ко всем, то к большей части преимуществ, которыми пользуются мусульманские подданные... Именно поэтому она выделила 500 тыс. пиастров в подарок греческим церквам и монастырям в Иерусалиме, именно поэтому она предоставила значительные суммы жителям районов, опустошенных последней войной, поэтому она дала предписание местным властям сохранить имущество тех болгар, которые эмигрировали, дабы они могли его получить, если захотят вер-

нуться к своим очагам. Уверяют также, что Порта издала указ возвратить жителям некоторых островов Архипелага их дома и имущество, захваченные во время греческого восстания, и освободить их от налогов в течение пяти лет. Известно,— продолжает Р. Рикман,— что очень широкие привилегии в отношении торговли и мореплавания будут предоставлены как туркам, так и реайя без всякого различия и что в целом обе эти категории подданных будут поставлены в условия совершенного равенства» [15]. Следует заметить, что, как правило, российские дипломаты скептически относились к возможности проведения реформ в Османской империи и к способности Порты осуществить принцип равенства. Однако в рассматриваемый период этот вопрос впервые был поставлен в правительственных указах. Поэтому представляются не вполне обоснованными выводы тех историков, которые полагают, что Махмуд II не был сторонником равенства народов своей империи, что «в государственных актах нет доказательств его новой национальной политики» [16].

Хранящиеся в Архиве внешней политики России указы Махмуда II, публиковавшиеся в стамбульских газетах 30-х годов, позволяют изменить оценку некоторых аспектов внутренней политики султана. Безусловно, у самого Махмуда II или даже у самых просвещенных его единомышленников, таких, как Халиль-паша, позднее Садык Рифат-паша и Мустафа Решид-паша, не было и быть не могло концепций равенства, аналогичных европейским, хотя бы в силу различий между османским обществом, формировавшим этих людей, и современным им европейским. Не только в эпоху Махмуда II, но и несколько десятилетий спустя, на протяжении всего XIX века, государственные деятели Османской империи предпочитали дифференцировать население по религиозному, а не по национальному признаку, себя же именовали османами; длительное время в официальных документах не употреблялось слово «турки», хотя они, конечно, и тогда сознавали этнические различия не только среди христиан, но и среди мусульман. Социальная дифференциация османского общества была иной, чем в странах Европы [17]. Поэтому о национальном и социальном равенстве в европейском смысле не могло быть и речи. Вопрос ставился тогда о религиозном равенстве и равенстве подданных перед властью и законами, которые надлежало разработать и начало которым было положено ферманами Махмуда II. Но и такая постановка вопроса, как это будет видно в дальнейшем, порождала массу проблем, многие из которых оказались неразрешимыми. Однако в 30-х годах, когда со всей очевидностью появилась необходимость в решении этого вопроса, ни у самого султана, ни в Порте не возникали сомнения в возможности предотвратить дальнейшие восстания христианских народов путем законода-

тельного упорядочения отношений между различными категориями населения, а также между населением и местной властью. Это был новый подход к столь сложной проблеме, что не ускользнуло от внимания российского дипломата. «Подобные меры и благодеяния,— сообщал он,— почти не имеют примеров в анналах этой империи и свидетельствуют о повороте его величества к чувствам справедливости и благожелательности к подданным-христианам, что может ему снискать их признательность. Это не есть следствие одной только мудрости и филантропии султана, а есть результат последних событий, происшедших в Европе» [18].

Одним из самых распространенных поводов к возмущениям христиан были бесчисленные злоупотребления турецкой администрации всех рангов. Стремясь примирить подданных с властью, Махмуд II боролся с вымогательствами при сборе налогов, коррупцией в административном аппарате и судопроизводстве. Подобные действия не были чем-то новым в практике султанов и Порты. Но раньше эти меры не ограждали специально христиан Османской империи. Ферман 1833 г., адресованный губернаторам Румелии (а позднейшее дополнение относилось к представителям Высокой Порты других провинций), особо выделял христианских подданных султана. В преамбуле говорилось, что ферман «его величества султана, августейшего повелителя, адресуется губернаторам провинций с той целью, чтобы ни одна несправедливость не коснулась бедных подданных-реайя, вверенных его попечению, чтобы они всегда наслаждались спокойствием под его высочайшим покровительством» [19]. Впервые в практике османского правительства здесь предусматривалась четкая процедура разбора жалоб христианского населения против любого административного лица. «Если жители провинции, города или деревни подадут жалобу на административное лицо, кем бы оно ни являлось: пашой, мирмираном [20], мюселлимом [21], воеводой и т. д., Диван не должен ограничиваться разбором этой жалобы в Стамбуле, ибо этого недостаточно для выяснения истины, он должен незамедлительно назначить комиссию уполномоченных, отъезд которой следует сохранить в тайне. Комиссия обязана произвести самое тщательное расследование на месте, чтобы максимально точно узнать о поведении того должностного лица, о котором идет речь, и о степени обоснованности поданной на него жалобы. Жители данного населенного пункта должны быть выслушаны, а их доказательства приняты во внимание. Если указанные факты будут подтверждены и не окажется никакого сомнения в их достоверности, то носители власти, осмелившиеся препятствовать предписаниям государя о выполнении служебных функций в духе гуманности, умеренности и справедливости, подлежат незамедлительному и суровому наказанию» [22].

Ферман 1833 г. уже содержал те положения, которые позднее вошли в текст османского уголовного кодекса. В этом указе запрещались самоуправство и произвол в отношении как мусульман, так и христиан, даже если их вина не вызывала сомнения. «Если мусульманин или реайят будет обвинен в правонарушении или преступлении, то местные власти должны ограничиться арестом и заключением обвиняемого в тюрьму, где он должен содержаться до окончания расследования всех обстоятельств дела. После того как будет выяснено, справедливо ли обвинение, или оно есть результат личной неприязни, губернатор обязан выслать свой рапорт правительству, которое решит, необходимо ли повторное расследование. Ни в каком случае губернатор не имеет права проливать кровь подданного, вверенного его защите. Если преступление обвиняемого будет доказано и на основании наших священных законов его признают виновным, то и тогда смертный приговор не может быть приведен в исполнение, прежде чем его утвердит правительство в Стамбуле»[23].

Хотя французский перевод фермана, опубликованного в газете «Монитёр Оттоман», придает европейский стиль некоторым его формулировкам, но и в самой структуре его можно проследить влияние европейской законодательной мысли. Еще одним новшеством в сложившейся многовековой османской практике служебных отношений, зафиксированным в фермане 1833 г., было строгое предписание относительно оплаты расходов служебных лиц и их содержания во время поездок по империи. «Все официальные лица государства, кем бы они ни были: везиры, мирмираны и т. д., имеющие надобность в поездках по империи, покупают необходимые им съестные припасы на собственные деньги, а бедные не должны снабжать их даром». Заканчивался ферман обращением к властям любого ранга с требованием, чтобы «все подданные, и мусульмане и реайя, были избавлены от притеснений и обид, постепенно укоренившихся в административной практике, что во все времена противоречило священным мусульманским законам и что противно личной воле султана»[24].

В приведенном фермане достаточно четко выражена тенденция уравнять положение мусульман и христиан в ходе судебного расследования. В нем обозначены и некоторые идеи социальной справедливости, но ничего не сказано относительно тех юридических норм, которыми руководствовался шариатский суд при разборе конфликтов между мусульманами и христианами. Более того, ферман опирается на «священные мусульманские законы», которые, рекомендуя воздерживаться от эксцессов и чрезмерного притеснения реайя, никогда в действительности не уравнивали последних с мусульманами, а достаточно ясно выражали презрение к иноверцам. Вследствие этого

в фермане 1833 г. и подобных ему последующих указах содержалось внутреннее противоречие.

В январе 1834 г. был опубликован еще один ферман, адресованный везирам, мирмиранам, муллам, кади, аянам, воеводам и главам общин в провинциях Анатолии и Румелии, запрещавший взимать налоги сверх сумм, установленных законом, запрещавший произвольные поборы, вымогавшиеся под различными предлогами в судебных процессах, а также на содержание чиновников, эмиссаров правительства и т. д.[25]. Согласно новому указу предписывалось производить сбор налогов с населения два раза в год равными частями. Взимание налогов в промежутках между установленными сроками запрещалось. Запрещались разного рода злоупотребления и приписки в местных бюджетах по статьям административных расходов, которые возлагались на самих чиновников. За нарушение указа предусматривалось строгое наказание виновных, а незаконно полученные суммы подлежали изъятию и возвращению тем лицам, у кого они были изъяты. В указе говорилось: «Суммы налогов не должны превышать того, что установлено законом, а распределять их следует в соответствии с положением и возможностями каждого из моих подданных мусульман и реайя, богатых и бедных»[26].

Далее речь шла об упорядочении сбора хараджа, который платило христианское население. Должность сборщиков хараджа упразднялась. Новый указ предписывал учредить в каждой провинции, в каждом уезде комиссию в составе кади, мюселлима или воеводы и членов христианских общин. Без санкции именитых реайя, входивших в комиссию, никто не мог быть освобожден от уплаты этого налога. На билетах хараджа кроме печати кади и административных властей полагалась подпись нотаблей реайя. В связи с новым порядком взимания налогов каждая община должна была представить точный список всех ее членов. Деятельность комиссии предполагалась на общественных началах. Все прежние поборы на содержание штата по сбору налогов отменялись. В соответствии с материальным положением и состоянием здоровья реайя подразделялись на три категории. Первая платила 60 пиастров, вторая — 30 и третья — 15 пиастров в год с каждого мужчины, что равнялось примерно 16, 8 и 4 фр. фр. Все остальные налоги христиане должны были платить наравне с мусульманами в зависимости от размеров и качества имевшихся в их владении земельных участков или от выполняемой ими работы. При этом учитывалось имущественное положение облагаемого населения, которое также подразделялось на три категории.

В фермане содержались обычные ссылки на мусульманские законы, но характерно, что здесь они также истолковывались в пользу реайя: «Выполнение законов ислама — священный

долг, необходимая обязанность для всех. Всякий государственный служащий, который будет уличен в злоупотреблении служебным положением или в притеснении реайя, рассматривается как бунтовщик против религии и воли султана». Далее пояснялось, что мусульманские законы запрещают всякие налоги и поборы с больного, искалеченного или престарелого райята из сострадания к несчастным, которым аллах велит помогать» [27]. Следует заметить, об этом уже упоминалось, что великий везир Мустафа-паша Байрактар ранее издавал указ, предоставлявший духовенству христианской общины сбор хараджа, однако в приведенном указе Махмуда II более четко установлен порядок взимания налогов и христианское население дифференцировано в соответствии с имущественным положением. Указы султана грозили суровыми наказаниями в случае их несоблюдения, и тем не менее повторение из указа в указ некоторых требований свидетельствует об их недостаточной эффективности. К нарушителям применялись строгие меры. В газете «Таквим-и векаи» сообщалось, например, о смещении с постов губернаторов Берковца и Софии вследствие жалоб христианского населения на творимые ими бесчинства [28].

В одном из последних указов Махмуда II, изданном в 1838 г., незадолго до смерти султана, прямо говорится о систематических нарушениях предписаний правительства: «Многочисленные примеры свидетельствуют до сего дня о твердой воле султана осуществлять справедливость во всех пределах его империи ко всем категориям его подданных.

Однако вопреки его неоднократным приказам, вопреки даже актам суровости, которые вызывало их несоблюдение, жалобы продолжают поступать к правительству, а в последнее время его величество был уведомлен о том, что в некоторых районах Румелии могущественные собственники, движимые гнусностью личного интереса, этого бича всех стран, позволяют себе притеснять бедное население и творить над ним произвол... С целью положить конец непрекращающимся злоупотреблениям, столь противоречащим отеческим заботам его величества о своих подданных, недавно был издан ферман, предписывающий всем мюширам [29], пашам и прочим должностным лицам обратить серьезное внимание на поведение свое и своих подчиненных. Ферман предупреждает о суровом наказании за первое же должностное преступление, о котором станет известно султану» [30].

Из приведенных указов видно, какие трудности стояли на пути реформ и общественных преобразований даже в правление такой незаурядной личности, каким был Махмуд II. Вопреки ссылкам на мусульманские законы и традиции подобные указы лишь раздражали местную администрацию, тормозившую их выполнение. Новшества султана враждебно восприни-

мались и многими столичными сановниками, дорожившими инерцией установившихся обычаев. «На престоле султана удерживает лишь пиетет к его роду и опасения превратностей регентства[31]»,— писал российский представитель в Стамбуле[32].

Оппозиция, хотя и вынуждена была принять новые порядки, не смирилась с ними внутренне и готова была в любой момент вернуться к старому. «Идеализирующие прошлое, которое они не могут воскресить, многие из старых турок, и среди них бо́льшая часть улемов, сожалеют о старых обычаях, своих прежних привилегиях и костюмах. Люди этой категории, до сих пор обнаруживавшие полное безразличие к делам христиан, как вследствие невежества, так и по причине фанатизма, вот уже некоторое время принимают активное участие в нововведениях, которые приходят из-за границы, и предаются с известной услужливостью доктринам, которые здесь проповедуются. Они их не воспринимают всерьез, как это полагают (имеет в виду европейцев.— *И. Ф.*), а стараются лишь подражать султану, задумавшему все это, чтобы цивилизовать свой народ. Совсем наоборот, эти люди хотят использовать новшества в своих собственных целях, диаметрально противоположных этим новшествам»[33]. Так охарактеризовал барон Р. Рикман некоторых влиятельных лиц султанского окружения и восприятие ими реформ. Давая оценку ситуации, сложившейся в правящей верхушке вследствие реформ Махмуда II, российский дипломат подтверждает свои заключения парадоксальным примером неожиданного восприятия и интерпретации событий июльской революции 1830 г. во Франции некоторыми консервативными сановниками Османской империи: «Для них (консервативных сановников.— *И. Ф.*) революция, которая только что имела место во Франции,— предмет удивления и восхищения. Для них те средства, которые обеспечили ей триумф, представляются допустимыми и законными в целях предотвращения нововведений государя. Для этих людей конституция — *хорошая вещь* (выделено в тексте.— *И. Ф.*), как заявил об этом однажды инспектор артиллерийского корпуса Тахир-паша, внимательно выслушав объяснение причин, вызвавших последнюю катастрофу в королевской семье во Франции»[34].

И позднее, в годы танзимата, европейские конституционные идеи пытались использовать традиционалисты против европеизации и реформ. Расследование заговора 1859 г. против султана Абдул Меджида I и его министров выявило общее недовольство его участников провозглашением равенства христиан. Организатор заговора шейх Ахмед на допросе показал, что он рассматривает реформаторские эдикты 1839 и 1856 гг. как противоречащие шариату. При этом, как свидетельствует ряд источников, среди участников заговора были сторонники конституционного ограничения власти султана-реформатора[35].

В Европе буржуазные революции совершались для претворения в жизнь новых идей о преобразовании общества. В Османской империи мятежи и восстания XVIII—XIX вв. мусульманского населения проходили под лозунгами ислама, однако не против господствовавшей государственной системы и официальной религии, как это было в первые века существования османского государства. Подобные движения, инициаторами которых было духовенство и до 1826 г. янычары, были направлены не против самой формы правления, а против того или иного султана, чья деятельность не устраивала эти категории населения, справедливо усматривавшие в новшествах и реформах западного образца угрозу своему положению. Говоря о таких элементах в окружении Махмуда II, Р. Рикман полагал, что в них мог таиться зародыш опасности для империи, если бы им «удалось объединить все разнородные страсти, всю мятежную ненависть, которая подготовляет восстания. Однако,— пояснял он,— этой партии не хватает энергии и талантов. Правительство следит за ней, страх ее подавляет, и она имеет мало доверия в качестве моральной силы, ибо, как бы ни были велики нищета и недовольство народа, он устал от войн и восстаний, хочет лишь отдыха и покоя... Большой рычаг здешних мятежей — янычары отсутствуют ныне, улемы же, имевшие силу в союзе с этим корпусом, утратили прежнее политическое влияние на народ» [36].

Партии консервативных сановников и улемов противостояла группа сторонников реформ, по мнению Р. Рикмана также способных в более или менее отдаленном будущем стать угрозой спокойствию страны, хотя это были наиболее преданные слуги султана. Опасность этой партии российский дипломат усматривал в том, что «без предварительной культуры, без природных способностей, без каких-либо знаний, приобретенных учением или элементарным воспитанием, молодежь, которая окружает султана, безотчетно, без анализа схватывает нравы, обычаи, идеи нескольких европейских авантюристов и воспринимает пороки европейской цивилизации, не понимая ее, не умея проникнуться ее интеллектуальными качествами, составляющими ее основу, достойными распространения и развития» [37]. При известной субъективности подхода к описываемым явлениям оценка Р. Рикмана содержит рациональное зерно. В Европе новые социальные и политические идеи вызревали на почве сформировавшихся новых экономических условий развивавшегося капитализма, которому соответствовала новая буржуазная идеология, пришедшая на смену феодальному клерикализму. Но пропасть разделяла традиционный уклад османского общества, веками определявшийся нормами ислама и остававшийся таковым и в начале XIX в., с одной стороны, а с другой — европейскими культурными началами, интенсивно

внедрявшимися в это общество в эпоху Махмуда II. Представления даже образованных турок о европейской цивилизации длительное время лишены были ясного понимания социальных и экономических концепций и систем, направлявших развитие стран Запада, хотя из экономических мер Махмуда II, а затем Порты в эпоху танзимата можно заключить, что у них были все же некоторые представления об экономических функциях государства в XIX в.[38].

Успехи и достижения турок в эпоху реформ Махмуда II живо интересовали европейскую общественность, не всегда, однако, реально представлявшую себе суть происходящих там перемен. В европейской печати эти успехи иногда преувеличивались, что порой приводило к курьезам. Под впечатлением «быстрого прогресса» в Османской империи была сделана попытка посеять в турецкую почву семена идей, которые даже на своей родине во Франции не получили тогда признания. В донесении российского посла А. П. Бутенева канцлеру К. В. Нессельроде сообщалось о следующем происшествии: «Абсурдная секта сен-симонистов[39], которой уже был вынесен приговор во Франции, попыталась распространить свое влияние на Востоке. 12—15 ее членов вот уже несколько дней находятся в Константинополе. Конечно, их доктрина о свободе женщин не могла никоим образом найти хотя бы малейшее применение и хотя бы минимальное число прозелитов, особенно в стране, где полигамия — религиозный и гражданский закон[40]. С самого начала эти ревнители были приняты очень плохо и даже посажены в тюрьму. Правда, турецкие власти их вскоре выпустили и передали в распоряжение французского посольства, которое не без досады вынуждено было защищать своих соотечественников. Сераскер и султан развлекались потом этим инцидентом, в конце концов обращенным в шутку. Однако этот случай, вероятно, положит конец дальнейшему пребыванию сен-симонистов в турецкой столице»[41]. Вышеприведенная история выглядит анекдотичной, потому что имела место в государстве, делавшем лишь первые шаги на пути европеизации, в обществе, где светские начала очень медленно пробивали себе дорогу.

Итогом реформаторской деятельности султана была его поездка в Румелию в апреле — июне 1837 г. Махмуд II объяснил, что его путешествие «имеет единственную цель — обеспечить личным его присутствием благосостояние его подданных, как мусульман, так и христиан, улучшить, насколько возможно, условия их жизни, облегчить участь бедных, позаботиться о защите культов, реконструкции христианских церквей — оказать помощь населению всюду, где оно испытывает нужду»[42]. Путешествие оплачивалось из личных средств султана. По пути следования Махмуда II в качестве пожертвований значительные суммы были розданы бедным, вдовам и сиротам без раз-

личия религиозной принадлежности. Эта поездка султана подробно описана сопровождавшим его прусским офицером Мольтке[43]. Махмуд II достаточно четко представлял себе значение христиан в Османской империи, особенно их роль в экономике государства. Указы, составленные им для губернаторов провинций, где преобладало христианское население, обычно заканчивались следующим образом: «Знайте, что я рассматриваю всех жителей моей империи, какова бы ни была их вера, как залог, доверенный провидением моей заботе; я хочу, чтобы повсюду бедному в особенности оказывалась справедливость и защита, чтобы сельское хозяйство, промышленность и торговля поощрялись. Не забывайте, что христианские подданные, имеющие прибежище под османским знаменем, способствуют процветанию страны и поддержанию моей императорской казны, я хотел бы поэтому, чтобы их личность и их интересы всегда эффективно охранялись, чтобы в своих нуждах, будь то религия или школы, они пользовались постоянно всей свободой, совместимой с интересами нашей святой веры, так как, согласно предписаниям ее законов, мы должны рассматривать их кровь, их имущество, их честь как наши»[44]. Этот, как и предыдущие приведенные здесь указы Махмуда II, уже содержит все основные элементы, которые после смерти султана в 1839 г. легли в основу известного Гюльханейского хатт-и шерифа, открывшего новый этап османских реформ — танзимат.

В 30-х годах XIX в. были заложены основы светского образования, что способствовало появлению государственных деятелей и турецкой интеллигенции нового типа, ставших носителями и проводниками в османском обществе новых идей, сумевших, несмотря на непоследовательность официального политического курса, осуществить дальнейшие реформы и европеизацию страны.

Нормы ислама служили формальным обоснованием и законодательных актов, и практики Махмуда II, однако в действительности они противоречили многим предписаниям Корана, что дало повод консервативным кругам называть реформатора «падишахом-гяуром». Его широкая интерпретация норм шариата, конечно, не имела аналогов в прошлой истории мусульманских государств, но и ситуация, сложившаяся в Османской империи XIX в., тоже была уникальной. Она вынуждала османское правительство искать новые пути политического развития и давать своей политике обоснование хотя и религиозное по форме, но по существу совершенно выходившее за рамки исламской традиции, на что особенно обращали внимание сторонники старой системы. Конечно, сам принцип равенства османских подданных подрывал средневековую религиозную концепцию мусульманского государства, где иноверцы не были полноправным населением. Поэтому с эпохи Махмуда II начинается длитель-

ный процесс секуляризации идей и государственной практики, процесс постепенного отделения государства и его политики от религии, порождавший дихотомию в ряде общественных и культурных институтов.

Покончив с сепаратизмом в провинциях, уничтожив неконтролируемую силу янычарского корпуса, султан сумел обеспечить максимальную в тех условиях централизацию государства, опиравшегося на регулярную армию, которая теперь рекрутировалась среди широких слоев мусульманского населения. Чтобы эффективно осуществлять власть и контроль над всеми подданными империи, султану уже было недостаточно его ореола главы мусульманской общины. Численно и экономически окрепшие христианские общины, поддерживаемые Россией, не могли довольствоваться прежней ролью подчиненной и оставленной на милость победителя реайи. Реформы 30-х годов, по замыслу султана, должны были уравнять и сблизить столь различавшиеся между собой этнические и религиозные группы населения Османской империи. Такие реформы требовали новой концепции общества, которая не замедлила появиться как доктрина подданных различного вероисповедания, но единой политической системы, близкой тогдашним европейским государствам, на которые она до некоторой степени ориентировалась.

Когда турецкие историки преимущественно обращают внимание на фактор иностранного вмешательства как препятствия на пути реформ, они упускают из виду двойственную природу такого фактора. Это вмешательство, с одной стороны, действительно препятствовало проведению реформ и вследствие узкокорыстных интересов каждой из великих держав, и вследствие их постоянных разногласий, но, с другой стороны, это вмешательство побуждало турецких государственных деятелей к ускоренному проведению реформ, чтобы удержать империю от окончательного распада и не допустить полного контроля какой-либо из держав над османским государством или частью его территории. Отсюда истоки политики танзимата, политики реформ и лавирования Порты между европейскими державами с преимущественной опорой на Англию до начала 70-х годов XIX в.

В середине XIX в. окончательно оформились основные положения доктрины «османизма», начало которой было положено реформами и внутренней политикой Махмуда II. Одновременно в противовес этой официальной идеологии крепли тенденции национальной независимости среди христианских подданных империи. Эти два антагонистических направления вступили в противоборство. Махмуд II, по-видимому, понимал несовместимость своих представлений о положении христиан в рамках обновленного османского государства с существованием средневековой системы миллетов. Есть основания пола-

гать, что он намеревался ее упразднить[45], однако это сделать было уже поздно, слишком далеко зашел процесс децентрализации, к тому же с конца XVIII — начала XIX в. иностранные державы приобрели право покровительства христианским подданным султана, что поощряло их к дальнейшей борьбе за национальную независимость и не способствовало отнюдь успеху новой идеологии Порты. Другим существенным препятствием к распространению и утверждению идеологии «османизма» была, как уже говорилось, чуждость обосновываемых ею реформ традиционным нормам ислама. Османские реформаторы, начиная с Махмуда II и последующие, пытались найти обоснование своим программам в догматах ислама (что было единственно возможным обоснованием в том обществе), но многие их акции шли вразрез с изрядно обветшавшими нормами и предписаниями религии. Даже та формула равенства, которую предлагал Махмуд II, противоречила Корану, не предусматривавшему никакого равенства мусульман с христианами, не признававшему их равными ни перед законом, ни перед верховной властью. Поэтому и Махмуд II, и последующие реформаторы старались заручиться поддержкой высшего духовенства, по необходимости назначая или способствуя назначению на ключевые посты в религиозной иерархии угодных им лиц. Антагонизм между сторонниками европеизации и реформ, с одной стороны, и традиционалистами — с другой, сохранялся на протяжении всего XIX века. Чтобы получить поддержку или хотя бы обеспечить себе нейтралитет религиозных кругов, Махмуду II пришлось приложить немало усилий. Он регулярно предоставлял средства на поддержание и реставрацию святынь Мекки и Медины, будучи «первым и самым верным хранителем мусульманской религии»[46]. Богатые подарки получало население этих городов. Убежденный в том, что религия — наиболее эффективная сила для удержания народов в узде, действенное, но мягкое средство их подчинения, султан не пренебрегал возможностью подчеркнуть ее внешний престиж. Прославляя набожность султана, газеты утверждали, что мечети содержатся превосходно, что их служители оплачиваются гораздо лучше прежнего. Указы, касавшиеся религии, требовали неукоснительного соблюдения пяти ежедневных молитв[47].

Махмуд II не обходил вниманием и глав других религиозных общин. В первый день мусульманского праздника рамазана 1835 г. он пригласил к себе греческого патриарха в Константинополе, двух армянских патриархов (католического и армяно-григорианского), а также главного раввина и вручил им украшенные бриллиантами почетные ордена. «Этот поступок,— писал А. П. Бутенев,— вызвал всеобщее удивление... Он служит доказательством намерений султана следовать системе терпимости и равенства ко всем своим подданным»[48].

Тогда же грекам, как и сербам, было разрешено строить новые либо ремонтировать старые церкви. Султан лично посетил одну из таких полуразрушенных старинных церквей, находившуюся неподалеку от Семибашенного замка в Стамбуле и славившуюся чудотворным источником. Греческому духовенству были пожалованы деньги на ее восстановление[49]. Подобное отношение к иноверцам было беспрецедентным в течение многих веков османского господства, и, конечно, оно сильно, но по-разному впечатляло современников Махмуда II.

Несмотря на очевидные трудности и не всегда четко обозначавшиеся в тот период результаты реформ, в ходе политической и идеологической борьбы внутри правящей группировки новые идеи прокладывали себе дорогу, постепенно охватывая все более широкий круг лиц османской верхушки, которые связывали будущее государства с европеизацией и реформами. В обществе, где религиозный принцип не только преобладает, но и поглощает все остальные, всякая политическая или социальная революция начинается с революции религиозной. Нельзя изменить нравы, институты, систему управления, не меняя или не нейтрализуя религию.

Махмуд II был первым среди мусульманских монархов, который приступил к возрождению своего государства путем более широкой интерпретации догм Корана. Он ничего не менял в тексте религиозных законов, но истолковывал их смысл в соответствии с нуждами своей политики. «Не свершившееся, а то, к чему он стремился, что бодро начал, составляет мерило, по которому потомство должно судить о нем, и это мерило всегда поставит его в ряд недюжинных личностей... Ему бесспорно принадлежит заслуга, что он выровнял место для нового здания, очистил его от наносного мусора средневекового варварства. Он есть основатель нового времени для Турции...»[50].

[1] Васильев А. М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818). М., 1967, с. 105—110.

[2] Там же, с. 112—114.

[3] Указ 1808 г. воспрещал употребление бранной клички «гяур» в обращении к христианам. Согласно другому указу Байрактара сбор хараджа был изъят у откупщиков и передан в ведение греческого и армянского патриархов (Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.— Л., 1947, с. 296—297).

[4] Пантеон знаменитых современников. СПб., 1840, с. 38.

[5] Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Nizam-ı cedit Tanzimat devirleri (1789—1856). C. 5, 2 Baskı. Ankara, 1961, с. 155—156.

[6] Тодоров Н. Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 405.

[7] Там же, с. 191—195.

[8] До начала XX в. словом «миллет» обозначались немусульманские религиозные общины, официально признанные в Османской империи при султане Мехмеде II Фатихе (1444—1446, 1451—1481).

[9] Аккерманская конвенция состоит из трех частей: Пояснительной конвенции к Бухарестскому мирному договору 1812 г.; Отдельного акта о Молдавии и Валахии; Отдельного акта о Сербии (АВПР, ф. Главный архив, I-7, оп. 6, д. 1, 1826, л. 242—242об.).

[10] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 58, 1830, л. 307—307об.

[11] В XIX в. термином «реайя» обозначали только христианское население Османской империи, тогда как в XV—XVII вв. под ним подразумевалось все земледельческое население — и мусульмане, и христиане.

[12] «Le Courrier de Smyrne», 15.01.1831.

[13] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 61, 1831, л. 363—364об.

[14] «Le Courrier de Smyrne», 03.01.1830.

[15] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 61, 1831, л. 265об.

[16] Новичев А. Д. История Турции. Т. 2. Ч. 1 (1792—1839). Л., 1968, с. 248.

[17] Иванов Н. А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма.—«Народы Азии и Африки». 1978, № 3, с. 55—66.

[18] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 61, 1831, л. 266.

[19] «Le Moniteur Ottoman», 26.10.1833. Этот указ был опубликован в августе 1833 г. для губернаторов Румелии, а в декабре 1833 г. с некоторыми дополнениями он был разослан в другие провинции. Текст этого фермана, как и последующих указов Махмуда II, впервые вводится в научный оборот.

[20] Мирмиран — сановник в ранге двухбунчужного паши, глава эйялета, иногда приравнивался к бейлербею.

[21] Мюселлим (мютеселлим) — наместник вали или мутасаррыфа, посылавшийся в санджаки для сбора налогов.

[22] «Le Moniteur Ottoman», 26.10.1833.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] «Le Moniteur Ottoman», 22.01.1834.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] «Таквим-и векаи». 1252 [8.08.1836], № 122. Стамбул.

[29] Мюшир — маршал, звание в османской армии.

[30] «Le Moniteur Ottoman», 17.11.1838.

[31] После убийства султана Мустафы IV в 1808 г. Махмуд II остался единственным взрослым представителем рода Османов, его дети были малолетними.

[32] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 61, 1831, л. 261—261об.

[33] Там же, л. 261об.

[34] Там же, л. 262.

[35] Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (Вторая половина XIX— начало XX в.). М., 1971, с. 43—45.

[36] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 61, 1831, л. 262об.

[37] Там же, л. 263. Из различных источников эпохи Махмуда II и исследований о ней трудно точно установить истинные убеждения тех или иных лиц из окружения султана, так как по этому вопросу имеются противоречивые сведения. Например, ближайший сподвижник султана Хюсрев-паша, долгое время занимавший пост сераскера (военного министра), по отзыву европейца лейтенанта Рейли, находившегося в ставке Хюсрев-паши в начале военных действий против Мухаммеда Али, был активным сторонником новой системы (АВПР, Ф. Канцелярия, Константинополь, д. 243, 1833, л. 18). В секретной записке первого переводчика российской миссии князя Ханджери о реформах и разногласиях в Порте в период танзимата в 1840 г. говорится о двойственной роли Хюсрев-паши, бывшего тогда великим везиром. Ханджери, пишет, что в глубине души этот государственный деятель был за старый порядок вещей, что он солидарен с улемами, которые проклинают новшества (АВПР, ф. Канцелярия, д. 43, 1840, л. 437). Как тайного противника реформ Хюсрев-пашу характеризует Э. З. Карал (Karal E. Z. Osmanlı tarihi... Cilt 5, с. 144).

Д. Г. Розен писал, что это был человек, лично преданный султану и боль-

ше всего заинтересованный в личной карьере (Розен Д. Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Ч. 1. СПб., 1872, с. 258—261).

[38] См.: Фадеева И. Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982.

[39] Последователи учения французского социалиста-утописта Анри Клода де Сен-Симона (1760—1825), подвергавшего острой критике буржуазное общество. Они, в частности Б. П. Анфантен, выдвинули тезис об общественном равноправии женщин. Есть сведения, что в 30-х годах XIX в. они некоторое время находились на службе правителя Египта Мухаммеда Али (Иванов Н. А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама (на примере арабо-османского общества).— Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982, с. 56).

[40] А. П. Бутенев здесь не совсем точен, полагая, что полигамия — религиозный и гражданский закон мусульман. В Коране она допускалась, но отнюдь не предписывалась в обязательном порядке. Среди мусульманских браков было немало моногамных, особенно у бедного населения, где такие браки преобладали.

[41] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 46, 1833, л. 599—599об.

[42] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 39, 1837, л. 415—420. А. П. Бутенев использует в данном донесении отчет второго переводчика прусской миссии Босьовича, находившегося в свите султана.

[43] Мольтке. Письма о Турции.—Военный сборник. СПб., 1877, № 9.

[44] «Journal de Francfort», 12.08.1837.

[45] Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964, с. 95—96. Заменить систему миллетов чем-либо иным было бы чрезвычайно сложно, поскольку и в XIX в. османское общество оставалось экономически, религиозно, культурно и этнически разобщенным. Административный аппарат оставался мусульманским, причем реформы не только Махмуда II, но и танзимата так и не смогли ликвидировать эту разобщенность.

[46] «Le Moniteur Ottoman», 07.03.1837.

[47] Там же.

[48] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, д. 47, 1835, л. 183.

[49] Там же, л. 183.

[50] Розен Д. Г. История Турции Ч. 1. СПб., 1872, с. 329.

В. И. Шеремет

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
(взаимосвязь политики и финансов)

Восточная (Крымская) война 1853—1856 гг. была первым вооруженным столкновением держав на Ближнем Востоке в эпоху промышленного капитализма. В зоне политических интересов европейских держав неизменно оказывалась Османская империя, простиравшаяся от Средиземноморья до Индийского океана, на пересечении важнейших коммуникаций между метрополиями колониальных империй и их владениями в Азии и Африке. Социально-политические и экономические сдвиги, происходившие в Османской империи в первой половине XIX в., создавали предпосылки самостоятельного внешнеполитического курса страны. Османская дипломатия с переменным успехом, но упорно отстаивала свои интересы в столкновениях с европейскими державами. Невозможность для какой-либо одной европейской державы установить контроль над экономическим и стратегическим потенциалом Турции, нетерпеливое ожидание европейскими кабинетами скорого конца «больного человека на Босфоре» содействовали обострению Восточного вопроса, порождали новые формы воздействия держав на процесс реформаторского обновления в Турции.

Война, начавшаяся в 1853 г. между Россией и Турцией, была использована капиталистическими державами Западной Европы для устранения России от влияния на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке. Одновременно к Османской империи были применены такие новые методы политического воздействия, как многосторонние военные соглашения, и экономического подчинения, как кабальные финансовые обязательства, которые в дальнейшем существенно исказили характер и результаты реформ 50—60-х годов XIX в.

В данной статье мы рассмотрим, как сочетались методы политического и экономического вмешательства держав в Турции в 1853—1856 гг.[1].

Следует отметить, что военный союз колониальных капиталистических держав и феодально-теократической Османской империи в 50-х годах складывался на базе совместной борьбы против России в Европе и на Ближнем Востоке, а также против роста национально-освободительного движения балканских народов. При этом внутренние преобразования в Турции оказывались под контролем западноевропейских держав и в зависимости от них, в том числе и не участвовавших формально в Восточной войне, но не преминувших воспользоваться сложным положением Порты. Неравноправность, подчиненность Турции в военном союзе с державами-«покровителями» отражала стремление Англии, Франции и Австрии закрепить второстепенную роль турецкой дипломатии в ближневосточной политике. Путы военного соглашения, привязавшего Порту к политической колеснице держав, были скреплены надежным финансовым узлом.

Наибольшую активность проявляла английская торговая буржуазия, поддержанная всей мощью государственной машины Британской империи. Торговые договоры на принципе «free rade», навязанные Турции (1838 г.), Ирану (1841 г.), Китаю (1842 г.), сочетались с серией вооруженных интервенций в Афганистан, Пенджаб и на побережье Персидского залива, которые вывели Англию прямо к границам Османской империи, в непосредственной близости от российских владений в Средней Азии и Закавказье. Экономический кризис 1847 г. в Англии стимулировал активность британской дипломатии. Промышленный подъем с 1850 г. настойчиво требовал расширения старых и открытия новых рынков, создавая экономические предпосылки для новых войн на Востоке.

Государственный переворот 1850 г. во Франции своим логическим продолжением имел демарш нового императора французов на международной арене. В не меньшей степени промышленная революция побуждала Наполеона III бороться за рынки Восточного Средиземноморья в интересах французских торгово-промышленных кругов. Оказывала воздействие на ближневосточную политику Наполеона III и католическая церковь, требовавшая активизации борьбы за влияние в «святых местах» Палестины, составной части Османской империи. Вопрос о приоритете римско-католической или греко-православной церкви в Вифлиеме и других общехристианских святынях, искусственно раздувавшийся Францией, весьма осложнил напряженные отношения Турции и России последних предвоенных лет.

Турецкое правительство пыталось компромиссно решать проблему «святых мест», подтвердив в феврале 1852 г. прежние привилегии православной церкви, но обеспечив также интересы католического клира в Вифлиемском храме[2]. Однако

конфликт — при активном участии британской дипломатии в Константинополе — быстро разгорался и потерял первоначальную окраску религиозного спора. В мае 1853 г. были прерваны дипломатические отношения между Россией и Османской империей.

Современная турецкая историография трактует кризис в отношениях между Россией и Турцией прежде всего как отражение борьбы России и Франции за ключи от «гроба господня». В работах турецких историков неоднократно подчеркивалась нейтральность и благожелательность Порты к обеим сторонам. При этом Ф. Эркин даже приписывает России инициативную роль в споре о «святых местах» [3].

Отдал дань концепции «святых мест» в столкновении России и Турции в 1853 г. и Э. З. Карал, признанный знаток документов и литературы как турецкой, так и европейской. По его мнению, царь Николай I, не добившись согласия Лондона на совместное определение судьбы «больного человека» в 1853 г., воспользовался проблемой «святых мест», чтобы реализовать свои планы в отношении раздела Турции без европейских партнеров [4]. Однако свидетельства современников, работы отечественных и зарубежных исследователей, в том числе арабских, говорят о том, что именно Франция первой из великих держав использовала католическую церковь на Востоке в политических целях [5]. Политическая и финансовая поддержка широкой миссионерской деятельности и прозелитизм наряду с экономической экспансией были использованы западноевропейскими державами, чтобы втянуть Османскую империю в орбиту своего воздействия.

Следует отметить, что новое поколение турецких историков, сформировавшееся в условиях определенной демократизации общественной жизни и роста антиимпериалистических выступлений в Турции 60—70-х годов нашего столетия, больше задумывается о пагубной роли внедрения западного капитала в экономику Турции в середине XIX в., менее прямолинейно и односторонне судит о периоде 1853—1856 гг. Так, И. Джем и О. Коймен называют англо-турецкую конвенцию 1838 г. и военные займы 1854—1855 гг. первыми вехами подчинения Турции капиталистическому Западу, а Г. Казган проводит прямую аналогию между событиями тех лет и зависимым положением современной Турции в «Общем рынке» [6]. И. Джем, О. Коймен, Д. Авджиоглу указывают на очевидную взаимосвязь между экспансионистскими методами британской дипломатии, не столько поддерживавшей Порту, сколько защищавшей имперские интересы на Ближнем Востоке, и ускорившимся после Крымской войны экономическим отставанием Турции. Однако и эти историки считают войну, начатую Россией в 1853 г., главной причиной задолженности Османской империи.

11 Зак. 543

Подлинные инициаторы Крымской войны — державы, учредившие опеку над финансами и внешней политикой Порты,— Англия и Франция предстают в роли ее защитников и покровителей[7]. Однако обстоятельства подготовки и заключения двух серий соглашений между державами и Портой (военных и финансовых) раскрывают подлинный характер «заступничества» Лондона, Парижа и Вены, их истинные цели.

26 июня 1853 г. был подписан царский манифест о введении войск на территорию Дунайских княжеств. Английская и французская эскадры уже находились на якорной стоянке у входа в Дарданеллы. С 13—14 июня 1853 г. державы готовились разрешить свой конфликт на территории Османской империи и прежде всего за ее счет.

К началу августа 1853 г. по инициативе австрийского министра иностранных дел К. Буоля дипломаты Англии, Франции, Австрии и Пруссии подготовили совместный демарш, известный как Венская нота. Обращенная формально к Турции, эта нота должна была подтвердить положение Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и Адрианопольского договора 1829 г. о защите Россией православных подданных Турции и одновременно гарантировать распространение на них всех новых постановлений Порты о положении христиан в Османской империи под наблюдением России и Франции[8]. Инициатива К. Буоля отражала стремление Австрии и других западных держав не допустить, чтобы Россия и Турция урегулировали свои разногласия без участия, точнее вне контроля, держав. Поэтому как К. Буоль, так и Эд. Друэн де Люис, министр иностранных дел Франции, высказывались за многостороннее решение вопросов, связанных с русско-турецкими отношениями. Николай I немедленно принял это предложение, что казалось ему выходом из конфликта путем соглашения с державами и позволило бы активизировать подготовку нового договора с Турцией о правах христианских подданных[9]. Именно перспектива мирного решения конфликта между Россией и Турцией нарушала интересы держав. Послы поспешили уведомить Порту о вводе англо-французской эскадры в Дарданеллы при появлении русского флота вблизи Босфора. При их участии была подготовлена и в июле 1853 г. направлена в Петербург и в столицы других держав нота, в которой Порта брала на себя обязательства соблюдать права православных подданных, но обращалась к западным державам с призывом гарантировать эти обязательства перед царским правительством. 23 июля 1853 г. министр иностранных дел Мустафа Решид-паша получил официальное согласие послов Англии, Австрии, Франции и Пруссии считать эти положения основой для переговоров между Россией и Турцией. Вместе с тем турецкое правительство уклонилось от принятия Венской ноты, усматривая

в ней попытку установления протектората Парижа и Петербурга над 12-миллионным христианским населением Османской империи. Целью правительственных кругов Османской империи было участие в многосторонних соглашениях европейских держав.

25 сентября 1853 г. по предложению Решид-паши было созвано совещание 160 высших государственных чинов и улемов Османской империи, принявших решение объявить России войну [10]. Спустя четыре дня был обнародован соответствующий хатт-и хумаюн султана Абдул Меджида [11]. Впервые в документах подобного рода обращение султана относилось ко всем подданным без различия веры и содержало заявление о совпадении позиций Порты и западных держав. Ультимативное требование о выводе русских войск из Дунайских княжеств было предъявлено России 4 октября 1853 г. [12]. Двумя днями ранее Порта обратилась к Англии и Франции с просьбой ввести эскадры в Мраморное море.

Для дипломатии Англии и Франции эта просьба имела сугубо формальный характер, так как еще 23 сентября по инициативе посла Франции в Лондоне А. Валевского в узком кругу британского кабинета было принято решение ввести англо-французскую эскадру через Дарданеллы в Мраморное море. Столкновение России и Турции должно было свершиться под наблюдением Лондона и Парижа. Нарушением статута Черноморских проливов (1841 г.) и введением эскадр в Мраморное море создавалась ситуация, исключавшая мирное решение русско-турецких разногласий, подготавливалась позиция, позволявшая державам вмешаться в развитие событий. Однако державы делали вид, что ищут путей к миру, и это вызывало недовольство правых клерикальных и феодальных кругов Османской империи, усматривавших в конфликте с Россией только религиозную сторону и требовавших от султана решительных действий. Кроме того, Порте дальнейшие поиски мира мешали бы расправиться с растущим антитурецким движением в Фессалии и Эпире, поддерживаемым Грецией, с освободительными выступлениями в Сербии, Болгарии, Курдистане.

Военные действия как на Дунайском, так и на Кавказском театрах начались лишь в 20-х числах октября. Османские войска начали военные действия против России на обоих театрах одновременно. В ноябре 1853 г. в Константинополе стало известно, что англо-французская эскадра взяла курс на Мраморное море. Одновременно от европейских банкиров в османской столице поступили сообщения, что Англия и Франция готовы предоставить Османской империи крупный военный заем. Эти обстоятельства, а также переброска турецких войск и снаряжения на побережье Грузии вблизи района действия Шамиля, наконец, неопределенность дальнейших действий союзной

эскадры, вставшей на рейд в Мраморном море, заставили Петербург предпринять решительную морскую операцию у черноморского побережья Турции. В Синопском сражении 30 октября 1853 г. была уничтожена турецкая вспомогательная эскадра в 16 вымпелов, следовавшая в Батум с воинскими грузами [13]. С легкой руки французского историка А. Дебидура в литературе сложился образ растерявшегося после синопского поражения султана Абдул Меджида, который обращался к западным державам за помощью и категорически требовал, чтобы союзная эскадра вышла из Босфора в Черное море. В действительности при Синопе погибли преимущественно устаревшие парусные суда, имевшие к 50-м годам десятую часть орудийных стволов османского, в основном парового флота. Гораздо серьезнее расценивался в Турции разгром на следующий день после Синопа 36-тысячного Карского корпуса сераскера Ахмет-паши в битве под Башкадыкларом [14]. В современной турецкой историографии отмечается, что реакция Англии и Франции на Синопское сражение отражала их собственную заинтересованность в судьбе Черноморских проливов. Вместе с тем Э. Карал, Н. Оздалга, Э. Куран и другие преувеличивали готовность держав добиваться восстановления мира на Ближнем Востоке [15]. Западной дипломатией Синоп и Башкадыклар были использованы для того, чтобы, во-первых, придать русско-турецкому столкновению необратимый характер и, во-вторых, обеспечить посредничество Англии и Франции.

11 декабря 1853 г. в Париже узнали о первых поражениях турецкой армии. Посланнику Порты Намык-паше сообщили о возможности получить заем в 10 млн. фр. Эд. Друэн де Люис распорядился довести до сведения Абдул Меджида, что «Франция не останется равнодушной», и предложил немедленно ввести союзную эскадру в Черное море, чтобы «помешать повторению Синопа» [16].

Одновременно в Лондоне и Париже поспешили с выработкой новых, так называемых декабрьских (1853 г.) предложений о посредничестве в русско-турецком конфликте. В основе предложений лежали идеи сохранения целостности Османской империи под гарантией западных держав и осуществления преобразований в положении христианских подданных под их общим наблюдением. Турция и Россия должны были урегулировать отношения на международной конференции [17]. Такой план означал по существу контроль над внутренней и внешней политикой Османской империи. Реакция в Константинополе была негативной — Абдул Меджид полагал, что Лондонский договор 1841 г. уже является международной гарантией целостности и независимости Турции.

Пока эти предположения обсуждались в различных вариантах в Париже и Лондоне, англо-французская эскадра 2 янва-

ря 1854 г. прошла Босфор и взяла курс на Варну. В этой, еще не объявленной европейскими правительствами, но уже развязанной войне была отброшена нота Порты Австрии от 31 декабря 1853 г.— последняя попытка восстановить мир с Россией на условиях, в целом совпадавших с последними предложениями держав [18]. В документе — возможно подготовительном варианте известного хатт-и хумаюна 1856 г., содержалось также обещание обеспечить в духе и на основе провозглашенных в 1839 г. принципов танзимата равенство всех подданных, без различия вероисповедания. Была сделана также попытка дополнить договор 1841 г. о режиме проливов для придания ему характера большей взаимности и прочности. Оба эти пункта могли бы дать совсем иное направление развитию конфликта на Ближнем Востоке, так как отчетливо вырисовывалось недовольство Порты нарушением режима проливов и «чрезмерным усердием» держав в защите ее христианских подданных. Однако мирная инициатива турок менее всего интересовала Англию и Францию. Лишь К. Буоль выразил Порте готовность поддержать ее мирную инициативу, но и это было связано с собственно австрийскими планами участия в европейской войне. Он одновременно передал мирные предложения Турции в Петербург, укрепляя заблуждения Николая I о благожелательности позиции Вены.

Между тем события приближались к границам Австрии. С середины января 1854 г. ширилось антитурецкое восстание в Эпире и Фессалии и могло в любой момент перекинуться в Сербию. Греция поддерживала эпирских повстанцев и могла начать военные действия против Турции. В европейских столицах еще были живы воспоминания о 1828—1829 гг., когда греческая революция получила решающую поддержку России. Такого поворота западные державы всемерно стремились избежать, но при этом они хотели бы заставить Порту следовать курсу полного подчинения, который ей проложили западные лоцманы лондонскими соглашениями 1841 г. Все это на языке тогдашних дипломатов называлось «сохранением европейского равновесия» от попыток его нарушения Россией [19].

Финансисты в Лондоне и Париже оговаривали технические подробности первого турецкого займа, когда англо-французская эскадра после 20 дней крейсирования в Черном море вернулась на босфорский рейд. Наполеон III готовил личное послание (29 января 1854 г.) Николаю I, еще раз пытаясь поставить решение Восточного вопроса под контроль держав под видом озабоченности Франции напряженностью в Черном море. В письме содержалась угроза (от имени Англии и Франции, хотя формального союза еще не было заключено) блокировать черноморское побережье России в случае дальнейшего пребывания русских войск в Дунайских княжествах [20]. Условия

русско-турецкого соглашения, которое могло бы иметь место, подлежали утверждению конференцией четырех западных держав. В ответном письме 8 февраля 1853 г. Николай I, к случаю вспомнив 1812 г., отказался капитулировать на условиях Наполеона III, призывая в свидетели своего «миролюбия и попранного достоинства бога, отечество и европейских читателей»[21]. Столь же определенно он высказался и в отношении совместного англо-французского ультиматума от 27 февраля 1854 г. об очищении княжеств.

В Константинополе тем временем был спешно завершен и 12 марта 1854 г. подписан англо-франко-турецкий военный договор — первый в истории Османской империи многосторонний договор, носивший наступательный характер. В Париже и Лондоне торопились. Через две недели последовало объявление Англией и Францией войны России. Поскольку державы не считали надежным договор с Портой. 10 апреля 1854 г. они дополнили его отдельным военным соглашением, регулировавшим их отношения вне союза с Турцией. Так же за спиной османской дипломатии 11 апреля был подписан Венский протокол, по которому Англия, Франция, Австрия и Пруссия брали обязательства не заключать с Россией сепаратных соглашений. В отношении Турции предполагались совместные действия по возвращению Дунайских княжеств под власть султана, соблюдение территориальной целостности османских владений и дальнейших реформ для христианского населения.

Неудивительно, что англо-французские войска начали военные действия 15 апреля 1854 г. с оккупации Пирея, чтобы пресечь развитие греческого повстанческого движения. Одновременно главные силы союзников начали накапливаться на Дунайском театре, в районе Варны. В начале июля здесь было до 50 тыс. французских и около 20 тыс. английских солдат и офицеров.

Встревоженная Порта активизировала действия своих войск, при этом в Константинополе сочли, что союзный договор с Австрией (14 июля 1854 г.) о занятии княжеств австрийскими войсками послужит некоторым противовесом англо-французскому давлению[22]. Однако Франция, раздраженная «излишней ретивостью турок» (так оценивал действия Порты французский посол в Константинополе А. Бараге д'Илье), намеревалась оказаться в княжествах раньше Австрии, надеясь потеснить при этом Англию в борьбе за влияние на османское правительство.

Лондон несколько неопределенно высказывался о конечных целях войны, полагаясь больше на экономические методы воздействия на Порту. Французских войск в Румелии было вдвое больше, чем английских, и Наполеон III взял на себя очередную дипломатическую инициативу. Эд. Друэн де Люис подготовил и совместно с К. Буолем представил Англии и Пруссии

план «Четырех пунктов», которые должны были лечь в основу мира между Россией и Османской империей. Согласно этому документу, развивавшему упомянутый Венский протокол держав от 11 апреля 1854 г., Россию следовало лишить права защиты православного христианства и покровительства Сербии и Дунайским княжествам. Предусматривалось коллективное вмешательство западных держав как в дела всех христианских подданных Порты, так и в дела Молдавии и Валахии. Режим проливов, определенный в 1841 г., и судоходство в устье Дуная подлежали пересмотру в сторону вытеснения России из Восточного Средиземноморья и ограничения ее влияния в Черном море. Проливы предполагалось поставить под контроль союзников [23]. Принятие этих пунктов лишало бы Россию какой-либо самостоятельности в Восточном вопросе и установило бы коллективный протекторат держав над Османской империей. Примечательно, что союзники не сочли нужным даже согласовать с Портой эти предложения, прежде чем направить в Россию. Порта, согласившись к этому времени с условиями своего первого займа, была связана военными соглашениями со своими заимодавцами, и ее мнение уже никого не интересовало.

Действительно, Крымская война создала благоприятные условия для вторжения иностранного, прежде всего английского и французского, капитала в Турцию. Торговый оборот Англии с Турцией увеличился с 188 млн. фр. перед войной до 221,4 млн. фр. в 1856 г. Оборот Франции вырос с 78 млн. до 223 млн. фр. Торговля России с Турцией осталась на довоенном уровне [24]. При сокращении вывоза турецких товаров в Англию быстро рос экспорт английских товаров, прежде всего хлопчатобумажных тканей, достигнув к 1853 г. 80 млн. фр., что, по данным компетентного современника, почти впятеро превышало стоимость всех промышленных товаров, вывозившихся Россией в страны Востока [25].

К. Маркс и Ф. Энгельс накануне Крымской войны отмечали, что центр англо-русского экономического соперничества в Азии переместился в район Черного моря. Через Трапезунд шли товары на Средний Восток, через устье Дуная — «этим путем в Азию» — осуществлялась значительная часть торговли «Швейцарии, Германии, Венгрии, Турции и главным образом Молдавии и Валахии» [26]. После 1848 г. ввоз из Англии в черноморские порты России сокращался и к 1851 г. заметно отставал от английского ввоза в Дунайские княжества [27]. Однако непосредственно в канун войны (1851—1852) русский ввоз в Турцию начал выравниваться и возрастать (до 25% за два года) при одновременном сокращении английского экспорта в Османскую империю вследствие переполнения рынка английскими товарами. Эти обстоятельства вызвали серьезную озабо-

ченность в деловых и правительственных кругах Англии как с точки зрения рынка, так и контроля над торговыми путями.

Англия, парализовав в конце 40-х годов дипломатическими методами попытки Египта сохранить контроль над Суэцем — важнейшей коммуникацией между Европой и зоной Индийского океана, уступила Франции в вопросе о строительстве Суэцкого канала в 1854 г.[28]. Однако она вполне вознаградила себя преимуществом на регулярных пароходных линиях Ливерпуль — Трапезунд, Константинополь — Трапезунд, а также исключительными правами на изыскания по трассе предполагавшегося железнодорожного пути от Средиземного моря через Сирию и Ирак на Иран. По концессии, выданной Портой в 1851 г., в годы войны на английский капитал была построена железная дорога Александрия — Суэц, обслуживавшая преимущественно английские военные перевозки. Под предлогом обороны Восточной Анатолии в годы войны английская компания начала добиваться концессии на строительство дороги Самсун — Сивас. В конце войны началась прокладка первой в Турции железной дороги Смирна — Айдын, положившей начало кабальной задолженности по «километрическим гарантиям»[29].

Торговые соглашения, навязанные Порте в конце 30-х — начале 50-х годов, по существу, возобновили режим капитуляций в Османской империи. Осуществление турецким правительством «режима свободной торговли», принятого под давлением западных держав, ряд мер по защите экономических интересов иностранных предпринимателей в Турции, наконец, участие в войне в союзе с колониальными державами — все это содействовало установлению в период Крымской войны финансовой зависимости — одной из форм полуколониального режима.

В 1844—1851 гг. османское правительство предприняло несколько попыток создать национальную банковскую систему, произвести обмен каимэ (бумажных денег) и поддерживать стабильный курс куруша (110 курушей за 1 ф. ст.). Накануне войны Константинопольский государственный банк впервые в османской истории принял участие во внешнеторговых операциях в интересах государства, обеспечив сделки в Англии на 636 млн. курушей, в Австрии — на 6,5 млн. и во Франции — на 168 млн. курушей. Весной 1853 г. в прессе появились сообщения об открытии в Лондоне отделения государственного Оттоманского банка для внешней торговли[30]. Согласованное противодействие европейских финансистов и их представителей в столице Османской империи сорвало все усилия Порты создать независимую банковскую систему. Курс куруша к 1853 г. упал до 150 курушей за 1 ф. ст., изъятие из обращения обесцененных бумажных денег было приостановлено[31].

С неудачной деятельностью первых турецких банков были

связаны переговоры о внешнем займе. Накануне войны, осенью 1852 г., банкиры Парижа и Лондона выразили готовность предоставить Порте заем на 50 млн .фр. на 23 года. Порта была готова в обеспечение займа предоставить на три-четыре года (но не более чем на 10 лет) доходы Египта, Дунайских княжеств, Сербии. Кредиторы настаивали на максимальном сроке — 23—25 лет. Султан не утвердил заем как излишне долгосрочный[32]. В течение всего 1853 года послы Турции в Лондоне и Париже Мусурус-эфенди и Намык-бей получали уклончивые ответы на все попытки вернуться к вопросу о займах. Переговоры о займе приобрели новое развитие уже после начала военных действий на Дунае. Лондонские банкирские дома Дент, Палмер, Маккиллори и К° и их компаньоны в Париже Бишофсгейм, Голдсмит и К° предоставили Порте шестипроцентный заем на 3 млн. ф. ст. (330 млн. курушей) сроком на 15 лет[33].

В июне 1855 г., в разгар осады Севастополя и боев на Кавказе, Порта была вынуждена просить новые займы. К этому времени непомерные для Турции военные издержки, превысившие 10 млн. ф. ст., и растущие внутренние расходы привели к образованию в бюджете дефицита, достигшего 5,8 млн. ф. ст. Лондонские банки («Н. М. Ротшильд и сыновья» преимущественно) при участии парижских банков предоставили Порте четырехпроцентный заем на 5 млн. ф. ст. (550 млн. курушей). Цена реализации была значительно ниже[34]. По предложению советников из администрации Британской Индии, внимательно следивших за «делом о турецких займах», в обеспечение первого займа Порту обязали выделить доходы Египта. В обеспечение второго займа добавились поступления таможен Сирии и Смирны. Оба займа предназначались сугубо на военные цели.

Для контроля за расходованием займов и поступлением платежей в Константинополь были направлены представители правительства Англии и Франции. Напрасно Порта требовала от своих послов в Лондоне и Париже избежать такого контроля. Было отвергнуто предложение турецкой стороны о создании смешанной Комиссии наблюдателей, где большинство в три голоса принадлежало бы представителям Турции против двух представителей именно банков-заимодавцев, а не правительств Лондона и Парижа. Советник австрийского правительства при Порте продолжал наблюдать за разработкой законов в защиту иностранной собственности. Контролеры деятельно готовились включить в хатт-и хумаюн 1856 г. о новом этапе танзимата положение, которое узаконило бы статут их наблюдателей за финансами Порты.

Для покрытия бюджетного дефицита, возросшего к концу войны до 8,5 млн. ф. ст., и в целях выкупа бумажных денег,

курс которых упал за годы войны до 30% нарицательной стоимости, не погасив двух первых долгов, Порта вынуждена была просить новые займы под высокий платежный процент и снижавшуюся цену реализации.

Открытый в Константинополе в год окончания войны Оттоманский банк с чисто английским капиталом спустя семь лет получал права государственного банка, и через него по настоянию Англии и Франции была проведена консолидация внешнего долга Османской империи[35]. Получив реально менее 8 млн. ф. ст. займов в 1854—1855 гг. и затратив более 11 млн. ф. ст. на военные цели, Порта выплачивала долги своим союзникам по Крымской войне вплоть до 1914 г.

Все более втягиваясь в долгую, изнурительную войну, Порта постепенно утрачивала контроль за положением дел не только в своем финансовом ведомстве, но и на театрах военных действий. По существу отказавшись от сюзеренитета над Дунайскими княжествами, по австро-турецкой конвенции от 14 июня 1854 г.[36], Порта не сумела убедить союзников уделить особое внимание Кавказскому фронту. В июле 1854 г. в Лондоне и Париже была согласована операция в Крыму, где находилась главная база русского черноморского флота — Севастополь. В августе 1854 г. командующие союзными силами в Варне сообщили об этом решении сераскеру Дунайского фронта Омер-паше, о существовании которого «союзники, казалось, позабыли, по отзывам современников, после заключения военных договоров» (С. Базанкур, Дж. Тэйлор и др.).

В Константинополе с понятной благожелательностью отнеслись к переводу англо-французских войск из Европейской Турции в Крым. Однако в правительственных кругах с беспокойством наблюдали за ростом активности британских «путешественников» и «дипломатов» в Западной Грузии и Месопотамии, ростом напряженности на ирано-турецкой границе. К августу 1854 г. с помощью английских советников было приостановлено развитие курдского восстания, к которому готовы были присоединиться греки, армяне, айсоры, арабы Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Необоснованными оказались расчеты Порты на массовые восстания горцев в тылах русского Кавказского корпуса[37]. По плану полковника британской службы У. Ф. Уильямса — советника при штабе Анатолийской армии, фактически руководившего всеми военными действиями в Анатолии, включая карательные операции против повстанцев, Порта сосредоточила силы в Карсе и Эрзуруме. Турецкие части потерпели сокрушительное поражение под Карсом, но важнейшая артерия английской торговли на Среднем Востоке — Трабзон — Тебриз — оказалась прикрыта.

Озабоченная потерями на Кавказе и бедственным положением своего корпуса под Севастополем, Порта настаивала на

его выводе из Крыма. Однако Франция не желала сокращать число турецких войск в Крыму во имя операций на Кавказе, видя в этом защиту лишь английских интересов. В свою очередь, как отметил К. Маркс, «английское правительство упорно стремилось расстроить планы Порты»[38] в отношении самостоятельных действий, поставить ее в исключительную зависимость от Лондона, переложить на Францию ответственность за совершившееся в конечном счете падение Карса и вероятное — Эрзурума[39].

9 сентября 1855 г. отступлением русских войск на Северную сторону завершилась героическая эпопея обороны Севастополя. Стало «ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников»[40]. В ноябре пал Карс. На обширной территории от Вана до Багдада, а также в Сирии и Ираке турецких войск почти не оставалось. Основные цели Англии и Франции были достигнуты: царская Россия потерпела поражение, а Османская империя была опутана сетью долговых обязательств и практически лишилась армии.

Англия и Франция поспешно готовили документы Парижского конгресса, которые закрепили бы контроль за внутренним положением в Османской империи и подорвали международный престиж России, ее влияние на Ближнем Востоке и Балканах.

[1] О причинах и характере Крымской войны см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 121—152.

[2] См. там же, с. 130—132.

[3] См.: Uçok C. Soyasal tarih 1789—1950. Ankara, 1961, с. 165—176; Kutan E. Osmanli imparatorluğunda yenileşme hareketleri.—Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976, с. 1008; Erkin F. Les relations turco-soviétiques et la question des detrois. Ankara, 1968, с. 39.

[4] Karal E. Osmanlı tarihi. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). Cilt 5. 3. Baskı. Ankara, 1970, с. 222.

[5] См.: Хаджи Мурат Ибрагимбейли, Шеремет В. И. Современная турецкая историография Восточной (Крымской) войны.—«Вопросы истории». 1977, № 4, с. 51.

[6] Cem I. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. 2-ci baskı. İstanbul, 1972, с. 201—202; Köymen O. The Imperialism of Free Trade the Ottoman Empire. The Report to the Intern. Congress of Economic History. M., 1970, с. 13—14; Kazğan G. Ortak Pazar ve Türkiye. İstanbul, 1970, с. 109.

[7] Bulutoğlu K. 100 sorunda Türkiye'de yabancı sermaye. İstanbul, 1970, с. 68—72; Derin F. Osmanlı devletinin siyasi tarih.—Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976, с. 999—1000.

[8] Зайончковский А. М. Восточная война в связи с современной ее политической обстановкой. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1913, № 15, с. 180.

[9] Nesselrode K. Letters et papiers. T. 10. P., 1909, с. 254.

[10] В турецкой исторической литературе подчеркивается широкий состав участников совещания и коллективность принятого решения (см.: Uçok C. Siyasal tarih 1789—1950, с. 180).

[11] «Это означало,— писал Э. З. Карал,— объявление России войны» (Karal E. Osmanlı tarihi..., с. 234).

[12] Е. В. Тарле в этой дате относил объявление Османской империей войны России (Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М.— Л., 1950, с. 280).

[13] Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 137. В турецкой историографии Синопское сражение сравнивается с Чесменским (1770 г.), предопределившим поражение Османской империи в войне 1768—1774 гг., и трактуется как непосредственная причина вступления в войну Англии и Франции во имя «спасения» Османской империи (см.: Karal E. Osmanlı tarihi..., с. 236; Kurat A. N. Türkiye ve Rusya XVIII yüzyıl sonundan Kurtuluş savaşına kadar türk-rus ihşkikleri (1789—1919). Ankara, 1970, с. 73).

[14] Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 144; Karal E. Osmanlı tarihi..., с. 235.

[15] Хаджи Мурат Ибрагимбейли, Шеремет В. И. Современная турецкая историография, с. 53.

[16] Guichen E. La guerre de la Crimée (1854—1856) et l'attitude des puissances européenes. P., 1935, с. 92.

[17] Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 137.

[18] Текст см.: Bapst E. Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie (1848—1854). P., 1912, app. № 6.

[19] Из письма А. Валевского Дж. Кларендону с предложением о военном союзе (см.: Guichen E. La guerre de la Crimée..., с. 121).

[20] Привлекая внимание европейской общественности к миротворческой позиции Франции публичными заявлениями, Наполеон III австрийскому дипломату Д. Гогенцоллерну-Зиненгеру доверительно открывался: «Я смеюсь над Восточным вопросом так же, как и над влиянием русских в Азии. Меня интересует лишь их влияние в Европе, и я хочу положить конец тому господству, которое последнее время петербургский кабинет приобрел на континенте». И далее Наполеон III выражал конечную цель своей позиции в эти годы: «Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели» (извлечено из архива МИД Франции А. М. Зайончковским. Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 139).

[21] В письме к М. С. Воронцову (конец января — начало февраля 1854 г.) Николай I не без горечи признавал, что «уступать-то и некуда. Россия требует того, что ей следует по трактатам — ни более, ни менее, где уж тут случай к уступкам» (см.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 10. Тифлис, 1868, с. 792).

[22] Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 140.

[23] Там же, с. 141.

[24] См.: Ubicini A. La Turquie actuelle. P., 1855, с. XXVI; Heuschling Xav. L'Empire de la Turquie. Bruxelles, 1860, с. 181.

[25] Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 35.

[26] См.: Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции.—Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 13; Маркс К. Лорд Пальмерстон. Статья седьмая.— Там же, с. 408.

[27] Семенов Л. С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 118; Шеремет В. И. Русско-турецкие экономические связи в середине XIX в.— «История СССР». 1978, № 6, с. 196.

[28] См.: Шеремет В. И. Суэц и колониальные державы в 30-х—40-х годах XIX в.— Международные отношения XIX—XX вв. Л., 1980.

[29] Семенов Л. С., Шеремет В. И. Внешнеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны.— «Вестник ЛГУ». 1972, № 14, с. 45—46.

[30] «Le Journal de Constantinople», 04.05.1853.

[31] du Veley A. L'histoire financiere de la Turquie. P., 1903, с. 127—128.

[32] Rodkey E. Ottoman Concern about Western Economic Penetration in the Levant. 1849—1856.— «The Journal of Modern History». 1958, vol. 30, № 4, с. 350.

[33] Заем был гарантирован британским правительством. Обращения Банка Ротшильда к правительству за гарантиями предполагавшихся займов Порте

в 1829 г. (в связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг.) и в 1839—1840 гг. (война с Мухаммедом Али) были безуспешны. В 1854 г. в Лондоне хотели ограничиться контролем за расходованием займа, но учли возможность прямого воздействия на экономическое положение Османской империи, а также готовность Франции предоставить Турции заем с правительственными гарантиями без участия английского капитала («Economist», 19.08, 02.09.1854; «Banker's Magazine», December 1854).

[34] Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 142.

[35] Там же.

[36] Обстоятельство, впервые отмеченное К. Марксом (см.: Маркс К. Восстание в Мадриде.— Австро-турецкий договор.— Молдавия и Валахия.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. с. 305—310).

[37] См.: Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971, гл. XII.

[38] Маркс К. Падение Карса.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 11, с. 655.

[39] См. там же, с. 652.

[40] Энгельс Ф. Европейская война.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 11, с. 619.

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
1979

Османская империя:
проблемы истории
и источниковедения

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. И. Штемпель*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 15143

Сдано в набор 01.08.84. Подписано к печати 26.12.84. А-04785. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11. Усл. кр.-отт. 11,13. Уч.-изд. л. 12,14. Тираж 1400 экз. Изд. № 5669. Зак. 543
Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию

Фадеева И. Л.

Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (Османизм — панисламизм). 20 л.

В монографии освещается идейная эволюция османского общества в XIX в., зарождение и развитие официальных доктрин османизма и панисламизма, анализируются формы их воплощения в государственной практике, а также роль, которую эти доктрины были призваны сыграть в укреплении единства Османской империи. Рассматривается религиозная ситуация в империи и этапы становления панисламистского движения в последней трети XIX в.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

1 р. 90 к.